

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

А. МИЛЮКОВА

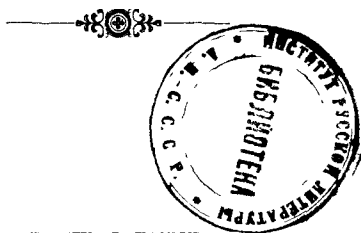
Кокоршинъ — Языковъ — Гоголь —
Введенскій — Сенковскій — Бутковъ —
Герценъ — Достоевскій — Ап Гри-
горьевъ и Мей



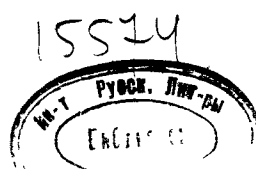
С-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С СУВОРИНА
1890

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

А. МИЛЮКОВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1890



Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13



Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ.

Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ встрѣчались рассказы о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Кокошкинѣ, бывшемъ директорѣ московскаго театра и переводчикѣ мольеровскаго «Мизантропа». Въ воспоминаніяхъ его современниковъ онъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутости, чванствѣ, интригахъ и узкомъ педантизмѣ. Можетъ быть, въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго и притомъ только въ послѣдніе годы его жизни, въ моей ранней молодости, но какъ бы ни было, онъ представляется мнѣ человѣкомъ не только не злымъ, а, напротивъ, доброжелатель-

нымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ, въ тогдашнемъ псевдо-классическомъ смыслѣ, и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо, столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни.

Я былъ еще въ одномъ изъ высшихъ классовъ первой, и въ то время единственной, московской гимназіи, когда отецъ мой переѣхалъ въ домъ Кокошкина, на Никитскомъ бульварѣ. Мы жили во флигелѣ, а хозяинъ помѣщался въ большомъ каменномъ домѣ, который стоялъ въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы рѣшетчатымъ заборомъ. Въ то время Федоръ Федоровичъ не былъ уже директоромъ императорскаго театра, но не переставалъ еще интересоваться имъ; его посѣщали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сценѣ бывали иногда спектакли, на которые съѣзжались люди изъ лучшаго москов-

скаго общества и артистическаго круга. Многихъ, кажется, привлекало не столько предлагаемое зрѣлище, сколько сопровождавшіе его ужины и вообще широкое, радушное гостепріимство хозяина. Мнѣ скоро пришлось быть на одномъ изъ такихъ спектаклей, и хотя онъ сильно занималъ меня, особенно артистической игрой самого Кокошкина и жившей тогда въ его домѣ актрисы Потанчиковой, но я замѣтилъ, однако же, что нѣкоторые гости меньше интересовались пьесой, чѣмъ буфетомъ. Иные даже втихомолку подсмѣивались надъ превосходительнымъ актеромъ.

На масляницѣ Кокошкинъ былъ у насъ на блинахъ, заговорилъ со мною, спросилъ о занятіяхъ въ гимназіи, пожелалъ видѣть мои классныя сочиненія и предложилъ брать книги изъ его библіотеки. Я конечно не упустилъ случая воспользоваться этимъ предложеніемъ. Тутъ удалось мнѣ перечитать много классическихкихъ, преимущественно французскихъ, писателей и въ первый разъ познакомиться съ трагедіями и романами Вольтера. Въстѣ съ тѣмъ,

при частыхъ прогулкахъ въ библіотеку, гдѣ иногда проводилъ я цѣлые часы, рассматривая гравюры и иллюстрированныя изданія, которыя неудобно было брать домой, я познакомился и съ домашней жизнью моего патрона.

Кокошкину въ то время было лѣтъ семьдесятъ, но онъ еще казался бодрымъ и не переставалъ разыгрывать свѣтскаго селадона и дамскаго поклонника. Надобно было видѣть, какія совершались съ нимъ каждый день овидіевскія превращенія. Утромъ, вставъ съ постели, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, желтый какъ египетская мумія, съ гладкимъ безволосымъ черепомъ и ввалившимися щеками, и медленно пилъ свою чашку кофе. Казалось, этотъ уже полуживой старикъ сейчасъ рухнетъ на полъ. Но вотъ приходитъ его камердинеръ, Данило Ивановичъ, ставитъ на столъ разныя принадлежности старческаго туалета—флаконы съ румянами и бѣлилами, щеточки и кисточки, рыжеватый парикъ на деревянномъ болванѣ и искусственную челюсть на серебряномъ блюдцѣ. И начиналось

превращеніе, какого не придумывалъ и пѣвецъ «Метаморфозъ». Пергаментное лицо мало-по-малу бѣлѣло и алѣло подъ косметической штукатуркой, голый черепъ прикрывался густыми завитыми кудрями, изъ-за натертыхъ розовой помадою губъ выглядывали прекрасные вставные зубы, и вся сгорбленная фигура выпрямлялась подъ туго затянутымъ корсетомъ. Раза два или три въ недѣлю, въ модномъ сюртучкѣ, съ тросточкой, на концѣ которой былъ золотой молоточекъ, послѣдній изъ атрибутовъ масонства, выѣзжалъ онъ въ коляскѣ, или только сопровождаемый ею выходилъ пѣшкомъ на прогулку.

Модными гуляньями въ Москвѣ были въ то время Прѣсенскіе пруды, Тверской бульваръ и Осташевскій садъ. Тамъ въ очередные дни недѣли можно было видѣть лучшее московское общество. Отъ двухъ до четырехъ часовъ дня прилежающія улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеямъ двигались пестрые группы гуляющихъ. На каждомъ изъ этихъ гуляній были свои кортесы и признанныя знаменитости: иногда можно было встрѣтить тамъ

характерную фигуру Ермолова, съ его величаво-львиной головой, или улыбающееся, умное лицо Дениса Давыдова, или шагающаго на тонкихъ ногахъ пресловутаго ратника, Сергѣя Глинку. Были знаменитости и между дамами: такъ, на примѣръ, однажды общее вниманіе обращено было въ Осташевскомъ саду на извѣстную кавалеристъ-дѣвицу, Дурову-Александрову. Кокоркинъ посѣщалъ регулярно эти гулянья, особенно садъ и бульваръ, и его можно было видѣть преимущественно или съ тогдашними литературными и артистическими извѣстностями, или съ молодыми дамами. Кто встрѣчалъ его въ эти часы, стоящаго передъ какой-нибудь московской красавицей и играющаго своей тросточкой съ живостью молодаго франта, тому конечно не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять превратится въ жалкаго старика и полиняетъ, какъ грошевый московскій ситецъ.

Первыми красавицами въ Москвѣ считались въ то время дѣвицы Фольцъ. Это были двѣ сестры, обѣ блондинки, необыкновенно строй-

ныя и изящныя. Въ лучшемъ обществѣ онѣ не были приняты, и барыни окидывали ихъ строгимъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, когда онѣ появлялись въ ложѣ Малаго театра или на гуляньяхъ, въ сопровожденіи старика внушительной наружности, съ длинными сѣдыми усами и орденскими ленточками въ петлицѣ статскаго сюртука. Одни говорили, что это отецъ молодыхъ красавицъ, отставной майоръ или подполковникъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставившій службу незадолго до начала революціи тридцать перваго года. Другіе утверждали, будто дѣвушки вовсе не дочери его, а только какія-то дальнія родственницы, и это отчасти подтверждалось тѣмъ, что его видали въ костелѣ, а онѣ ходили въ русскія церкви. Сомнительная репутація этого семейства кончилась тѣмъ, что однажды, послѣ прогулки на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ кто-то поднесъ дѣвушкамъ два персика, онѣ обѣ умерли въ тотъ же самый день. Въ церкви Старога Вознесенья стояли два голубые гроба, и покойницъ отпѣвали при большомъ стеченіи публики.

Я видалъ сестеръ Фольцъ въ Осташевскомъ саду. Иногда онѣ были съ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родителемъ, а иногда онѣ прогуливался съ кѣмъ-нибудь, а дѣвушки сидѣли на скамейкѣ, окруженныя свѣтской молодежью и старыми холостяками, къ которымъ присоединялся иной разъ и Кокошкинъ. О загадочной смерти барышень долго говорила вся Москва, и вотъ какъ объясняли этотъ трагическій случай.

Говорили, что Фольцъ употреблялъ своихъ прекрасныхъ дочекъ для ловли московскихъ и заѣзжихъ простаковъ, способныхъ увлекаться привѣтливымъ взглядомъ красавицы. Онѣ замѣчали, кто особенно на нихъ засматривался, развѣдывалъ объ общественномъ положеніи и особенно о достаткѣ поклонника, и если находилъ то и другое удовлетворительнымъ, то поручалъ красавицѣ, которая привлекала на себя вниманіе, поощрить исканія жертвы. Неосторожная муха попадала въ сѣти паука. Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ на Тверскомъ бульварѣ или танцевъ въ купеческомъ собраніи, довѣр-

чивому ловеласу дозволялось пожать прекрасную ручку, и обыкновенно случалось такъ, что самъ старикъ знакомился съ нимъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ. И вотъ поклонникъ застаётъ однажды любимую особу одну, такъ какъ папаша съ другой сестрой куда-то уѣхалъ. Какой чудный вечеръ: комфортабельная гостинная освѣщена матовымъ свѣтомъ карсельской лампы. Очаровательная дѣвушка, сыгравъ какой нибудь нѣжный романсъ на фортепьяно, садится на шелковый диванъ, съ улыбкой и поощряющимъ взглядомъ. Можно ли желать лучшихъ минутъ для объясненія? И гость пользуется ими и высказываетъ обычное признаніе въ любви. Передъ нимъ смущаются, краснѣютъ, но не отталкиваютъ его. Но посреди перваго поцѣлуя вдругъ открывается дверь и въ комнату показывается папаша, величавый, грозный, съ сверкающими отъ негодованія глазами.

— Несчастливая, говоритъ онъ, обращаясь къ смущенной дѣвукѣ: преступная дочь! И ты не постыдилась опозорить мою честную шестидесятилѣтнюю жизнь? Ты отнимаешь у меня

единственное достояніе -- добрую славу моего имени. Оставь меня, иди прочь съ моихъ глазъ; я отрекаюсь отъ тебя, я тебя проклинаяю!.. А вы, милостивый государь, продолжаетъ Фольцъ, обращаясь къ своему гостю: вы соблазнили невинную дѣвушку, вы насмѣялись надъ сѣдинами отца, стараго солдата, который тридцать лѣтъ проливалъ кровь за царя и отечество. Еслибы я былъ моложе, я убилъ бы васъ на мѣстѣ, но къ несчастію мои израненныя въ бояхъ руки не въ состояніи уже держать оружія. Но я найду мстителей. Тѣ, кому я служилъ вѣрой и правдой, не допустятъ безнаказанно смѣяться надъ честными сѣдинами заслуженнаго воина...

Ни къ какимъ, однако жъ, мстителямъ оскорбленному папашѣ не приходилось обращаться: оканчивалось тѣмъ, что попавшая въ сѣти жертва отпускалась на всѣ четыре стороны, подписавъ заготовленный заранѣе вексель на болѣе или менѣе крупную сумму. Вѣроятно, впрочемъ, что у иныхъ такимъ образомъ попадавшихъ въ паутину мухъ было жало, и этимъ

объясняли печальный конецъ отравленныхъ персиками дѣвушекъ. Называли два-три имени подозрѣваемыхъ, но, кажется, розыски ни къ чему не повели, а Фольцъ послѣ того пропалъ куда-то изъ Москвы, и самое происшествіе скоро было забыто. Помню, какъ однажды *Т. Т. Коконкинъ*, рассказывая кому-то изъ знакомыхъ о подвигахъ этого негодяя, представилъ его въ роли оскорбленнаго отца и мастерски продекламировалъ его патетическій монологъ передъ преступною дочерью и ея соблазнителемъ. Сцена была прочитана съ большимъ искусствомъ и правдою.

Вообще, *Коконкинъ* былъ замѣчательнымъ декламаторомъ, разумѣется, въ томъ стилѣ, который господствовалъ на французской сценѣ прошлаго столѣтія. Мы давно уже привыкли относиться свысока къ этой декламации, такъ же, какъ и къ той драмѣ, которую прозвали псевдо-классической. Нельзя не согласиться, конечно, что въ той и другой было много условнаго, искусственнаго, несогласнаго съ дѣйствительной жизнью, но та и другая были есте-

ственнымъ созданіемъ своего вѣка и прямымъ выраженіемъ идеала націи, стоявшей во главѣ образованнаго міра. Неправъ былъ Вольтеръ, называвшій грубымъ дикаремъ Шекспира, но неправъ и тотъ, кто подводитъ Вольтера и Расина подъ мѣрку нашей современной теоріи. Во французской сценической декламации, при талантливыхъ исполнителяхъ и въ соотвѣтствующихъ ей пьесахъ, было не мало увлекательнаго. Это доказала въпослѣдствіи Рашель и въ недавнее время Росси. Но я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокошкина. Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдо-классической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокошкинъ вслѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Ко-

нечно, чтеніе перваго было увлекательнѣе и производило болѣе сильное впечатлѣніе, что зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ превосходнаго его таланта, но и въ декламаціи послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ. .

Оставя дирекцію казеннаго театра, Кокошкинъ принялся за торговые и промышленныя предпріятія. Это зависѣло не отъ упадка его состоянія или разстройства дѣлъ: кромѣ двухъ домовъ въ городѣ, у него было хорошее подмосковное село Анненское и еще какія-то имѣнія въ другихъ губерніяхъ. Къ спекуляціямъ побудилъ его, кажется, тотъ торговый задоръ, который началъ тогда обнаруживаться въ средѣ русскихъ баръ и помѣщиковъ, можетъ быть, въ невольномъ предчувствіи конца крѣпостного права. Съ каждымъ годомъ дворяне все больше брали гильдейскихъ свидѣтельствъ, открывали заводы, фабрики и пускались въ торговые

обороты. Но многіе при этомъ не только не выигрывали, а, напротивъ, разстраивали свое состояніе и даже совсѣмъ теряли его. Настоящіе купцы и заводчики, слыша о постоянныхъ крахахъ господъ, самодовольно покачивали головами и говорили, что подобныя предпріятія—вовсе не барское дѣло.

Ө. Ө. Кокочкинъ также потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ промышленныхъ затѣяхъ. Прежде всего, онъ построилъ заводъ для выдѣлки сальныхъ свѣчей и открылъ свѣчную лавку подлѣ Охотнаго ряда, гдѣ теперь Лоскутная гостинница. Въ то время по всей этой небольшой улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, были такъ называемыя шубныя лавки, гдѣ торговали крестьянскими нагольными тулупами и мѣховыми шапками, изображенія которыхъ и наклеваны были на вывѣскахъ, надъ каждой входной дверью. Бывая иногда въ магазинѣ Кокочкина, я не разъ имѣлъ случай любоваться своеобразнымъ обращеніемъ шубныхъ торговцевъ съ покупателями и принятымъ у нихъ способомъ рекомендовать свой товаръ. Какъ

скоро на улицѣ показывался мужичекъ, запозрѣваемый по нѣкоторымъ признакамъ въ намѣреніи купить шапку или тулупъ, стоявшіе у ближайшей отъ угла лавки мальчишки или взрослые парни начинали зазывать его, величая почтеннымъ или хозяиномъ, и, если онъ медлилъ самъ войти, то его брали за руки, вводили насильно и запирали двери. Покупатель оставался тамъ довольно долго и иногда выходилъ съ шубой или шапкой въ рукахъ; но большею частью бывало то, что онъ не сходился въ цѣнѣ съ продавцомъ, или товаръ ему не нравился, тогда вдругъ двери отпирались, и вытолканный въ шею мужикъ летѣлъ стремглавъ на середину улицы. Тутъ ожидавшіе уже такой развязки торговцы противоположной лавки быстро подбѣгали къ нему, хватали его подъ руки и, прежде чѣмъ успѣвалъ онъ опомниться, втаскивали къ себѣ и запирали за нимъ двери. Вѣроятно, и въ этой лавкѣ покупатель не могъ столкнуться съ купцами, и его снова выталкивали на мостовую, откуда опять тащили въ новую лавку на другой сторонѣ, и такимъ об-

разомъ, если ему не удавалось отбиться и убѣжать къ Иверской часовнѣ, бѣдняка долго бросали, какъ мячикъ, съ одной стороны улицы на другую. Кокошкинъ видѣлъ однажды эту оригинальную торговлю изъ своего магазина и ѣздилъ говорить о ней съ оберъ-полиціймейстеромъ, но я не знаю, повліяли ли эти переговоры на шубныхъ торговцевъ.

Свѣчной заводъ почему-то не пошелъ и магазинъ скоро былъ закрытъ. Тогда Ѳедоръ Ѳедоровичъ задумалъ другое дѣло. Въ подмосковной деревнѣ у него засѣвался картофель, перемалывался на собственной мельницѣ въ муку, которая и сбывалась съ выгодой въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Вдругъ кто-то, возвратясь изъ-за границы, сообщилъ ему, что видѣлъ въ Англіи машину, которая служитъ для выдѣлки картофельной муки и работаетъ съ необыкновенной быстротою. Кокошкинъ черезъ какое-то агентство выписалъ немедленно подобную машину и заплатилъ за нее, сколько помнится, двѣ или три тысячи рублей. Снарядъ этотъ привезли въ Анненское, поставили и, собравъ



157-11

— Да зачѣмъ же, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, бросать ее?

— А что съ нею дѣлать? спросилъ Кokoшкннъ.

— Вы говорите, что мука идетъ на патоку?

— Ну, да.

— Такъ надѣлаемъ-ка изъ нея патоки съ имбиремъ да и будемъ сами носить по Москвѣ съ пѣсенкой: «патока съ имбиремъ! вареная съ имбиремъ! варилъ дядя Симеонъ, тетушка Арина купала—хвалила, а дѣдушка Елизаръ всѣ пальчики облизалъ!»

Кokoшкннъ сморщился, но черезъ минуту самъ расхохотался надъ этой выходкой.

Такая же неудача постигла и послѣднюю затѣю старика. Какой-то остзейскій нѣмецъ предложилъ ему купить секретъ новоизобрѣтеннаго производства фарфоровой глины, придающаго издѣліямъ необыкновенную прочность и блескъ. Ожидая значительныхъ выгодъ отъ этого дѣла, Кokoшкннъ пріобрѣлъ новооткрытый секретъ, опять за довольно крупную сумму,

устроилъ заводъ гдѣ-то за Москвой-рѣкой, нанялъ мастеромъ самого изобрѣтателя, съ хорошимъ, разумѣется, жалованьемъ, и открылъ магазинъ у Никитскихъ воротъ. Дѣло сначала пошло довольно бойко: фаянсовая и фарфоровая посуда хорошо продавалась въ Москвѣ и на Макарьевской ярмаркѣ. Ободренный заводчикъ взялъ поставку узорныхъ изразцовъ по стариннымъ рисункамъ, для печей въ возобновляемыхъ кремлевскихъ Термахъ и, кромѣ того, приготовилъ къ открывавшейся тогда въ дворянскомъ собраніи мануфактурной выставкѣ роскошный фарфоровый туалетъ съ живописными бордюрами и выпуклыми цвѣтами, въ который вставлены были серебряныя, нарочно заказанныя принадлежности. Въ надеждѣ, что эта изящная вещь будетъ куплена въ домъ какого нибудь миллионера, или даже ко двору, ей назначили баснословно дорогую цѣну. Между тѣмъ, въ городѣ начали ходить слухи, что на заводъ Кокошкина возятъ по ночамъ для примѣси къ глинѣ такой продуктъ, который до сихъ поръ употреблялся только въ иныхъ

мѣстахъ для унавоженія полей, и хотя издѣлія нашего заводчика не отличались никакимъ специфическимъ запахомъ, но ихъ перестали покупать, и самое названіе «кокошкинская посуда» сдѣлалось браннымъ словомъ. Пресловутый туалетъ также никто не купилъ; съ выставки привезли его въ домъ и поставили въ кабинетѣ, а потомъ онъ отчего-то лопнулъ и вынесенъ былъ въ сарай, гдѣ катали бѣлье, и прачки мало-по-малу обломали съ него всѣ рельефные цвѣты. Дѣятельность завода кончилась, а непроданныя фарфоровыя вещи, вазы и сервизы раздарены были знакомымъ.

Кокошкинъ былъ членомъ англійскаго клуба и довольно исправно посѣщалъ его. Возвращался онъ оттуда очень поздно и иногда пѣшкомъ. Однажды вышелъ случай, который могъ кончиться печально. Полицейскіе солдаты, избивавшіе по ночамъ бездомныхъ собакъ, какими въ то время обилвала Москва, преслѣдовали какую-то дворняшку у нашего дома, и такъ какъ ворота оставались обыкновенно растворенными до возвращенія хозяина изъ клуба,

и ихъ иногда совсѣмъ не караулили, то гонимая собака бросилась къ намъ на дворъ. Будочники вбѣжали за нею и начали выгонять, бросая въ нее палками. Въ эту минуту Кожкинъ, возвращавшійся пѣшкомъ изъ клубнаго засѣданія, входилъ въ ворота, и преслѣдуемая собака бросилась ему подъ ноги, а за нею полетѣла и брошенная увѣсистая палка. Старикъ упалъ и хотя не ушибся, но отъ испуга пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Въ Анненскомъ устраивалась иногда охота на волковъ, для чего приглашались и гости изъ Москвы. Я не бывалъ на этихъ потѣхахъ, но мнѣ говорили, что онѣ оканчивались обыкновенно двумя-тремя подстрѣленными зайцами и роскошнымъ ужиномъ, на которомъ выпивался цѣлый ящикъ шампанскаго. Волковъ не только не случалось бить, но ихъ даже и не видали. Тотъ самый пріятель нашего амфитріона, который предлагалъ ему торговать въ разность патокой съ имбиремъ, совѣтовалъ, для полного наслажденія охотой, выписывать волковъ и медвѣдей изъ Костромской губерніи и раз-

водить въ анненскихъ лѣсахъ. Кажется, мужики нарочно привозили вымышленныя извѣстія о появленіи мнимыхъ волковъ, потому что въ городѣ барина не легко было видѣть, а въ деревнѣ его осаждали различными просьбами, въ которыхъ онъ, по добротѣ своей, рѣдко отказывалъ. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что однажды староста заманилъ барина на охоту для того, чтобы генералъ былъ у него воспріемникомъ отъ купели новорожденного ребенка и при семъ торжествѣ пожаловалъ крестнику лѣсу на какую-то постройку.

Зимою, кромѣ спектаклей, бывали иногда у Кокошкина литературные вечера, но они не особенно интересовали меня, потому что читали большею частію давно уже извѣстное и напечатанное. Кажется, главною задачей при этомъ было не самое содержаніе сочиненія, а искусство чтеца, такъ какъ выбирались преимущественно драматическія сцены или такіе рассказы, въ которыхъ преобладалъ діалогъ. Нерѣдко между слѣшателями возникали споры, и главной темой ихъ былъ капитальный во-

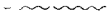
простъ того времени о различіи классицизма и романтизма. Однажды, впрочемъ, споръ вышелъ изъ этого обычнаго круга. Кто-то изъ гостей, и кажется Вельтманъ, авторъ замѣчательныхъ, но теперь уже забытыхъ романовъ: «Кощей безсмертный», «Святославичъ» и др., прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Въ часы забавъ иль праздной скуки». При этомъ, по поводу послѣдней строфы, возникло разногласіе о томъ, кому поэтъ посвятилъ эту прекрасную пьесу. Въ одной редакціи заключительные стихи читались такъ:

Твоимъ огнемъ душа палнма
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

По другимъ же рукописнымъ спискамъ слѣдовало будто бы читать этотъ куплетъ иначе, а именно:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Тутъ и начался споръ о томъ, къ кому Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи. Одни говорили, что оно посвящено московскому митрополиту Филарету, другіе полагали, что авторъ обращался къ митрополиту петербургскому — Серафиму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ хотѣлъ будто бы угодить этимъ посланіемъ и тому и другому. Разумѣется, теперь никому уже не придетъ въ голову подозрѣвать нашего великаго поэта въ такой двуличности. Кокш-кинъ, хотя не питалъ особаго расположенія къ Пушкину, энергически говорилъ противъ такого обвиненія и утверждалъ, что стихи посвящены были Серафиму.



Д. И. ЯЗЫКОВЪ.

Въ самый годъ моего поступленія въ Петербургскій университетъ я познакомился съ Дмитріемъ Ивановичемъ Языковымъ, извѣстнымъ ученымъ, переводчикомъ Шлецера изслѣдованія Несторовой лѣтописи и издателемъ записокъ Нащокина и Дюка Лирийскаго. Это было въ 1839 году. Раньше онъ служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, но въ это время занималъ мѣсто непремѣннаго секретаря Императорской Россійской Академіи, которая тогда была самостоятельнымъ ученымъ заведеніемъ и помѣщалась въ первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ теперь находится Римско-Католическая Духовная Академія. Въ ту пору академическое зданіе состояло изъ цен-

трального дома и двухъ боковыхъ флигелей, соединенныхъ теперь съ нимъ промежуточными придѣлками въ одно цѣлое. Въ главномъ корпусѣ въ верхнемъ этажѣ была обширная зала засѣданій, канцелярія, архивъ и библіотека, а въ нижнемъ жилъ Дмитрій Ивановичъ съ семействомъ. Одинъ изъ флигелей отдавался въ наемъ, а въ другомъ помѣщались служившіе при академіи чиновники и еще нѣсколько чело-вѣкъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дому. Здѣсь и я поселился, когда Языковъ, по рекомендаціи одного своего родственника, съ которымъ я познакомился въ дорожномъ дилижансѣ, пригласилъ меня давать уроки сыну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разобрать его собственную библіотеку и составить каталогъ.

Когда я узналъ Языкова, ему было уже съ виду болѣе шестидесяти пяти лѣтъ. Это былъ низенькій старикъ, совсѣмъ сѣдой и немного сгорбленный, но еще бодрый и живой. Занимаясь въ его библіотекѣ, я вполне ознакомился съ его образомъ жизни. Какъ рано ни придешь, бывало—непремѣнно увидишь его въ кабинетѣ,

за письменнымъ столомъ, обложеннымъ книгами. Хотя рабочая комната выходила на дворъ, но въ ней отчетливо слышался и громъ рояля изъ залы, и крикъ попугая изъ диванной, а между тѣмъ научный труженикъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Работа положительно дѣлала его глухимъ и слѣпымъ ко всему окружающему. Но, какъ только било три часа, онъ въ ту же минуту вставалъ и шелъ въ переднюю, гдѣ лакей держалъ уже наготовѣ зимой шубу, а въ другія времена года шинель коричневаго сукна, съ тремя воротниками, одинъ на другомъ. Говорятъ, что кенигсбергцы повѣряли свои часы по времени ежедневно регулярной прогулки Канта, и мнѣ кажется, то же самое могли бы дѣлать жители первой и седьмой линій и Большого и Средняго проспектовъ Васильевского Острова, по направленію которыхъ Дмитрій Ивановичъ гулялъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. По возвращеніи его, тотчасъ же садились за обѣдъ, а когда подавали кофе, человекъ несъ уже въ диванную двѣ подушки и одѣяло, и

старикъ шелъ на часъ отдыхать. Его непремѣнно провожала младшая его дочь, десятилѣтняя дѣвочка, которая знала на память «Горе отъ ума» и должна была, прежде чѣмъ отецъ заснетъ, прочесть ему какую нибудь сцену изъ комедіи Грибоѣдова. Этотъ установленный порядокъ нарушался только разъ въ недѣлю, въ тѣ дни, когда бывали собранія членовъ академіи, и Языковъ, какъ непремѣнный секретарь, постоянно въ нихъ участвовалъ. Въ эти дни и прогулка отменялась, и обѣдали позже обыкновеннаго, а вмѣсто отдыха и чтенія онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ нибудь изъ приглашенныхъ къ обѣду. Чаше другихъ бывалъ нѣкто Анастасевичъ, переводчикъ «Федры» Расина и горячій почитатель Вольтера и энциклопедистовъ. Оба старика, сидя въ креслахъ, толковали о тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, куря какой-то чрезвычайно крѣпкій табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубочекъ, которыя служили только на одинъ разъ и послѣ того бросались. Въ кабинетѣ былъ всегда большой запасъ этого добра. Такія трубки я ви-

далъ потомъ на картинахъ Теъера, у его фла-
мандскихъ мужиковъ.

Судя по такой правильной жизни хозяина, можно бы, кажется, ожидать, что и въ домѣ долженъ быть образцовый порядокъ. На самомъ дѣлѣ этого не было. Правда, Языковъ былъ небогатъ, но при готовой квартирѣ, порядочномъ содержаніи и доходахъ съ какого-то, хотя и небольшого, имѣнія онъ не долженъ бы нуждаться, а между тѣмъ въ домѣ часто замѣчались недостатки въ вещахъ самыхъ необходимыхъ. Хозяйство, несмотря на то, что за нимъ смотрѣла особая экономка, велось далеко не правильно. Самъ Дмитрій Ивановичъ, какъ я уже сказалъ, былъ человѣкъ кабинетный и нисколько не вмѣшивался въ домашнія дѣла. Меня только удивило то положеніе, въ какомъ я нашелъ его библіотеку. Казалось бы, у человѣка, исключительно занятаго учеными трудами, которые требовали постоянныхъ справокъ съ источниками, книги должны быть предметомъ особыхъ заботъ и сохраняться въ порядкѣ. Напротивъ, библіотека была въ жалкомъ

положеніи. Шкапы не запирались, и книги, съ позволенія или безъ позволенія, бралъ всякій, кто только хотѣлъ, и, когда возвращалъ, то ставилъ куда попало. Иныя книги совсѣмъ не возвращались. При разборѣ, я отдѣлилъ цѣлую груду разрозненныхъ томовъ, и притомъ отъ изданій цѣнныхъ и довольно рѣдкихъ. И едва прошло нѣсколько дней послѣ того, когда я отобралъ полные экземпляры и составилъ часть каталога, какъ и въ этомъ начали уже оказываться пробѣлы. Старикъ сердился, но это нисколько не прекращало пропажъ. Оставались цѣлыми только тѣ книги, которыя постоянно лежали на его пыльномъ письменномъ столѣ. Куда исчезали и кому нужны были разрозненные томы, осталось неизвѣстнымъ. Два или три раза я видалъ книги изъ Языковской библіотеки у жильцовъ нашего флигеля, но помню, что онѣ возвращались исправно. Можно думать только, что ихъ постигла та же судьба, какъ и многіе десятки томовъ академическихъ изданій, которыя лежали большими грудями на чердакѣ. Дѣло въ томъ, что иногда во флигель

къ намъ забывали принести дровъ, и тогда утромъ кто нибудь изъ обывателей нашего этажа, болѣе другихъ чувствительный къ холоду, поднимался на чердакъ, бралъ въ этой кладовой кучу книгъ и затапливалъ ими печь. Больше всего топили, по удобству формата для переноски, экземплярами сочиненій адмирала Шишкова и изданіемъ «Ликей или кругъ словесности» Лагарпа. Иногда эти аутодафэ дѣлались въ такомъ размѣрѣ, что клочья полусгорѣвшей бумаги, вылетая изъ трубы, обильно падали на улицу, и однажды въ академію приходила полиція освѣдомиться о причинѣ такого бумажнаго изверженія. Но вѣрно этимъ произведеніямъ суждено уже было погибнуть не отъ крысъ, а отъ огня, потому что все, что мы не успѣли сжечь, сгорѣло потомъ при бывшемъ въ академическомъ флигелѣ пожарѣ.

Во время, о которомъ я говорю, нашъ флигель былъ очень населенъ. Внизу, въ большой квартирѣ, жилъ какой-то крупный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія съ большимъ семействомъ. Въ каждомъ окнѣ видна

была постоянно женская голова надъ какой-то работой. Но, такъ какъ въ эту квартиру былъ особый входъ съ улицы и жильцы ея никогда не появлялись у Языковыхъ, то мы и не знали, кто эти господа и почему живутъ въ академическомъ домѣ. Верхній этажъ, гдѣ и мы дали небольшую меблированную комнату, былъ гораздо характернѣе. Въ немъ жило и проживало много самаго разнообразнаго люда.

Большую комнату, окнами на улицу, занималъ полиціѣмейстеръ академіи. Сколько я могъ понять, его величали такимъ образомъ потому, что онъ командовалъ тремя академическими сторожами, отдавалъ имъ приказы мести улицу, смотрѣть за чистотой двора и приводить въ порядокъ залу передъ началомъ ежедневныхъ засѣданій. Занятія эти не очень, однако-жъ, обременяли его, такъ что онъ каждый день по нѣсколько часовъ посвящалъ литературному труду. Во все время моего житія въ академіи онъ работалъ въ потѣ лица надъ переводомъ одного разсказа Альфреда де-Виньи, размѣромъ не больше печатнаго листа, попра-

влялъ его, передѣлывалъ, сокращалъ и довелъ до полной неузнаваемости съ оригиналомъ. Тутъ онъ остался доволенъ своей работой и, перечитавъ ее всѣмъ, у кого достало терпѣнія его слушать, понесъ рукопись въ какой-то журналъ, но такъ какъ ее не приняли, то нашъ полиціймейстеръ снова принялся за Сизифовъ трудъ надъ исправленіемъ и передѣлкою своего перевода. Не знаю, сподобился ли онъ видѣть свое многострадальное произведеніе въ печати.

Сосѣдомъ его былъ другой труженикъ, Θεодосій Ивановичъ, который извѣстенъ былъ у насъ подъ именемъ нумизмата. Въ какой степени онъ знакомъ былъ съ этой наукой, я не знаю. У него не водилось никакого нумизматическаго собранія и даже викакихъ сочиненій по этому предмету, но онъ любилъ перечислять, въ какомъ музеѣ или частномъ хранилищѣ находится такая или другая рѣдкая монета. Съ особеннымъ одушевленіемъ рассказывалъ онъ, какимъ иногда чудеснымъ случаямъ подвергаются нумизматы. У одного

какого-то извѣстнаго любителя былъ въ коллекціи чрезвычайно рѣдкій серебряный пятакъ Петра III. Въ одинъ прискорбный день эта драгоцѣнная монета пропала и, несмотря на всякіе поиски и обѣщаніе значительной награды тому, кто ее представитъ, рѣдкость не находилась. Бѣдный ученый былъ въ отчаяніи и рѣшилъ, что сокровище его какимъ нибудь образомъ похищено было кѣмъ нибудь изъ завистливыхъ нумизматовъ. Но вышло не то: въ квартирѣ перестилали полъ, и подъ нимъ нашли мышиное гнѣздо, а въ немъ оказался и пропавшій пятакъ. Такимъ образомъ, здѣсь мышь чуть не надѣлала бѣды, какъ сорока-воровка въ «Сонамбулѣ». Собственные занятія Θεодосія Ивановича въ нумизматикѣ ограничивались тѣмъ, что къ нему по воскресеньямъ приходили нищіе и приносили ему собранныя мѣдныя деньги, которыя онъ промѣнивалъ у нихъ на серебро, съ прибавкою нѣсколькихъ копѣекъ. Это дѣлалось, какъ онъ говорилъ, въ тѣхъ видахъ, что нищимъ попадаютъ иногда рѣдкіе экземпляры, цѣнимые на вѣсъ золота.

Впрочемъ, сколько я помню, ему не удалось добыть этимъ путемъ ничего замѣчательнаго. Но Θεодосій Ивановичъ жилъ въ академіи не ради нумизматики. Офіціальнымъ его занятіемъ было составленіе, по порученію Языкова, указателя личныхъ именъ и географическихъ названій къ какому-то изданію русскихъ лѣтописей. На его письменномъ столѣ стояли ряды картонныхъ коробочекъ, съ нарѣзанными изъ бумаги билетами, величиной съ игральную карту. На нихъ выписывались слова изъ лѣтописи и размѣщались по коробкамъ подъ соотвѣтственной буквой, чтобы потомъ вносить ихъ по порядку въ общій алфавитный списокъ. Но работѣ этой не суждено было увидѣть свѣтъ: она сгорѣла во время того пожара, въ которомъ погибъ и «Ликей» съ другими академическими изданіями. Впрочемъ, едва ли слѣдуетъ жалѣть объ этой потерѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ въ отсутствіе нумизмата иные изъ нашихъ сожителей, нуждаясь въ клочкѣ бумаги, чтобы закурить трубку или сигару, брали для того готовые уже билеты труженика. Можно

представить, какъ полонъ былъ бы указатель
Θеодосія Ивановича.

Въ надворной части флигеля, рядомъ съ моей
комнатой, жилъ капитанъ Кукъ. Такъ звали у
насъ отставного лейтенанта, который былъ ка-
кимъ-то дальнимъ родственникомъ жены Язы-
кова и потому пользовался квартирой въ ака-
деміи и столомъ отъ Дмитрія Ивановича. Вся-
кое утро, какъ только било девять часовъ или,
по его выраженію, скляпокъ, въ комнатѣ его,
которую онъ называлъ каютой, раздавался рѣз-
кій свистъ и затѣмъ крикъ: «эй, боцманъ!» И
на этотъ призывъ являлся его деньщикъ-ма-
тросъ съ отвѣтнымъ крикомъ: «есть!» Слѣдо-
вала команда: «ставить лиселя!» Это значило,
что боцманъ долженъ подавать чай и къ нему
«морскія сливки», т. е. ромъ. Напившись чаю,
лейтенантъ выходилъ на вахту, т. е. начиналъ
маршировать назадъ и впередъ по комнатѣ, за-
пустивъ руки въ карманы шароваръ. При этомъ
онъ замѣтно покачивался, хотя и увѣрялъ, что
отъ многолѣтняго плаванія въ экспедиціяхъ
давно пріобрѣлъ морскія ноги, на которыхъ мо-

жетъ держаться при самомъ сильномъ штормѣ. Въ какихъ именно экспедиціяхъ бывалъ нашъ капитанъ Кукъ, мы не могли узнать. На вопросы объ этомъ, онъ отзывался обыкновенно, что плавалъ во всѣхъ широтахъ и навѣрно открылъ бы Америку и путь въ Индію, еслибы его не предупредили эти невѣжды — Колумбъ и «Васька» де-Гама. Теперь лейтенантъ постоянно сидѣлъ въ своей каютѣ и выходилъ изъ нея или, какъ онъ говорилъ, снимался съ якоря только разъ въ три мѣсяца, когда ѣздилъ за полученіемъ пенсіи.

Кромѣ этихъ постоянныхъ обитателей, у насъ появлялись временные кочевники: старшій сынъ Языкова, служившій въ гатчинскихъ кирасирахъ и часто пріѣзжавшій въ отпускъ, его товарищи-юнкера, родственники капитана Кука, кадеты морскаго корпуса, студенты и всякая молодежь. Все это жило иногда по нѣскольку дней и почивало въ свободныхъ комнатахъ, обильно снабженныхъ диванами. Въ нашъ флигель снизу никто не ходилъ, и у насъ иногда подымался такой содомъ, съ пѣснями и всякимъ

школьничествомъ, что жена Дмитрія Ивановича присылала узнать, чтò здѣсь дѣлается. Самъ Языковъ во все время моего житія въ академіи только разъ приходилъ во флигель навѣстить капитана Кука, который сильно простудился во время экспедиціи за пенсіей.

У Языкова кромѣ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшему я давалъ уроки для поступленія въ кадетскій корпусъ, было три дочери. Старшая была замужемъ за отставнымъ гвардейскимъ полковникомъ Кожинымъ, и обыкновенно по праздникамъ пріѣзжала съ мужемъ къ отцу и проводила у него цѣлый день. Прелестная, кроткая и всегда задумчивая, она принадлежала къ типу тѣхъ женщинъ, которыя должны были служить моделью для художниковъ при изображеніи подвижницъ первыхъ вѣковъ христіанства. О младшей ея сестрѣ я уже сказалъ: въ то время это была дѣвочка бойкая, способная и общавшая также быть красавицей. Средняя сестра, Конкордія Дмитриевна, воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ. Когда я поселился въ академіи, она

уже оканчивала курсъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла изъ заведенія. Это было важнымъ событіемъ не только въ семействѣ Языкова, но и во всемъ академическомъ домѣ. Праздничные обѣды Дмитрія Ивановича сдѣлались многочисленны: на нихъ появились новыя лица изъ военной молодежи, привлекаемая очевидно прекрасною институткою. Съ перваго появленія этой изящной красавицы, стройной и гибкой, съ антично-правильными чертами и неподдѣльной наивностью во всѣхъ движеніяхъ, у насъ во флигелѣ только и разговоровъ было, что о ней. Не только молодежь, но и наши ученые труженики, и даже капитанъ Кузь, были отъ нея безъ ума. Восхищеніе это, кажется, оставалось для нея тайною до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, оно выразилось со стороны какого-то изъ ея поклонниковъ странною выходкою, которая была очень непріятна для институтки. Вотъ что случилось. Въ диванной комнатѣ, у окна, стояла клѣтка съ попугаемъ. Не знаю, давно ли и гдѣ пріобрѣтенъ былъ этотъ попугай, но вѣроятно онъ принадлежалъ прежде какой нибудь

итальянецъ, потому что отчетливо выкрикивалъ и по нѣскольку разъ повторялъ фразу: «io t'amo, mío caro!» Кто-то изъ поклонниковъ институтки, и очевидно близкій къ дому, придумалъ объяснить свои чувства обожаемой особѣ черезъ посредство этого попугая. Однажды въ воскресенье за обѣдомъ, который по праздникамъ бывалъ обыкновенно въ залѣ, прилежащей къ диванной, въ то время, когда между разговорами выдалась минута общаго молчанія, попугай громко закричалъ: «милая Конкордія, я люблю тебя!» Молоденькая институтка вспыхнула и едва не заплакала. Розыски о томъ, какой педагогъ давалъ уроки русскаго языка попугаю, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ ученикъ такъ хорошо оправдалъ своего преподавателя, что каждый день по нѣскольку разъ повторялъ заученную фразу, а такъ какъ это не нравилось институткѣ, то его и съ клѣткой подарили какой-то знакомой барынѣ. Языковъ, какъ я помню, очень жалѣлъ объ этомъ, потому что любилъ каждое утро

самъ приносить попугаю размоченный въ сливахахъ сухарь.

Старшій сынъ Дмитрія Ивановича, какъ я уже сказалъ, служилъ юнкеромъ въ гатчинскихъ кирасирахъ, и мнѣ приходилось иногда ѣздить съ какими нибудь порученіями къ нему въ Гатчину. Одна изъ такихъ поѣздокъ особенно осталась у меня въ памяти. Это было весною, въ концѣ апрѣля. Дни стояли прекрасные, солнечные. Нева давно разошлась и Исаакіевскій мостъ, который тогда служилъ единственнымъ сообщеніемъ Васильевского Острова съ Адмиралтейскою стороною, былъ уже наведенъ. Кончивъ порученіе въ Гатчинѣ, я на другой день добрался благополучно до Царскаго Села, пообѣдалъ тамъ въ гостинницѣ и вечеромъ воротился по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Спокойно дошелъ я до набережной, и вдругъ вижу — мостъ разведенъ, во всю ширину рѣки сплошной бѣлой массой тянется ладожскій ледъ, и перевозъ прекратился. Съ нѣсколькими копѣйками и безъ всякаго знакомства на лѣвомъ берегу Невы я очутился въ затруднительномъ

положеніи. Съ слабой надеждой на то, что, можетъ быть, ледъ разойдется и откроется перевозъ, пошелъ я бродить по Невскому проспекту, но, когда часа черезъ два воротился на набережную—ледоходъ былъ такъ же густъ и пустые ялики качались у пристани, на которой дремалъ одинъ перевозчикъ и расхаживалъ квартальный. Очевидно, что попасть домой было нельзя. Идя безъ цѣли по Англійской набережной, я уже посматривалъ на полукруглую гранитную скамейку, по сторонамъ которой спускаются сходы къ водѣ. Здѣсь я думалъ ночевать, завернувшись въ шинель. Когда я остановился передъ спускомъ и глядѣлъ на движущуюся по Невѣ ледяную массу, ко мнѣ подошелъ какой-то морякъ.

— Вамъ вѣрно на ту сторону нужно? спросилъ онъ.

— Да, у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ и не хотѣлось бы ночевать на улицѣ.

— И я въ такомъ же положеніи; надобно, во что бы ни стало, попасть на Островъ.

— Но какъ же мы попадемъ—перевоза нѣтъ.

— А вотъ какъ: теперь двѣнадцатый часъ, полиція скоро уйдетъ съ пристани... Мы возьмемъ яликъ и сами переѣдемъ безъ перевозчика. Насъ, конечно, отнесетъ льдомъ, но, вѣроятно, у Горнаго корпуса пристанемъ. Хотите?

— Съ удовольствіемъ; вы, какъ морякъ, вѣроятно сѣумѣете справиться съ яликомъ.

— Надѣюсь. Только двоимъ будетъ трудно; пойдемте искать еще одного или двухъ товарищей.

Это не стоило большого труда. По набережной бродили печальныя фигуры, похожія на тѣни, скитающіяся по берегу Стикса въ напрасномъ ожиданіи Харона, который перевезъ бы ихъ въ страну успокоенія. Намъ скоро удалось завербовать еще двоихъ островитянъ, купца и сенатскаго чиновника, пожелавшихъ участвовать въ нашей экспедиціи. Чтобы не возбудить подозрѣнія, мы по одиночкѣ подвигались къ пристани. Какъ только квартальный ушелъ, мы дружно сбѣжали на плотъ, сѣли въ одинъ изъ яликовъ и, захвативъ съ другихъ пару лишнихъ веселъ и багровъ, оттолкнулись отъ пристани

и врѣзались въ промежутокъ плывущихъ хрупкихъ льдинъ. Насъ, однако-жъ, увидали; полицейскій прибѣжалъ на пристань и закричалъ:

— Воротитесь! я вамъ приказываю.

— Полноте, отецъ-командиръ, отвѣчалъ ему морякъ: — ваши приказанія на водѣ не дѣйствуютъ!

Хотя мы не отошли еще и двухъ сажений отъ берега, но остановить насъ, конечно, было уже нельзя. Проснувшійся дежурный перевозчикъ, съ своей стороны только развелъ руками. Черезъ нѣсколько минутъ и кварталный ушелъ.

При сплошной массѣ льда, намъ, разумѣется, невозможно было плыть на веслахъ, и мы двигались впередъ, дѣйствуя только одними баграми. Но дѣло шло медленно: аликъ быстро несло по теченію, а въ направленіи къ противоположному берегу мы выиграли очень немного. Проходило иногда по нѣсколькимъ минутъ, пока мы успѣвали пробраться между двумя льдинами. Вотъ миновали мы Академію Художествъ, Морской корпусъ; вотъ, наконецъ, и Горный корпусъ, но вмѣсто того, чтобы при-

стать здѣсь къ берегу, мы были еще на серединѣ Невы. Вдобавокъ, насъ затерло между большими плотными льдинами, изъ которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, мы не могли никакъ выбраться, а при этомъ яликъ началъ скрипѣть и въ немъ показалась течь. Одинъ изъ пассажировъ, именно купецъ, сталъ размахисто криститься и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бранить другихъ за то, что втянули его въ неминуемую гибель. Но командиръ нашъ, морякъ, оказался, какъ говорится, на высотѣ своей задачи. — «Намъ придется выбраться на взморье», сказалъ онъ: «тамъ ледъ будетъ рѣже и мы на веслахъ пристанемъ къ Галерной гавани; съ баграми теперь нечего дѣлать, надобно только стараться, чтобы не затонулъ яликъ». И мы, оставя багры, принялись вычерпывать фуражками воду. Предсказаніе нашего путеводителя вполне оправдилось. Какъ только мы проплыли мимо Чекушъ и вышли на широкое взморье, ледъ замѣтно началъ рѣдѣть, и между нимъ показались большія полыньи. Въ то время, какъ одни изъ насъ продолжали вычерпывать воду изъ ялика, другіе

взялись за багры и весла, и, наконецъ, мы благополучно сошли на берегъ въ Гавани. Былъ уже шестой часъ утра. Морякъ нашъ жилъ въ одной изъ дальнихъ линій Острова; онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай, и тутъ мы окончательно познакомились. Когда я рассказалъ о нашемъ приключеніи Языкову, онъ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе, но зато капитанъ Кукъ остался очень доволенъ и выразилъ надежду, что я могу со временемъ пріобрѣсть морскія ноги.

Живя въ російской академіи, я, конечно, интересовался ея еженедѣльными собраніями. Въ самую залу засѣданій, разумѣется, нельзя было входить, но я нерѣдко пробирался въ прилегавшую къ ней библіотеку, изъ которой можно было все видѣть и слышать. Собраніе открывалось обыкновенно тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, читалъ протоколъ предыдущаго засѣданія, а затѣмъ спрашивалъ, кому изъ господъ членовъ угодно прочесть или заявить что нибудь. Въ то время академія приготовляла новое изда-

ніе «Словаря», и работа по этому предмету была раздѣлена между многими лицами, а потому чтенія и замѣчанія сосредоточивались преимущественно на объясненіи отдѣльныхъ словъ русскаго языка. Больше и горячѣе всѣхъ интересовался этимъ дѣломъ, сколько я помню, извѣстный составитель русской грамматики и издатель «Остромирова Евангелія», Александръ Христофоровичъ Востоковъ. Иногда кто нибудь изъ членовъ читалъ и литературныя статьи, а Борисъ Михайловичъ Оеодоровъ даже продекламиривалъ однажды, съ нѣсколько забавнымъ пафосомъ, стихотвореніе свое, подъ заглавіемъ: «Сардамскій плотникъ». Въ этомъ засѣданіи былъ и И. А. Крыловъ, котораго я видѣлъ тогда въ первый и послѣдній разъ. Самъ онъ ничего не читалъ, да кажется и не слушалъ. Случалось, что кто нибудь приносилъ въ собраніе книжку журнала или листокъ газеты и читалъ во всеуслышаніе чѣмъ нибудь интересовавшую его статью. Однажды я былъ крайне озадаченъ тѣмъ, что въ засѣданіи удостоилась публичнаго чтенія и моя небольшая статейка.

Дѣло было такъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» была напечатана статья какого-то г. Шютца, подъ названіемъ «Русскій языкъ въ Сибири». Авторъ, говоря въ ней объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія, причислилъ къ его идіотизмамъ много такихъ словъ и фразъ, которыя употребляются и въ великороссійскихъ губерніяхъ, особенно среди сельскаго населенія. Мнѣ вздумалось написать возраженіе на статью, къ чему, кромѣ явныхъ ошибокъ ея, меня побуждало еще то, что я отъ моего близкаго товарища по университету, сибиряка Н. Г. Минина, узналъ нѣсколько дѣйствительно сибирскихъ выраженій и словъ, повидимому, неизвѣстныхъ г. Шютцу. Это давало мнѣ возможность самому прикинуться сибирякомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, придавало нѣкоторую авторитетность моей критической замѣткѣ. Я написалъ статейку и отнесъ въ редакцію той же «Сѣверной Пчелы». Черезъ недѣлю этотъ мой первый литературный опытъ и явился въ газетѣ, въ № 60, отъ 16 марта 1839 г., подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ въ Сибири» и за подписью

«Сибирякъ». И вотъ въ ближайшемъ засѣданіи академіи, когда я былъ въ библіотекѣ, Языковъ, послѣ чтенія кѣмъ-то изъ членовъ не помню теперь какой статьи, обратился къ собранію съ заявленіемъ, что въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» напечатано возраженіе на читанную въ прошломъ засѣданіи статью Шютца объ идиотизмахъ сибирскаго нарѣчія. По требованію присутствующихъ, Дмитрій Ивановичъ прочелъ мою статейку. Мнѣ было очень неловко: хотя высказанныя мною замѣчанія и признаны были справедливыми, но тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ неумѣстность моей мистификаціи. Надежда, что псевдонимъ мой останется не раскрытымъ, не оправдалась. Не предвидя, что статья попадетъ въ собраніе академіи, я не дѣлалъ изъ своего писанія тайны и во флигелѣ знали о моей работѣ. Кто-то изъ моихъ сосѣдей и, кажется полиціймейстеръ, сообщилъ объ этомъ Языкову. Я боялся какой нибудь непріятности, но все кончилось благополучно. Дмитрій Ивановичъ, при первомъ свиданіи, сказалъ мнѣ что-то пріятное на счетъ моей статьи

и обѣщаль найти для меня какія нибудь литературныя занятія. Съ этого дня онъ даже сталъ внимательнѣе ко мнѣ, а когда я уѣзжалъ изъ академіи, подарилъ нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, свой переводъ Шлецерова «Нестора».

Съ той поры, какъ россійская академія была присоединена къ академіи наукъ и Языковъ выѣхалъ изъ казеннаго дома, я видалъ его рѣдко. Онъ жилъ послѣ того еще года четыре, по прежнему проводилъ большую часть дня за письменнымъ столомъ и дѣятельно работалъ надъ составленіемъ «Церковнаго словаря». Хотя послѣ преобразованія заведенія Дмитрій Ивановичъ поступилъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ академію наукъ, но ѣздилъ туда, какъ я слышалъ, довольно рѣдко. Причиной этому было не ослабѣвавшее его здоровье и не сожалѣніе о потерянномъ мѣстѣ непремѣннаго секретаря, а, сколько я могъ понять, одна не оставлявшая его мысль о томъ, что съ новой перемѣною упало самостоятельное положеніе того ученаго учрежденія, которое основано

было императрицею Екатериною и принесло не мало пользы отечественному языкознанію. При всей своей сдержанности, онъ однажды, по возвращеніи изъ засѣданія отдѣленія академіи наукъ, выразился въ этомъ смыслѣ.

Ни о семействѣ Дмитрія Ивановича, ни о судьбѣ моихъ товарищей по житію въ академическомъ флигелѣ я впослѣдствіи ничего не слыхалъ. Однажды только встрѣтилъ я на улицѣ такъ называемаго боцмана, который сообщилъ мнѣ, что капитанъ Кукъ окончилъ свою жизненную вахту, и что его провожалъ на Смоленское кладбище взводъ моряковъ съ тремя горнистами.



Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ.

Лѣтомъ, вскорѣ послѣ открытія нашей первой желѣзной дороги, возвращался я изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, я встрѣтилъ одного молодого человѣка Н., котораго видалъ въ университетѣ. Онъ являлся на лекціяхъ въ качествѣ вольнаго слушателя, но не особенно аккуратно, и, кажется, ходилъ больше для того, чтобы поболтать съ студентами и похвастаться какимъ нибудь бархатнымъ жилетомъ или часовой цѣпочкой съ брелоками. Любимой темой его разсказовъ было сообщеніе, съ какими знакомъ онъ актерами, литераторами, художниками; но всѣ мы догадывались, что, если въ этихъ разсказахъ и была кое-какая правда, то въ

весьма небольшой дозѣ. Надъ нимъ нерѣдко подсмѣивались довольно нецеремонно, но онъ этимъ нисколько не смущался. Впослѣдствіи, я встрѣтилъ его какъ-то на улицѣ въ формѣ гусарскаго юнкера, и онъ не замедлилъ откомендоваться мнѣ, что у него лучшая во всемъ полку лошадь.

На этотъ разъ мы вошли вмѣстѣ въ вагонъ втораго класса, и мнѣ поневолѣ пришлось сидѣть рядомъ съ N. На противоположной сторонѣ, наискось отъ насъ, помѣстились два господина среднихъ лѣтъ, одинъ невысокаго роста, плотный, съ открытымъ лицомъ и небольшою эспаньолкой, въ довольно поношенномъ пальто; другой худощавый, съ длинными волосами и большимъ тонкимъ носомъ, въ какомъ-то не совсѣмъ обыкновенномъ плащѣ съ капишономъ. Лица ихъ показались мнѣ какъ будто знакомыми, хотя я и не могъ придумать, гдѣ и когда видѣлъ ихъ. Господинъ въ пальто курилъ сигару, а товарищъ его молча оглядывалъ сидѣвшихъ въ вагонѣ. Изрѣдка они обмѣнивались короткими фразами, которыхъ я не

могъ разслышать, сколько отъ шума поѣзда, столько же и отъ болтовни моего надоѣдливаго сосѣда. Когда онъ сталъ показывать мнѣ перстень съ подозрительнымъ алмазомъ и въ довольно прозрачныхъ выраженіяхъ намекнулъ, что получилъ его отъ извѣстной въ то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства съ нею, — наши молчаливые сосѣди переглянулись между собой съ легкою улыбкой. Мнѣ было крайне совѣстно за моего хлыща.

На полдорогѣ къ Петербургу въ нашъ вагонъ вошелъ низенькій смуглый человѣкъ, въ сильно потертомъ черномъ сюртукѣ и совсѣмъ порыжѣлой черной шляпѣ. Онъ быстро оглянулъ пассажировъ и, такъ какъ мы сидѣли ближе другихъ, подошелъ прямо къ намъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ и съ какимъ-то заискивающимъ поклономъ заявилъ, что онъ художникъ, вырѣзываетъ въ три минуты необычайнаго сходства силуэты, по рублю за экземпляръ, и удостоился уже вниманія многихъ знаменитыхъ людей, поощрившихъ его талантъ. Вычитывая эту рекламу на плохомъ

французскомъ языкѣ съ рѣзкимъ итальянскимъ выговоромъ, онъ вынулъ изъ своего бумажника и развернулъ сложенную въ видѣ карточной колоды длинную бѣлую бандероль, на которой наклеены были вырѣзанные изъ черной бумаги профильные силуэты. Сосѣдъ мой принялся ихъ разсматривать, очевидно, не столько изъ прямого любопытства, сколько съ желаніемъ показать свое знакомство съ извѣстностями литературнаго и артистическаго круга.

— Это Александръ Сергѣичъ? спросилъ онъ итальянца, показывая на довольно удачно сдѣланный профиль Пушкина.

— Точно такъ, москѣ.

— Съ натуры снято?

— Съ живого, незадолго передъ смертью.

Кажется, на этотъ разъ, какъ говорится, нашла коса на камень, и бродячій артистъ былъ такъ же беззащитивъ, какъ и мой сосѣдъ.

— А это Василій Андреичъ? продолжалъ N.—Выраженіе, мнѣ кажется, напоминаетъ Картыгина въ Гамлетѣ?

— Въ театрѣ, въ уборной снималъ.

— А! И Карлъ Павловичъ Брюлловъ? Очень, очень похожи.

Силуэтистъ на всѣ эти замѣчанія кивалъ утвердительно головой и въ то же время нетерпѣливо пощелкивалъ маленькими ножницами, поглядывая на всѣхъ насъ съ видимымъ желаніемъ и надеждою получить отъ кого нибудь заказъ. При послѣднемъ замѣчаніи моего сосѣда, худошавый господинъ въ плащѣ, который во все это время посматривалъ съ улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся съ своимъ товарищемъ и, обрѣтаясь къ Н., спросилъ:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, видалъ, отвѣчалъ тотъ безъ малѣйшаго смущенія.

— Вѣроятно, на его картинѣ «Послѣдній день Помпеи»? Силуэтъ, должно быть, по ней же вырѣзанъ! Ну, видите, Брюлловъ пококетничалъ тамъ, помолодилъ себя и поприкрасилъ, иначе и вы, молодой человѣкъ и господинъ

художникъ, давно узнали бы его, когда онъ сидитъ передъ вами собственной особой.

При этихъ словахъ своего компаньона, господинъ съ эспаньолкой приподнял шляпу и наклонилъ съ улыбкой голову. Я понялъ, отчего лицо его, съ самаго появленія въ вагонѣ, показалось мнѣ знакомо: это былъ дѣйствительно К. П. Брюлловъ, котораго впослѣдствіи мнѣ пришлось еще встрѣтить передъ отъѣздомъ его за границу. Теперь мнѣ любопытно было, кто его товарищъ, такъ забавно обличившій фатовство моего хлыща, и я перебиралъ мысленно извѣстныхъ тогда художниковъ, думая, что это долженъ быть какой нибудь изъ собратій Брюллова по искусству. Разумѣется, не зная никого лично, я не могъ ни на комъ остановиться.

Въ первый разъ я видѣлъ, что Н. нѣсколько сконфузился. Между тѣмъ итальянецъ съ заискивающими поклонами просилъ позволенія снять силуэтъ великаго артиста съ натуры, и когда ему это было разрѣшено, онъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ вырѣзалъ изъ черной глянцо-

витой бумаги очень похожій профиль художника. Брюловъ похвалилъ его.

— Снимите же и съ моего пріятеля, сказалъ онъ артисту, показывая на своего сосѣда въ плащѣ.— А вы, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Н.,—такъ интересуетесь знакомствомъ съ извѣстными сколько нибудь людьми, что, конечно, видались съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ?

При этомъ я догадался, что товарищъ Брюлова былъ именно авторъ «Ревизора», который возбуждалъ тогда самые оживленные толки въ обществѣ и въ большинствѣ университетской молодежи. Мнѣ показалось только, что лицо его было гораздо красивѣе, чѣмъ на литографированномъ его портретѣ, и въ дѣйствительности на немъ не такъ рѣзко замѣчалось саркастическое выраженіе, какимъ надѣляли его художники.

Хлестаковъ мой понялъ, однако, что Брюловъ ставилъ ему ловушку и отвѣчалъ художнику, что, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая встрѣчаться съ Гоголемъ.

— Такъ позвольте рекомендовать его, сказалъ Брюлловъ, показывая на своего сосѣда. — Онъ тоже не будетъ, конечно, жалѣть, что случай доставилъ ему возможность встрѣтить молодого человѣка, который такъ интересуется нашимъ артистическимъ міромъ и составилъ уже въ немъ столько знакомствъ.

Не знаю, понялъ ли эту насмѣшку N. Что касается Гоголя, то онъ, повидимому, былъ недоволенъ, что художникъ назвалъ его. Можетъ быть, ему хотѣлось остаться неизвѣстнымъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ типъ новаго Хлестакова. Но, выдавъ раньше своего товарища, онъ, конечно, самъ подалъ поводъ и къ своему разоблаченію. Какъ бы то ни было, но онъ нахмурился, и когда итальянецъ обратился къ нему съ предложеніемъ снять съ него силуэтъ, онъ рѣшительно отказалъ. Силуэтистъ нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, потомъ поклонился и быстро перешелъ въ другой вагонъ. Минутъ черезъ десять послѣ этого поѣздъ остановился у петербургскаго дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но

Н. не отставалъ отъ меня и принялся увѣрять, что съ перваго взгляда угадалъ, кто они. Когда мы съ платформы вошли въ залу, нашъ артистъ-итальянецъ остановилъ насъ и, показывая ненаклеенные еще на бумагу и, очевидно, только что вырѣзанные съ замѣчательнымъ сходствомъ силуэты Брюллова и Гоголя, обратился къ Н. съ предложеніемъ, не угодно ли ему заказать съ нихъ копіи.

— Когда же вы успѣли сдѣлать портреты? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Сейчасъ, въ другомъ вагонѣ.

— Заочно?

— О, это мой талантъ... я могу черезъ годъ снять, кого хорошо видѣлъ.

Конечно, итальянецъ прибавлялъ и рисовался, но я жалѣю, что не познакомился тогда съ этимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ человѣкомъ. Разумѣется, Н. поспѣшилъ приобрести тутъ же вырѣзанные силуэты, которые давали ему прекрасный случай говорить о знакомствѣ и съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ, и съ Карломъ Павловичемъ Брюлло-

вымъ, о чемъ онъ и не преминулъ распространиться, какъ только явился въ университетъ.

Такимъ образомъ, благодаря фатовству новаго Хлестакова, мнѣ удалось хотя одинъ разъ видѣть и хорошо всмотрѣться въ Гоголя.



Иринархъ Ивановичъ Введенскій.

Осенью 1843 года я читалъ пробную лекцію для поступленія преподавателемъ въ Дворянскій-полкъ. Чтеніе такихъ вступительныхъ лекцій происходило обыкновенно въ Штабъ военно-учебныхъ заведеній, при первомъ кадетскомъ корпусѣ; но мнѣ почему-то назначено было читать въ томъ самомъ заведеніи, куда я желалъ поступить. Поэтому мой дебютъ не отличался никакой парадной обстановкой. На лекціи присутствовали только начальникъ Дворянскаго-полка, генералъ Н. Н. Пущинъ, инспекторъ классовъ Д. М. Павловскій, учителя, классные офицеры и воспитанники старшихъ классовъ. Чтеніе мое приняло поэтому болѣе характеръ простой бесѣды по предмету рус-

скаго языка и литературы. Обмѣнъ мнѣній вызывали своими вопросами и замѣчаніями двое изъ преподавателей, В. В. Дерикеръ и Иринархъ Ивановичъ Введенскій, съ которыми я до тѣхъ поръ не былъ совсѣмъ знакомъ. Послѣ лекціи оба они выразили мнѣ теплое товарищеское сочувствіе. Когда мы вышли вмѣстѣ изъ корпуса, по дорогѣ къ Тучкову мосту, Введенскій тутъ же, со свойственной ему простотой и задушевностью, пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Мы зашли и втроемъ провели вечеръ въ непринужденной бесѣдѣ, какъ будто уже цѣлые годы были знакомы.

Дерикеръ преподавалъ въ Дворянскомъ-полку теорію словесности въ среднихъ классахъ и въ то же время участвовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», какъ ближайшій помощникъ О. И. Сенковского по редакціи журнала. Но онъ потомъ оставилъ эти занятія, посвятилъ себя исключительно медицинѣ и впослѣдствіи пользовался авторитетомъ, какъ одинъ изъ извѣстныхъ врачей-гомеопатовъ. При его постоянныхъ работахъ и значительной практикѣ мы видались

уже не часто. Но знакомство мое съ И. И. Введенскимъ утвердилось и продолжалось до самой его кончины.

Это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Введенскій прошелъ всѣ ступени длинной учебной лѣстницы съ пензенскаго духовнаго училища и саратовской семинаріи до московской духовной академіи и петербургскаго университета, откуда и вышелъ кандидатомъ философскаго факультета. Тяжело было ему пройти этотъ долгій путь, который онъ началъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и окончилъ на двадцать восьмомъ году возраста. Иринархъ Ивановичъ не любилъ говорить объ этомъ, но въ рѣдкія минуты полной откровенности рассказывалъ нѣкоторые эпизоды своей школьной и студенческой жизни, изъ которыхъ можно было видѣть, сколько страшныхъ лишеній перенесъ онъ въ лучшіе годы своей молодости и какимъ упорнымъ непрерывнымъ трудомъ добылъ себѣ обширныя познанія. Между тѣмъ, его разносторонняя образованность и знаніе

древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ до поступленія въ Дворянскій-полкъ едва доставляли ему возможность перебиваться уроками и переводами. Только съ полученіемъ постоянного мѣста въ корпусѣ онъ могъ посвятить себя тому труду, который былъ ему по душѣ.

Познакомившись съ нимъ, я удивлялся разнообразію его занятій. Кромѣ ежедневныхъ уроковъ въ Дворянскомъ корпусѣ и Артиллерійскомъ училищѣ, онъ составлялъ для воспитанниковъ обширныя записки по теоріи словесности и исторіи русской литературы, готовилъ магистерскую диссертацию, въ видахъ занятія профессорскою кафедрой въ петербургскомъ университетѣ, переводилъ статьи для журналовъ и работалъ по критикѣ и библіографіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ». Не говорю уже о томъ, что при такихъ обширныхъ трудахъ онъ успѣвалъ слѣдить за всѣмъ сколько нибудь замѣчательнымъ въ русской и иностранныхъ литературахъ. У него всегда можно было найти новую дѣльную книгу; едва только она появлялась въ свѣтъ,

и черезъ два-три дня была уже прочитана имъ, и прочитана такъ, что онъ могъ вполне передать ея содержаніе и мѣтко опредѣлить ея достоинства и недостатки. Скоро Введенскій попалъ на занятіе, которое и доставило ему особенную извѣстность въ нашемъ образованномъ обществѣ: это были переводы Диккенса, Купера, Теккерея и другихъ англійскихъ романистовъ, до тѣхъ поръ едва извѣстныхъ у насъ по именамъ. Мнѣ хорошо памятливы первые шаги его въ этомъ дѣлѣ.

Однажды мы съ Введенскимъ читали Байронова «Сарданапала». Чтеніе это въ своемъ родѣ было довольно курьезно: оба мы познакомились съ англійскимъ языкомъ самоучкою, безъ учителя, съ помощью только грамматики и лексикона, а потому совсѣмъ не знали живого выговора, произносили слова по приблизительному указанію словаря Уокера и понимали другъ друга только тогда, когда читали глазами, смотря одновременно въ книгу. Мы смѣялись, думая, что, если какой нибудь англичанинъ полюбопытствуетъ послушать наше

чтеніе, то едва ли скоро узнаетъ въ немъ свой родной языкъ. Вскорѣ это и оказалось на дѣлѣ.

— А что, сказалъ Введенскій,—не приняться ли серьезно за англійскій языкъ? Вѣдь выговора у насъ совсѣмъ нѣтъ, да и въ фразировкѣ мы еще далеко не сильны. Надобно взять учителя. Хочешь вмѣстѣ брать уроки: у меня есть на примѣтѣ подходящий джентельменъ.

Я согласился. Условились, что заниматься будемъ въ квартирѣ Введенскаго по два раза въ недѣлю. Къ намъ присоединился еще одинъ товарищъ, учитель нѣмецкаго языка въ томъ же Дворянскомъ-полку, Е. Э. Краузольдъ, который столько же зналъ по-англійски, какъ и мы. Вскорѣ въ назначенный день явился и англичанинъ. Это былъ мистеръ Гильмаръ, преподаватель англійскаго языка въ высшемъ коммерческомъ пансіонѣ, помѣщавшемся въ первой линіи Васильевскаго Острова. Заведеніе это, устроенное на счетъ петербургскаго биржевого купечества, существовало недолго: большинство воспитанниковъ въ немъ были англичане, и въ началѣ крымской войны пансіонъ

закрылся. Гильмаръ прежде всего спросилъ, читаемъ ли мы по-англійски, и когда мы прочли по нѣскольку строкъ, онъ съ видомъ крайняго недоумѣнія заявилъ, что ничего не понимаетъ. Но еще больше удивился онъ, когда вслѣдъ затѣмъ мы сказали ему, что читаемъ Байрона въ оригиналѣ и въ доказательство перевели небольшіе отрывки по его указанію. Онъ замѣтилъ, что не встрѣчалъ еще такихъ странныхъ учениковъ. Уроки наши, понятно, начались чтеніемъ. Черезъ нѣсколько времени Введенскій какъ-то спросилъ меня:

— Не думаешь ли ты извлечь изъ нашихъ англійскихъ уроковъ матеріальную выгоду?

— Какую же выгоду?

— А переводить для журналовъ. Теперь хорошій англійскій переводъ съ удовольствіемъ вездѣ возьмутъ. Пора намъ бросить эту Жоржъ-Зандъ, которая всѣмъ надоѣла съ своей бабьей эмансипаціей. Давай-ка переводить Диккенса! Вотъ посмотри, я взялъ ливрезоны его послѣдняго романа... Какая прелесть!

— Мнѣ не совладать съ нимъ.

— Ну, вотъ еще... работай и набьешь руку.

Но я рѣшительно отказался, какъ потому, что не находилъ въ себѣ достаточно силъ для передачи такого своеобразнаго писателя, такъ и оттого, что это время занять былъ работою надъ моимъ литературнымъ трудомъ «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Эта книжка такъ занимала меня, что не хотѣлось отрываться отъ нея для другой работы. Когда я прочелъ Иринарху Ивановичу первыя главы моего сочиненія, онъ самъ настойчиво началъ совѣтовать мнѣ заняться исключительно этимъ трудомъ. Когда книжка моя явилась въ печати, онъ далъ о ней подробный и весьма лестный отзывъ въ «Современникѣ», редакторомъ котораго тогда былъ, если не ошибаюсь, А. В. Никитенко. Но Введенскій энергически принялся за свою мысль познакомить русскую публику съ Диккенсомъ, и вскорѣ въ томъ же журналѣ началъ печататься его переводъ романа «Домби и Сынъ», встрѣченный читателями съ большимъ сочувствіемъ. Затѣмъ стали появляться одинъ за другимъ романы «Давидъ Копперфильдъ»,

«Замогильныя записки Пиквикскаго клуба» и проч.

Можно положительно сказать, что Введенскій познакомилъ наше общество съ современной англійской литературой и заставилъ полюбить ее. Въ нѣкоторыхъ журнальных книжкахъ упрекали его за то, что онъ въ своихъ переводахъ замѣнялъ англійскія народныя выраженія чисто русскими пословицами и идиотизмами. Но что же оставалось дѣлать, когда своеобразный языкъ Диккенса и его неуловимый юморъ при точномъ переводѣ утрачивали свой колоритъ и даже могли казаться непонятными? Стоитъ прочесть романъ „Домби и Сынъ“ въ другомъ переводѣ, который печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ“, чтобы оправдать Введенскаго въ мнимомъ злоупотребленіи руссизмами. Если его переводъ отделяется иногда отъ оригинала по внѣшней передачѣ фразы, то онъ вполнѣ близокъ къ нему по духу.

Трудолюбіе и энергія Введенскаго были поразительны: занятый цѣлый день уроками въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ проводилъ ночи за

чтеніемъ и журнальной работой. При всемъ томъ онъ вовсе не былъ какимъ нибудь нелюдимомъ и находилъ время для удовольствій и общества. Правда, онъ не любилъ театра, но зато лѣтомъ позволялъ себѣ прогулки и поездки за городъ, а зимою каждую недѣлю собирались у него по пятницамъ пріатели, и самъ онъ бывалъ у меня раза два въ мѣсяцъ по вторникамъ, когда приходили общіе знакомые.

На вечерахъ у Введенскаго чаще другихъ бывали Владиміръ Дмитріевичъ Яковлевъ, авторъ имѣвшей въ свое время большой успѣхъ книги „Италія“, Григорій Евлампьевичъ Благосвѣтовъ, впослѣдствіи редакторъ журнала „Дѣло“, и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель „Общезанимательнаго Вѣстника“. Нѣсколько позже сталъ посѣщать эти вечера Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человѣкъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между мягкимъ, женственнымъ его голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень оригинальныхъ по своей парадоксальности. Иногда заѣзжалъ и Дерикеръ.

Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости, но часто затрогивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи. Иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурой, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей Западной Европѣ отодвинули литературныя интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія. Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальныя, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденія и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей социализма въ этомъ кружкѣ не было.

Какихъ же взглядовъ держался Введенскій? Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у

котораго онъ во время своихъ московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для «Москвитянина», называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ, далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать. Можетъ ли это понятіе примѣняться къ человѣку, который любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни

того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ возжелѣнія нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Если онъ интересовался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ, то далеко не раздѣлялъ ихъ.

Въ 1848 г. Иринархъ Ивановичъ женился на Александрѣ Ивановнѣ Кубасовой, сестрѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ по Дворянскому-полку. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Жена его была энергичная женщина, столько же трудолюбивая, какъ и онъ, и вполне раздѣлявшая его вкусы и убѣжденія. Она, по желанію мужа, начала учиться англійскому языку и вскорѣ такъ овладѣла имъ, что стала помогать мужу въ переводахъ. При этомъ въ ней не было нисколько педантизма, присущаго многимъ женщинамъ, прикосновеннымъ къ ли-

тературѣ. Введенскій перебрался на другую квартиру въ томъ же домѣ, болѣе помѣстительную, и вечера у него по пятницамъ продолжались, не теряя прежняго характера пріятельской бесѣды, и еще болѣе оживились влияніемъ умной и веселой хозяйки.

Служебное и матеріальное положеніе Введенскаго начало мало-по-малу улучшаться. Не смотря на то, что онъ не получилъ профессорской каведры въ университетѣ, хотя и выдержалъ магистерскій экзамень, педагогическая дѣятельность его расширилась. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцевъ, оцѣнилъ знанія и энергію Введенскаго, и онъ былъ назначенъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было составленіе руководства по предмету теоріи прозы и поэзіи. Онъ принялся за это дѣло съ обычнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью.

Въ эту пору Введенскому удалось, наконецъ, осуществить давно занимавшую его мысль съѣз-

доть за границу. Всего болѣе привлекала его Англія, и, пробывъ нѣсколько недѣль въ Германіи и Франціи, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ, между прочимъ, посѣтилъ онъ Диккенса и представилъ ему переводы его произведеній. Введенскій любилъ потомъ рассказывать объ этомъ визитѣ своемъ любимому писателю, который сначала принялъ его сдержанно, но послѣ довольно продолжительной бесѣды объ англійской литературѣ, отнесся къ нему съ теплымъ участіемъ. Диккенса, по словамъ Иринарха Ивановича, интересовало и положеніе русской литературы, и онъ выразилъ сожалѣніе, что при незнаніи языка не можетъ съ нею ознакомиться. И, повидимому, эти слова не были простымъ комплиментомъ вѣжливаго иностранца.

— Два часа, проведенные у Диккенса, — говорилъ Иринархъ Ивановичъ, — останутся навсегда мнѣ памятными, какъ лучшія минуты въ моей жизни.

По возвращеніи изъ-за границы, Введенскій опять принялся за свои разностороннія работы — чтеніе лекцій, составленіе руководствъ для

военно-учебныхъ заведеній и переводы. Но ему готовился ударъ, который онъ самъ уже давно предвидѣлъ. Отъ напряженныхъ письменныхъ занятій, въ особенности по ночамъ, у него мало-по-малу слабѣли глаза, и, несмотря на помощь окулистовъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Понятно, какое это было страшное несчастіе для человѣка, которому чтеніе составляло такую же потребность, какъ насущный хлѣбъ, и который жилъ преимущественно своимъ перомъ. Несмотря на то, Введенскій не прекращалъ ни педагогической, ни литературной дѣятельности. Я. И. Ростовцевъ разрѣшилъ ему продолжать чтеніе лекцій. Наканунѣ урока Александра Ивановна прочитывала мужу то, что, по его указанію, нужно было для полного объясненія предмета, и, благодаря счастливой памяти, онъ запоминалъ не только факты и хронологическія цифры, но и довольно обширныя цитаты въ прозѣ и стихахъ. Утромъ лакей провожалъ слѣпца въ корпусъ и доводилъ въ аудиторіи до самой кафедры. Введенскій читалъ лекцію, и какъ воспитанники, такъ

и дежурившіе въ классахъ офицеры говорили, что въ эту пору чтеніе профессора отличалось такою же полнотою и занимательностью, какъ и въ прежніе годы. Объ этомъ можно было судить и по разговорамъ съ нимъ, когда въ обычную свою пятницу, сидя въ креслѣ и бесѣдуя съ посѣщавшими его по прежнему пріятелями, онъ высказывался по какому нибудь научному или литературному вопросу. Въ то же время И. И. Введенскій горячо трудился надъ составленіемъ руководства по теоріи словесности: почти каждый день жена писала подъ его диктовку. Не знаю, далеко ли подвинулась эта работа и что съ нею стало послѣ его смерти.

Лѣтомъ въ послѣдніе годы жизни, Введенскій жилъ на дачѣ, то въ Лѣсномъ Институтѣ, то въ Старой Деревнѣ. Любимымъ его удовольствіемъ послѣ прогулокъ было купанье, къ которому онъ привыкъ еще въ дѣтствѣ. Съ ранней весны и до осени рѣдкій день пропускалъ онъ безъ того, чтобы не выкупаться утромъ или вечеромъ. Потеря зрѣнія не мѣшала этому

удовольствію. Какъ отличный пловецъ, онъ особенно любилъ купаться въ открытомъ и глубокомъ мѣстѣ. Однажды я пріѣхалъ къ нему на дачу въ Старую Деревню и встрѣтилъ его въ дверяхъ. Онъ совсѣмъ уже лишился тогда зрѣнія, и лакей велъ его подъ руку.

А я, братъ, собрался купаться — сказалъ онъ.

— Гдѣ же у васъ ванна? — спросилъ я.

— Какая ванна! я купаюсь тутъ, въ устьѣ Невы.

— И не боишься въ твоемъ положеніи?

— Вотъ еще! Проводи-ка меня: посмотришь, какъ слѣпой плаваетъ, а тамъ воротимся и будемъ чай пить.

Я согласился. Мы пришли почти къ самому взморью. Лакей раздѣлъ его, пристегнулъ ему около поясицы кожаный поясъ съ мѣднымъ кольцомъ, въ которое продѣлъ и завязалъ концомъ длинную бичевку, смотанную въ клубокъ. Я тоже хотѣлъ раздѣться, чтобы при случаѣ чѣмъ-нибудь помочь слѣпому купальщику, но онъ отклонилъ это. По его словамъ, ему не

нужна была никакая помощь: по теченію онъ хорошо зналъ, въ какомъ направленіи плыть, а бичева прилаживается для того только, чтобы дать предостерегательный знакъ, еслибы пловцу встрѣтился на пути яликъ или почему нибудь другому слѣдовало бы воротиться. По мѣрѣ того, какъ слѣпецъ удалялся отъ берега, лакей разматывалъ и отпускалъ бичевку, а затѣмъ, при возвращеніи купальщика, собиралъ ее, и, такимъ образомъ, Введенскій переплылъ на привязи взадъ и впередъ черезъ Невку. Плавалъ онъ размашисто, безъ всякихъ школьных правилъ, какъ говорится, саженьками, и нисколько, повидимому, не утомился.

Крымская война сильно волновала Введенскаго, и въ особенности возмущало его то, что въ числѣ нашихъ враговъ были англичане, которыхъ онъ такъ прославлялъ послѣ своей поездки въ Лондонъ. Послѣдній разговоръ нашъ съ нимъ былъ о томъ, можно ли примирить уваженіе къ націи, породившей Шекспира и Байрона, съ чувствомъ негодованія къ совре-

менной политикѣ Англіи. Лѣто 1855 года я
провелъ у родныхъ въ Москвѣ, и тамъ въ іюлѣ
мнѣ подали однажды письмо изъ Петербурга,
въ которомъ извѣщали меня, что Иринархъ
Ивановичъ Введенскій скончался.



Знакомство съ О. И. Сенковскимъ.

Въ тридцатыхъ годахъ въ Московской гимназїи, гдѣ я тогда воспитывался, между учениками старшихъ классовъ была сильно развита любовь къ русской литературѣ. Мы покупали въ складчину замѣчательныя новыя книги, подписывались на журналы, поочередно читали ихъ, а передъ каникулами всѣ прїобрѣтенныя въ продолженіи года изданія разыгрывали обыкновенно въ лотерею. При этомъ особенно счастливымъ почиталъ себя тотъ, кому доставалась книжка «Библіотеки для Чтенія», съ какою-нибудь повѣстью или критической статьею Барона Брамбеуса. Несмотря на обиліе талантовъ въ тогдашней литературѣ, ни одинъ писатель, послѣ Пушкина и Марлинскаго, не пользовался въ

средѣ нашей гимназической молодежи такою популярностью, какъ авторъ «Фантастическихъ путешествій». Разказы его, теперь всѣми забытые, читались тогда съ увлеченіемъ, забавныя выходки его затверживались на-память, потѣшныя рецензіи считались верхомъ остроумія, и въ нашихъ письменныхъ журналахъ, которые издавались подѣ разными замысловатыми названіями въ старшихъ и даже средних классахъ, являлись статейки, навѣянныя чтеніемъ Барона Брамбеуса или прямо писанныя въ подражаніе ему.

Увлеченіе это, конечно, доказывало нашу незрѣлость, но оно было вполнѣ извинительно, если вспомнить, что въ то время Баронъ Брамбеусъ былъ великимъ талантомъ въ глазахъ не однихъ дѣтей. Его «Путешествіе на Медвѣжій Островъ», повѣсть—«Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ», фантастическіе разказы—«Большой выходъ у Сатаны» и «Похожденія одной ревизской души», возбуждали горячіе толки во всей читающей русской публикѣ. Но не меньше, чѣмъ этими беллетристическими сочи-

неніями, мы восхищались мелкими рецензіями, которыя обыкновенно печатались въ Литературной Лѣтописи «Библіотеки для Чтенія» и очевидно принадлежали остроумному перу того же автора «Фантастическихъ Путешествій». При полученіи новой книжки журнала прежде всего разрѣзывалась эта лѣтопись и нерѣдко читалась вслухъ въ самомъ классѣ въ часы, свободные отъ занятій, или даже въ перемѣну между уроками. Мы хорошо знали, что не найдемъ въ этихъ рецензіяхъ правдиваго отзыва о сочиненіяхъ, но зато навѣрное встрѣтимъ какія нибудь злыя и остроумныя выходки по поводу новыхъ, особенно плохихъ книжонокъ. А на такіе выходки Баронъ Брамбеусъ былъ большой мастеръ. Выходить, напримѣръ, собраніе стихотвореній съ портретомъ автора, и вся рецензія на книгу ограничивается одной фразой: «кто прочтетъ эти стихи, тому не захочется взглянуть на портретъ поэта, а кто прежде посмотритъ на портретъ, тотъ совсѣмъ не будетъ читать стиховъ». Въ другой разъ рецензентъ перечислялъ заглавія нѣсколькихъ новыхъ кни-

жекъ и вмѣсто разбора ихъ писалъ: «Петрушка, снеси все на кухню, это для васъ напечатано». Хотя въ такихъ выходкахъ и не было ничего общаго съ критикой, но онѣ нравились намъ своей оригинальностью.

Понятно, что при нашемъ увлеченіи Барономъ Брамбеусомъ прежде всего занималъ насъ вопросъ: кто же такой этотъ талантливый писатель, таинственно прикрывающійся такимъ страннымъ псевдонимомъ?

Пока извѣстны были только «Фантастическія Путешествія», у насъ ходили въ гимназіи довольно смутные слухи о его личности; но съ появленіемъ «Библіотеки для Чтенія» въ Москвѣ всѣмъ было уже извѣстно, что подъ именемъ сказочнаго барона пишетъ профессоръ арабскаго языка и литературы въ Петербургскомъ университетѣ, Сенковский. Мы узнали, что онъ воспитывался въ Вильнѣ, долго путешествовалъ по Европѣ, прожилъ нѣсколько лѣтъ на Востокѣ, по происхожденію былъ полякъ, писалъ сначала по-польски и даже издавалъ на этомъ языкѣ какой-то юмористиче-

скій журналъ. Когда вышло Смирдинское изданіе «Сто русскихъ литераторовъ», многіе изъ гимназистовъ добыли портретъ Сенковского, и одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ художниковъ недурно самъ копировалъ его акварелью.

Несмотря на то, что выходки Барона Брамбеуса противъ Гоголя, котораго онъ называлъ хохлацкимъ сказочникомъ и русскимъ Поль-де-Кокомъ, начали мало-по-малу колебать въ нашихъ глазахъ авторитетъ Сенковского и мы стали уже относиться къ нему критически,— онъ все еще оставался для насъ крупнымъ талантомъ, и число его горячихъ почитателей долго не уменьшалось.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ, Сенковский былъ уже здѣсь далеко не въ такомъ почетѣ, какъ въ Москвѣ, и «Библіотека для Чтенія» начинала заслоняться «Отечественными Записками», особенно когда въ нихъ стали печататься статьи Бѣлинскаго. Тутъ уже начали сознавать, что повѣсти Сенковского представляютъ не картины дѣйствительной русской жизни, а одни

легкіе и далеко не вѣрные очерки ея, переходящіе даже иногда въ каррикатуру; что его критическія статьи отличаются только парадоксальной оригинальностью и самое остроуміе его такъ же искусственно, какъ натянутое остроуміе Марлинскаго. Нельзя было не замѣтить, наконецъ, что при обширной и многосторонней учености, при несомнѣнномъ и оригинальномъ дарованіи, въ сочиненіяхъ Сенковскаго видно отсутствіе серьезнаго направленія и той живительной любви къ литературѣ, которая даетъ силу истиннымъ ея представителямъ. И по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ нашемъ утверждался авторитетъ Бѣлинскаго и выяснялось значеніе Гоголя, прежняя слава Сенковскаго начала быстро померкать.

Въ бытность въ университетѣ, мнѣ случилось только мелькомъ встрѣчать Сенковскаго, когда онъ пріѣзжалъ на лекціи. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ человѣкомъ сухимъ, несообщительнымъ и какъ-будто апатичнымъ. На лекціи онъ ѣздилъ неаккуратно и при входѣ въ аудиторію обыкновенно зѣвалъ, точно былъ

утомленъ или дурно провелъ бессонную ночь. Студенты восточнаго факультета рассказывали, что на лекціяхъ былъ онъ очень вялъ и въ качествѣ профессора далеко не оправдывалъ ожиданій, какія можно было возлагать на человека съ такими обширными свѣдѣніями въ языкахъ и литературахъ Востока.

Личное мое знакомство съ Сенковскимъ началось въ концѣ 1847 г. Въ это время вышелъ изъ печати мой литературный опытъ, «Очеркъ исторіи русской поэзіи», и въ «Библіотекѣ для Чтенія» явился очень лестный отзывъ объ этой книжкѣ. Вскорѣ послѣ того зашелъ ко мнѣ сослуживецъ мой по учебнымъ заведеніямъ и постоянный сотрудникъ «Библіотеки», Василій Васильевичъ Дерикеръ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ Сенковскій самъ писалъ рецензію моей книжки и желаетъ лично со мною познакомиться.

Дерикеръ совѣтывалъ мнѣ ѣхать немедленно и прибавилъ, что Осипъ Ивановичъ намѣренъ предложить мнѣ какую-нибудь работу въ журналѣ.

Хотя въ это время я смотрѣлъ уже на Сенковского безъ того увлеченія, съ какимъ мы относились къ нему въ московской гимназiи, но мнѣ пріятно было сблизиться съ человѣкомъ, котораго я все-таки уважалъ за его ученость и талантъ. На другой или на третій день послѣ разговора съ В. В. Дерикеромъ я пошелъ къ Сенковскому.

Осипъ Ивановичъ жилъ тогда на набережной Васильевского Острова, противъ нынѣшняго Николаевского моста, въ домѣ Усова. Онъ занималъ довольно большую квартиру въ двухъ этажахъ, которые сообщались между собой внутренней лѣстницей. Молоденькая горничная дѣвушка, очень кокетливо одѣтая, взяла отъ меня карточку и попросила подождать въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, сказала, что Осипъ Ивановичъ нездоровъ, лежитъ въ постели, но желаетъ меня видѣть и проситъ къ нему въ спальню. По винтообразной деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ, я поднялся за моей проводницей во второй этажъ.

Посерединѣ большой комнаты, съ тремя окнами на Неву, отдѣланной въ помпейскомъ вкусѣ красными въ темныхъ каймахъ четырехугольниками, стояла широкая, чуть не трехспальная кровать краснаго дерева, покрытая пунсовымъ атласнымъ одѣяломъ, выстеганнымъ по причудливому узору въ восточномъ вкусѣ. По обѣимъ сторонамъ кровати приставлены были узкой стороною къ изголовью два стола, заваленные книгами и періодическими изданіями. На кровати, поверхъ одѣяла, лежалъ навзничъ безъ сюртука, но въ жилетѣ, галстухѣ и лакированныхъ ботинкахъ Осипъ Ивановичъ, закинувъ надъ головою руки, на которыхъ блистало нѣсколько колецъ. Въ сторонѣ, другая горничная дѣвушка, одѣтая такъ же, какъ и первая, поправляла уголья въ каминѣ.

— Извините, что такъ принимаю васъ: у меня мигрень, проговорилъ какимъ-то не то усталымъ, не то болѣзненнымъ голосомъ Сенковскій;— садитесь вотъ сюда.

Одна изъ дѣвушекъ пододвинула мнѣ къ кровати табуретъ, вышитый по такому же восточ-

ному узору, какъ одѣло. Я высказалъ опасеніе, не беспокою ли его своимъ визитомъ.

— Ничего; у меня мигрень, а на разговоръ отъ эскулаповъ запрета пока еще нѣтъ, проговорилъ онъ, морщась на каждомъ словѣ. Читалъ я вашу книжку и хотѣлъ познакомиться съ вами.

Я поблагодарилъ за благосклонный отзывъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» и замѣтилъ, что особенно цѣню лестный для меня приговоръ критика, который не любитъ баловать начинающихъ литераторовъ.

— Въ хорошемъ расположеніи духа былъ и похвалилъ, съ легкой улыбкой сказалъ Сенковский. Безпокоилъ бы въ то время мигрень—можетъ быть, и пожурилъ бы немножко.

— Мнѣ бы пріятно узнать, за что именно? спросилъ я.

— За идеи.

— За какія идеи?

— Да вообще. Вы, нынѣшніе молодые писатели, стараетесь проводить разныя, какъ вамъ кажется, либеральныя мысли, а общество наше

пока еще не нуждается въ нихъ; ему нужно только чтеніе, которое развлекало бы его, занимало, смѣшило, а не заставляло думать, волноваться, сердиться. На идеи у насъ нѣтъ спроса, и предлагать ихъ теперь—все равно, еслибы разносчикъ сталъ кричать передъ домомъ, гдѣ всѣ спятъ глубокимъ сномъ.

— Стало быть, нужно только забавлять общество?

— Только. Пишите весело, давайте то, что общественный желудокъ хорошо перевариваетъ. Отъ идей у него завалы, особенно отъ либеральныхъ.

— Но развѣ вы сами никакихъ идей не высказывали?

— Никогда, никакихъ!

— Вы шутите?

— Какія шутки! у меня мигрень.

— Но у васъ даже въ легкихъ повѣстяхъ много серьезнаго... Напримѣръ «Путешествіе на Медвѣжьей Островъ»: развѣ и тамъ нѣтъ мысли?

— Никакой, кромѣ того, что русская пуб-

лика любить только сказки; и въ самой математикѣ можно найти для нея что-нибудь забавное. Испугались тогда кометы; боялись, какъ бы она не задѣла хвостомъ за наши магазины, театры, балы, парады—ну и надобно было ее успокоить, позабавить астрономической повѣстью... А то идеи? Напрасно вы вводите ихъ въ моду: долго не продержатся.

Не мало еще говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, не перемѣняя положенія на кровати и только изрѣдка перекладывая ногу на ногу. Потомъ повернулъ онъ ко мнѣ голову и сказалъ:—А я думаю предложить вамъ, не хотите ли работать въ «Библіотекѣ для Чтенія»? У меня часто мигрень, не могу много заниматься.

— Не знаю, съумѣю ли угодить вамъ.

— Что-жъ тутъ угождать... негоняйтесь только за идеями... Вотъ здѣсь нашъ послѣдній умственный урожай, продолжалъ Сенковский, показывая глазами на одинъ изъ придвинутыхъ къ кровати столовъ: выберите, что найдете по вкусу.

Я пересмотрѣлъ и отобралъ нѣсколько книжекъ для рецензій. Мы простились.

Черезъ двѣ недѣли у меня приготовлена была небольшая критическая статья и нѣсколько мелкихъ отзывовъ о незначительныхъ книгахъ для Литературной Лѣтописи. Съ любопытствомъ ждалъ я выхода «Библіотеки для Чтенія», чтобы посмотрѣть, въ какомъ видѣ явятся мои рецензіи, такъ какъ Сенковскій любилъ передѣлывать и исправлять статьи сотрудниковъ, изъ-за чего, между прочимъ, разошелся съ Н. А. Полевымъ.

Утромъ, въ первое число мѣсяца, явился ко мнѣ разсылный съ книжкой «Библіотеки» и деньгами за мою работу. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что денегъ прислано больше, чѣмъ я рассчитывалъ получить, но въ разносной книгѣ выставлена была именно присланная сумма. Когда я сталъ просматривать мои статьи, то увидѣлъ, что онѣ значительно увеличились отъ прибавокъ самого Сенковскаго и вставленныхъ имъ выписокъ изъ разобранныхъ книгъ, а между тѣмъ плата прислана была за все напечатанное. Что касается самыхъ передѣлокъ въ моей работѣ, то въ литературномъ отно-

шеніи едва ли можно было жаловаться на нихъ безъ крайняго самолюбія. Правда, критическія статьи отъ прибавокъ и измѣненій капризнаго редактора нѣсколько перемѣнились въ самомъ направленіи, но мелкія рецензіи положительно выиграли и приняли тотъ игривый характеръ, какимъ отличалась обыкновенно Литературная Лѣтопись «Библіотеки для Чтенія».

Еслибы случилось, что кто нибудь въ Петербургѣ забылъ о наступленіи перваго числа, то ему напомнилъ бы объ этомъ выходъ книжки журнала Сенковского. Столичные подписчики на «Библіотеку для Чтенія» получали ее непременно въ первый день мѣсяца, и эта аккуратность была, между прочимъ, одною изъ причинъ первоначальнаго успѣха журнала. Точно также аккуратенъ былъ Сенковский въ расплатѣ съ сотрудниками: гонораръ за статьи выдавали въ конторѣ или присылали на домъ въ самый день выхода новой книжки.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда во всю Неву шелъ сплошной ладожскій ледъ, и всѣ мосты были сняты, поздно вече-

ромъ явился ко мнѣ разсылный Сенковского съ деньгами за напечатанныя статьи и съ новыми книгами для рецензій. Я думалъ, его послали изъ конторы, но съ удивленіемъ узналъ, что онъ прямо отъ редактора, съ Васильевского Острова.

— Какъ ты попалъ? спросилъ я: развѣ мосты наведены?

— Какіе мосты! отвѣчалъ онъ: ледъ страсть какой валить, и на яликахъ нѣтъ перевоза. Во весь день только одинъ катеръ пробился у Чекушъ, и то чуть не затерло.

— Да что-жъ тебѣ за неволя была переѣзжать?

— Хуже неволи! Осипъ Ивановичъ безпрѣмѣнно приказываютъ доставить деньги: хоть по льдинамъ шагай, а безъ того не смѣй воротиться.

Не разъ бывалъ я у Сенковского, и меня постоянно поражала—съ одной стороны обширность его знаній и удивительная начитанность, съ другой—парадоксальность его литературныхъ мнѣній. Извѣстно, что онъ часто помѣщалъ въ

журналъ иностранныхъ сочиненія не въ переводахъ, а въ сокращенныхъ компиляціяхъ, и это дѣлалось послѣ его предварительной работы надъ ними. Онъ давалъ сотруднику нѣмецкую, англійскую, итальянскую книгу и на поляхъ дѣлалъ поправки и приписки на томъ же языкѣ, какъ и въ оригиналѣ. Иногда въ книгу, на мѣсто перечеркнутыхъ страницъ, вкладывались цѣлыя листки, исписанные рукою Сенковского на языкѣ подлинника. Я видѣлъ передѣланный такимъ образомъ романъ Бульвера «Послѣдніе дни Помпеи». И такъ работалъ онъ не только надъ беллетристическими сочиненіями, но и надъ чисто учеными.

Литературныя сужденія Сенковского отличались странностями, совсѣмъ непонятными въ чловѣкъ такого высокаго ума и вкуса: то онъ самымъ серьезнымъ образомъ и совершенно безкорыстно превозносилъ похвалами какую нибудь до очевидности плохую вещь, то безъ всякаго повода унижалъ и осмѣивалъ произведеніе высоко-талантливое. И трудно было угадать, зависѣло ли это отъ желанія казаться оригинальнымъ,

или просто отъ расположенія духа въ извѣстную минуту. Я замѣтилъ, однако, что онъ бывалъ очень остроуменъ въ такое время, когда особенно жаловался на мигрень. Во всякомъ случаѣ его несправедливые и парадоксальные отзывы о многихъ литературныхъ явленіяхъ происходили не отъ недостатка эстетическаго вкуса или нежеланія понять значеніе этихъ явленій.

У меня остался въ памяти разговоръ о Гоголѣ, причемъ я заподозрилъ, что странныя выходки Сенковского противъ автора «Мертвыхъ душъ» едва ли выражали его дѣйствительное убѣжденіе. Онъ какъ-то упрекнулъ молодое поколѣніе въ пристрастіи къ реальной школѣ и замѣтилъ, что новая критика, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, неумѣренными похвалами Гоголю надѣляетъ много вреда русской литературѣ. «Бѣда не въ томъ, говорилъ Сенковский, что вы собьете съ толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшимъ гениемъ въ мірѣ: пускай онъ воображаетъ себя Гомеромъ и Омою Кемпійскимъ — скорѣе до-

пишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодит толпы маленьких Гоголей, которые доведут его жартъ до омерзительной пошлости и совсѣмъ испортятъ вкусъ публики. Вотъ и теперь уже нельзя безъ перчатокъ брать въ руки иныхъ книгъ, а скоро придется или окуривать ихъ, или выбрасывать въ помойную яму. Увидите, какая грязно-реальная школа расцвѣтетъ подъ вліяніемъ вашего хохлацкаго коридора. Вѣдь подражателямъ не удастся усвоить его природнаго юмора: они только будутъ потчивать васъ его галушками, приправленными лукомъ и коноплянымъ масломъ».

Во время моего знакомства съ Сенковскимъ я видѣлъ, что онъ уже начиналъ тяготиться изданіемъ журнала и очевидно думалъ о передачѣ его, или, по крайней мѣрѣ, о пріисканіи человѣка, которому могъ бы поручить главныя заботы по редакціи. В. В. Дерикеръ говорилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ первымъ условіемъ для своего помощника ставилъ требованіе не увлекаться новымъ направленіемъ, которое онъ

называлъ студіей Бѣлинскаго. Въ началѣ моего сотрудничества онъ, кажется, думалъ найти во мнѣ подходящаго человѣка, но потомъ убѣдился, что я не могу быть его помощникомъ, потому что не умѣю отрѣшиться отъ идей, которыя ему не нравились. Въ самомъ дѣлѣ, я не могъ относиться къ новой литературѣ съ тѣмъ безстрастіемъ, какого требовалъ Сенковский, и постоянно расходился съ нимъ во взглядѣ на многія явленія въ тогдашнемъ обществѣ. Это повело, наконецъ, къ тому, что я охладѣлъ къ журналу и началъ тяготиться моимъ сотрудничествомъ. Хотя я выбиралъ для своихъ работъ такія книги, по которымъ можно было не отказываться отъ своихъ мнѣній и не идти въ разрѣзъ со взглядами редактора, но все же мнѣ стало непріятно находить въ статьяхъ своихъ измѣненія и поправки, по моему, не всегда основательныя. Мало-по-малу я отсталъ отъ «Библіотеки для Чтенія», что, однако-жъ, не мѣшало мнѣ посѣщать Осипа Ивановича и тогда, когда онъ переѣхалъ съ Васильевского

Острова въ собственный домъ въ Свѣчномъ переулкѣ.

Въ послѣднее время, оставивъ редакцію «Библиотеки», Сенковскій почти отказался отъ литературной дѣятельности и только принялъ не надолго участіе въ «Сынъ Отечества», гдѣ писалъ еженедѣльные фельетоны. Любимымъ занятіемъ его въ то время сдѣлалась музыка, и онъ постоянно работалъ надъ какимъ-то усовершенствованіемъ въ фортепьяно. Не знаю, что именно онъ придумывалъ и чѣмъ эта затѣя кончилась.

Какъ ни коротко было мое знакомство съ Сенковскимъ, но я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ въ высокой степени честномъ и даровитомъ, хотя во многихъ отношеніяхъ странномъ человѣкѣ. Несмотря на то, что я не раздѣлялъ его литературныхъ мнѣній, мнѣ нравился его живой и остроумный разговоръ въ тѣ дни, когда онъ былъ веселъ, что, впрочемъ, случалось не часто; большею же частію онъ хандрилъ и жаловался на нездоровье, иногда, кажется, мнимое. Зато, когда онъ бывалъ въ

духѣ, бесѣда съ нимъ доставляла истинное наслажденіе.

Странную и вмѣстѣ поучительную роль сыгралъ Сенковскій, какъ писатель. При замѣчательномъ умѣ, многостороннемъ образованіи и несомнѣнномъ талантѣ, онъ не оставилъ по себѣ виднаго и прочнаго слѣда въ литературѣ. Въ повѣстяхъ его просвѣчиваетъ вездѣ сильное и самобытное дарованіе, въ серьезныхъ сочиненіяхъ высказано много важныхъ научныхъ выводовъ, въ критикѣ не мало дѣльных замѣчаній и остроумныхъ сближеній... И что же изъ этого вышло? Сенковскій самъ погубилъ себя отсутствіемъ руководящей идеи, насмѣшкою надъ уважаемыми талантами, легкомысленнымъ отношеніемъ ко многимъ научнымъ и политическимъ вопросамъ, скептическимъ взглядомъ на дорогія для общества стремленія и надежды. Постоянное глумленіе надъ тѣмъ, что вызывало въ мыслящихъ людяхъ серьезные вопросы, несмотря на всѣ діалектическія уловки и блестящее остроуміе публициста, лишило его того вліянія на общество, какое онъ могъ бы

пріобрѣсти при своихъ многостороннихъ дарованіяхъ.

Преобладающимъ мотивомъ во всѣхъ литературныхъ работахъ Сенковского былъ смѣхъ. Но какъ и надъ чѣмъ онъ смѣялся?

Русское общество съ постояннымъ участіемъ прислушивалось къ смѣху Гоголя, хорошо понимая, какимъ онъ вызванъ благороднымъ чувствомъ, какая сквозитъ въ немъ свѣтлая идея, какія таятся подъ нимъ горячія слезы любви и надежды. Холодный, безсердечный смѣхъ Сенковского, безразлично направленный какъ на темныя, такъ и на свѣтлыя явленія общественной жизни, нерѣдко забавлялъ, но никогда глубоко не затрогивалъ читателя. Чуждая всякой руководящей мысли, сатира его обращалась въ простое глумленіе. Вотъ почему Сенковский останется въ нашей литературѣ поучительнымъ доказательствомъ той истины, что при отсутствіи ясно сознанной идеи и любви къ обществу, никакія богатства дарованія и знаній не спасутъ писателя отъ неизбежнаго забвенія. Какъ метеоръ, ярко блеснулъ онъ въ русской

литературѣ и какъ метеоръ быстро исчезъ, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда. И это понятно и законно. Если на нашихъ глазахъ не всѣхъ удовлетворяла извѣстная теорія искусства для искусства, то могъ ли оставить по себѣ прочные слѣды тотъ, кто въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности упрямо поддерживалъ ошибочную мысль, — будто смѣхъ существуетъ только для смѣха.

Я. П. Бутковъ.

Въ числѣ литераторовъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться во время сотрудничества въ петербургскихъ журналахъ, былъ, между прочимъ, Яковъ Петровичъ Бутковъ, авторъ рассказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія вершины», и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ сороковыхъ годахъ сочиненія эти пользовались успѣхомъ и вполнѣ того заслуживали. Въ нихъ видна была замѣчательная наблюдательность, знакомство съ бытомъ и настоящими радостями и печалями того бѣднаго класса столичнаго населенія, которому можно присвоить названіе чиновнаго и умственнаго пролетаріата. Самый уголъ зрѣнія автора на

эту мелкую среду отличался оригинальностью, а въ манерѣ и тонѣ его разсказа наивное добродушіе соединялось съ какимъ-то своеобразнымъ юморомъ. Одно то уже говорило въ пользу самобытнаго дарованія этого человѣка, что языкъ его легко можно было узнать по нѣсколькимъ строкамъ разсказа. Но самая личность автора была едва ли не интереснѣе его сочиненій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Буткова въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Это было утромъ. Въ кабинетѣ издателя засталъ я человѣкъ пять или шесть сотрудниковъ журнала, у которыхъ шелъ довольно живой разговоръ объ итальянской оперѣ. Въ сторонѣ отъ другихъ, не принимая никакого участія въ сужденіяхъ и спорахъ, молча и какъ-то неловко сидѣлъ молодой человѣкъ, въ поношенномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху на порыжѣвшія пуговицы, въ сапогахъ, къ которымъ, очевидно, нѣсколько недѣль не прикасалась щетка. Большая голова, съ рѣзко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и подъ гребенку остриженными волосами, съ

перваго взгляда производила впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное, но оно скоро изглаживалось при видѣ кроткихъ, умныхъ глазъ и красиваго очертанія рта, какъ будто ежеминутно готоваго улыбнуться.

Мнѣ показалось, что этому молодому человеку было какъ будто неловко, оттого ли, что онъ не могъ принять участія въ разговорѣ, или находилъ себя не на мѣстѣ въ большомъ кабинетѣ, посреди эластическихъ дивановъ и мягкихъ ковровъ. По крайней мѣрѣ замѣтно было, что онъ какъ-то неуклюже сидѣлъ на стулѣ и неловко поджималъ ноги. Я спросилъ, кто этотъ господинъ, и мнѣ назвали Буткова.

Нѣкоторыя обстоятельства его жизни были уже мнѣ извѣстны. Онъ былъ мѣщанинъ изъ какого-то уѣзднаго города, помнится, Саратовской губерніи, не получилъ почти никакого образованія и принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые почти безъ всякаго ученія воспитывались и развивались на одномъ только чтеніи. Частію пѣшкомъ, а отчасти съ случайными попутчиками, добрался

онъ до Петербурга, поселился въ углу на какой-то изъ глухихъ вершинъ и успѣлъ найти доступъ въ редакцію журнала, гдѣ въ представленныхъ имъ литературныхъ опытахъ умѣли подмѣтить дарованіе. Но скоро встрѣтилось обстоятельство, которое могло надолго, а можетъ быть и навсегда, отвлечь его отъ литературы. Объявленъ былъ рекрутскій наборъ, и ему, по званію и семейному положенію, необходимо было идти въ солдаты. Къ счастью, его спасъ отъ этого А. А. Краевскій: онъ купилъ ему рекрутскую квитанцію, съ тѣмъ, чтобы Бутковъ выплачивалъ за нее вычетомъ части гонорара за статьи, помѣщаемыя въ «Отечественныхъ Запискахъ». При трудолюбіи и особенно при той умѣренной жизни, какую велъ литературный пролетарій, это было бы не очень трудно, но онъ писалъ немного и, сколько я знаю, далеко не выплатилъ своего долга.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Бутковымъ, и я заговорилъ съ нимъ о послѣдней его повѣсти, только что напечатанной тогда въ журналѣ; но онъ слушалъ меня, потупя глаза, не

то съ смущеніемъ, не то съ неудовольствіемъ, и не показывалъ, повидимому, ни малѣйшей охоты къ сближенію. Огвѣчалъ онъ мнѣ отрывисто, сухо, даже нѣсколько грубо, и когда я обратился къ кому-то изъ бывшихъ въ кабинетѣ—чудакъ быстро и незамѣтно исчезъ. На замѣчаніе мое о такой странности, мнѣ сказали, что это настоящій дикарь, который ни съ кѣмъ не сближается и всѣхъ подозрѣваетъ въ гордости и презрѣніи къ нему. Можетъ быть, онъ былъ въ этомъ отношеніи и правъ, потому что мнѣ самому случалось видѣть, что нѣкоторые изъ пишущей братіи, далеко ниже его по способностямъ, относились къ нему свысока.

Но какъ ни тяжелъ былъ Бутковъ на сближеніе, мы, однако-жъ, познакомились. Въ ту же зиму я встрѣтилъ его у М. М. Достоевскаго, который также участвовалъ въ то время въ журналѣ А. А. Краевского, а впоследствии самъ былъ издателемъ и редакторомъ журнала «Время». На этотъ разъ Бутковъ какъ-то разговаривался со мной и даже оказался словоохот-

ливымъ. Но, къ удивленію моему, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того мы опять встрѣтились въ редакціи, онъ по-прежнему оставался несообщительнымъ, сидѣлъ молча и незамѣтно ускользнулъ. И это потомъ повторялось не разъ. Однажды мнѣ удалось, однако, выдти вмѣстѣ съ нимъ, и дорогой я спросилъ: отчего онъ какъ будто стѣсняется чѣмъ-то въ редакціи?

Бутковъ, прежде чѣмъ отвѣчать, оглянулся назадъ, точно хотѣлъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь, и сказалъ:

— Нельзя... начальство-съ.

— Какое начальство?

— Литературные генералы.... Маленькимъ людямъ надо это помнить.

— Что за пустяки! А со мной-то отчего же вы тамъ не говорите?

— При начальствѣ неловко-съ. Я мелкота.

— Полноте: развѣ вы не такой же литераторъ, да еще даровитѣе многихъ.

— Что тутъ даровитость! Я вѣдь кабальный.

— Съ чего вы это взяли?

— Вѣрно-съ.

— Зачѣмъ же вы туда ходите, если вамъ это непріятно?

— Нельзя не являться: къ непочтенію и естроптивости права отнесутъ. Могутъ гнѣвать-ся-съ.

И я не могъ добиться ничего больше.

Мало-по-малу Бутковъ пересталъ меня чуждаться, и однажды мнѣ удалось даже затащить его къ себѣ. Мы довольно долго говорили съ нимъ о литературныхъ новостяхъ, и послѣ того онъ изрѣдка сталъ заходить ко мнѣ, большею частью утромъ, но я никакъ не могъ заманить его въ тотъ день, когда по вечерамъ собирались у меня пріятели. Въ передней онъ обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли у меня когонибудь, и ежели въ это время я былъ не одинъ, то онъ совсѣмъ и не входилъ. Если же случилось, что при немъ ктонибудь приходилъ ко мнѣ, даже изъ людей ему извѣстныхъ—онъ тотчасъ же убѣгалъ, отговариваясь какиминибудь спѣшными дѣлами. Нѣсколько разъ при-

глашалъ я его обѣдать и къ себѣ, и въ ресторанъ, но чужакъ всегда отказывался. Когда мы съ Бутковымъ выходили вмѣстѣ изъ редакціи, онъ провожалъ меня по Невскому проспекту и всегда не далѣе Пассажа, куда исчезалъ, торопливо попрощавшись со мною. На вопросъ о его квартирѣ, онъ всегда отвѣчалъ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Мнѣ говорили, что онъ нанималъ маленькую комнату въ верхней галлерей Пассажа, но почему не говорилъ объ этомъ — не знаю. Въ желаніи скрыть свою бѣдность его нельзя было заподозрить.

Однажды, когда мы такимъ образомъ на пути изъ редакціи дошли до обычнаго мѣста нашего разставанья, я сказалъ, что хочу тоже пройти по Пассажу. Бутковъ промолчалъ, но только что мы поднялись на ступени къ первой площадкѣ, онъ остановился и сказалъ:

— Вы часто звали меня къ хлѣбу-соли, такъ вотъ, если теперь не прочь посидѣть да потолковать — зайдемъ тутъ закусить чегонибудь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, и хотѣлъ

уже подняться по лѣстницѣ къ ресторану, но Бутковъ остановилъ меня.

— Знаете, я въ эти кулинарные храмы не люблю ходить-сь, проговорилъ онъ:—тамъ литературные генералы устрицы глотаютъ да англійскій эль пьютъ, а вотъ тутъ есть маленькое заведенъице попроще, такъ ужъ мы лучше туда.

— Гдѣ же это?

— А внизу, въ катакомбахъ, православная пирожная лавочка открылась: чай китайскій и казалетовское пиво есть. Зайдемте, хорошо: большихъ комфортавъ нѣтъ, а очень любезно—и дешево, и привольно-сь!

Мы спустились въ длинный, полутемный и довольно душный подвалъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись какія-то кладовыя и между ними не запертыя еще лавченки. Въ одну изъ этихъ норъ и затащилъ меня Бутковъ. За буфетомъ, уставленнымъ графинами съ водкой и тарелками съ пирожками и буттербродами, стоялъ бородатый старикъ, съ привязаннымъ сверхъ поддевки полубѣлымъ фартукомъ. Въ самой лавкѣ

и въ примыкавшей къ ней небольшой комнатѣ разставлены были столики, накрытые цвѣтными ярославскими салфетками, и за двумя-тремя сидѣли передъ бутылками и стаканами какія-то неопредѣленныя личности. Съ перваго шага я замѣтилъ, что Бутковъ былъ здѣсь совершенно свой человѣкъ. Онъ оживился, повеселѣлъ, сталъ развязенъ и разговорчивъ. Какъ ни непріятно было сидѣть въ этомъ мрачномъ подвалѣ, похожемъ скорѣе на какую-нибудь харчевню, чѣмъ на городской трактиръ, но я не раскаявался, что зашелъ туда.

Въ первый разъ Бутковъ показался мнѣ здѣсь вполне откровеннымъ и очень занимательнымъ. Онъ выпилъ рюмку водки, но не она оживила его, а кажется самое это мѣсто, гдѣ онъ очевидно чувствовалъ себя на родной почвѣ. Къ удивленію моему, онъ самъ заговорилъ о своихъ литературныхъ работахъ, чего прежде никогда не бывало и разговоръ о чемъ онъ обыкновенно отклонялъ съ первыхъ словъ. Теперь онъ, безъ всякаго запроса съ моей стороны, сообщилъ мнѣ, что кромѣ разныхъ мелочей для

журнала, занимается сочиненіемъ въ драматическомъ родѣ.

— Что же это такое, Яковъ Петровичъ? спросилъ я.

— Драму началъ-съ: «Взятіе Одессы».

— Какъ такъ! Да когда же Одесса была взята?

— Въ прошломъ году.

— Вы шутите: кто же ее бралъ?

— Жиды-съ. Торги были въ Сенатѣ на откупа: іудейская рать пришла съ превосходными силами, три раза городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на приступъ лѣзли; наши-то не удержались, золотого пороху не хватило, да говорятъ еще, тамъ какая-то Юдифъ изъ французенокъ секретно дѣйствовала... Ну, и взяли-съ!

Я засмѣялся и замѣтилъ, что заглавіе пьесы оригинально и бойко, но я еще не совсѣмъ понимаю, какая въ этомъ можетъ быть драма. Бутковъ видимо оживился.

— Какъ не понимаете? Да развѣ вы не знаете, чтѣ такое откупъ? Вѣдь это золотое руно, неистощимое золотое руно: въ Колхидѣ не было

такихъ сокровищъ, какія даютъ наши кабаки; страсти-то въ борьбѣ за нихъ и разыгрываются. А тутъ еще Юдиѣ-съ, или этакая Далила обстригаетъ подъ гребенку нашихъ денежныхъ Самсоновъ-силачей... Гдѣ въ этомъ драма, говорите вы? Мало что драма: трагедія высокая—ликovanje откупщиковъ, народъ, плачущій хоромъ...

— И вы думаете, цензура пропуститъ такое взятіе Одессы?

— Да, пожалуй не пропустятъ... Я самъ объ этомъ думалъ, да дѣлать нечего: сюжетъ-то мнѣ пришлось по душѣ, хочется писать; пусть запрещаютъ, по крайности душу отведу... Вотъ только бы туда не позвали.

— Куда это?

— Да къ самому-съ.

— Къ кому-же?

— Будто не знаете? проговорилъ Бутковъ, нагибаясь ко мнѣ черезъ столъ, такимъ голосомъ, какъ инныя набожныя старушки произносятъ имя врага рода человѣческаго. Онъ называлъ тогдашняго попечителя петербургскаго

округа и предсѣдателя цензурнаго комитета Мусина-Пушкина, который, какъ извѣстно, не отличался особенной деликатностью въ сношеніяхъ съ литераторами и третировалъ ихъ иногда какъ какой-нибудь директоръ департамента стараго закала своихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

— Да что же вы его такъ боитесь? спросилъ я.

— А какъ же не бояться! Вѣдь я былъ у него на расправѣ, въ застѣнкѣ-то... Сохрани Господи и помилуй! Вотъ меня добрые люди отъ красной шапки избавили... да вѣдь, я думаю, никогда солдаты-то не терпѣли того отъ старыхъ бурбоновъ, что я вынесъ... Словно сквозь строй прогналъ-съ.

— Что вы говорите? Расскажите, изъ за чего и какъ это было.

Бутковъ осмотрѣлся по сторонамъ, всталъ и заглянулъ въ буфетную комнату, потомъ опять присѣлъ за столъ и началъ вполголоса.

— Въ прошломъ году небольшую повѣстунку я написалъ и принесъ въ одинъ журналъ. Взяли

безъ гримасъ. Книжка вышла въ срокъ, смотрю: моего разсказа нѣтъ. Прошелъ еще мѣсяцъ, и въ слѣдующей книжкѣ не напечатано. А деньжонки крѣпко были нужны: билеты кухмистерскіе всѣ вышли, давно ужъ на сухояденіи сидѣлъ, ну да тамъ и другіе нуждишки по гардеробу. Пошелъ справится въ редакцію: почему моя повѣсть залежалась. Да, говорятъ, давно набрана, только цензоръ не возвращаетъ корректуръ; рекомендуютъ самому справится. Крѣпко не хотѣлось мнѣ идти къ блюстителю: тоже вѣдь начальство-съ, а я робокъ съ властью имѣющими и противъ рожна прать не умѣю. Думалъ, думалъ, да нужда заставила—пошелъ. Допустили меня: принялъ. Спрашиваю насчетъ повѣстухи: да я, говоритъ, затрудняюсь пропустить ее безъ разрѣшенія комитета; въ слѣдующее засѣданіе непременно доложу, приходите въ два часа, въ такой-то день, прямо въ комитетъ—тамъ и узнаете рѣшеніе. Хотѣлъ было я спросить насчетъ затрудненія-то въ одобреніи повѣсти и доложить при этомъ о моей благонамѣренности, да подумалъ какъ бы

не разсердить этимъ литературнаго надзира-
теля—и только почтительнѣйше раскланялся.
Больно мнѣ не желалось идти въ ареопагъ-то,
а дѣлать нечего-съ: нуждишки тѣснятъ со всѣхъ
сторонъ, и тамъ, въ редакціи-то, ужъ формиру-
ють новую книжку журнала—пожалуй, думаю,
и въ нее повѣстунка-то моя не попадетъ. По-
шелъ я, перекрестясь, въ комитетъ. У самага
университета мнѣ одинъ знакомый биржевой
заяцъ дорогу перебѣжалъ, только головой кив-
нулъ. Вотъ и не вѣрьте вы народнымъ примѣ-
тамъ-съ! Прихожу, спрашиваю солдата о моемъ
цензорѣ; здѣсь, говоритъ, засѣдаютъ, и самъ
въ присутствіи, то есть ханъ-то цензурной
орды. Жду я: то на стульчикъ осторожно при-
сяду, то по передней-то на дыпочкахъ прой-
дусь, въ окошечко посмотрю на золотой ку-
поль Исаакія. А за дверями иной разъ какъ-
будто разговоръ слышенъ, а то словно команда
генеральская раздается. Прошло этакъ съ часъ,
Вдругъ отверзлись врата, выходить мой затруд-
няющійся цензоръ и говоритъ: «господинъ Бут-
ковъ, пожалуйста сюда!» Маленькій ознобецъ

у меня, знаете, по спинѣ-то пробѣжалъ. Вхожу въ святилище цензуры: за столомъ, облаченнымъ зеленымъ покровомъ, на которомъ совершается таинство литературной кастраціи, сидятъ на креслахъ всѣ эти жрецы, а въ переднемъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ первосвященникъ. Я, разумѣется, отдалъ подобающее поклоненіе.

— Бутковъ? спрашиваетъ верховный судія.

— Яковъ Бутковъ, отвѣчалъ я.

— Ты какую повѣсть представилъ?

— «Людишки», говорю.

— Людишки! Да ты кого это въ ней людишками-то называешь? А? загремѣлъ онъ, словно передъ нимъ стоитъ цѣлая бригада, а не одинъ ускользнувшій отъ рекрутства ординарный литераторъ. Кого, я тебя спрашиваю? Людей въ тысячу разъ лучше тебя, не празднующихся какихъ нибудь, а занятыхъ государственной службой, людей дѣловыхъ, да еще чиновныхъ! И это у тебя людишки! Да какъ ты можешь такъ обзывать и позорить тѣхъ, кого правительство признаетъ полезными службами? Откуда ты набрался такихъ дерзкихъ

мыслей? я тебя спрашиваю. И какъ ты рѣшился написать это, да еще въ цензуру представить? Вы что затѣяли? Публику хотите развращать, возбуждать неуваженіе къ чину, смѣяться надъ людьми, допущенными къ государственной службѣ! Вы что-ли своей болтовней служите отечеству? Либералы! Сами ни къ чему дѣльному не способны, такъ и другихъ хотите съ толку сбить? Зависть васъ мучаетъ? Развѣ литература для того дозволена правительствомъ, чтобы ваше вредное пустословіе распространять въ народѣ? Людишки! Ты на своего брата посмотри—вотъ тамъ людишекъ найдешь, да и тѣхъ зачѣмъ напоказъ выставлять. Я посмотрю, что ты будешь писать!

— Вышелъ я изъ цензурнаго святилища, точно изъ торговой бани, продолжалъ Бутковъ: лучше всякаго пара пробрало меня. Поняли теперь, отчего я робости-то передъ нимъ подвержень? А вѣдь повѣстуха-то моя была не ахти какъ задорна: не ранги я осмѣивалъ въ ней, а натуришку мелко-чиновную изобразить хотѣлъ, низкопоклонство да раболѣпство. Вотъ и

весь либерализмъ! И знаете-ли, какъ генеральская головомойка-то озадачила меня: вѣдь я въ инквизиціонной комнатѣ, должно быть, съ четверть часа стоялъ,—прямо передъ самимъ верховнымъ жрецомъ и кажется въ лицо ему смотрѣлъ, а теперь не помню, какой онъ изъ себя—и встрѣчу гдѣ, такъ вѣрно не узнаю. Стараюсь иной разъ ликъ-то его представить—ничего не выходитъ опредѣленнаго, а вотъ сторожа въ комитетѣ, того и въ сумеркахъ узнаю. Что значить начальническое-то распеканье! Психологическая задача-съ.

Мы просидѣли въ подземной трущобѣ больше часу, и при выходѣ мой собесѣдникъ исчезъ какъ-то незамѣтно. Кажется, дѣйствительно, онъ жилъ въ это время въ Пассажѣ.

Иногда видалъ я Буткова довольно часто: то онъ ко мнѣ заходилъ, то встрѣчались мы въ редакціи. Но случалось, что онъ надолго пропадалъ, и никто изъ общихъ знакомыхъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Когда послѣ этого, бывало, встрѣтишь его и спросишь, не боленъ-ли онъ былъ—чужакъ обыкновенно съ улыбкой

говорилъ: мы люди не богатые, намъ болѣть не полагается-съ! И всегда избѣгалъ онъ положительнаго отвѣта какой нибудь шуткой. Такъ я не видалъ его цѣлую весну и только случайно встрѣтилъ лѣтомъ въ Парголовѣ. Оказалось, что онъ жилъ тамъ съ какимъ-то своимъ землякомъ на такъ-называемой дачѣ, которая на самомъ дѣлѣ была простая чухонская изба, построенная гдѣ-то на задворьѣ.

Мы прошли съ нимъ въ Шуваловскій садъ, и онъ выбиралъ особенно пустынные закоулки, гдѣ нельзя было встрѣтить гуляющихъ. Сперва Бутковъ показался мнѣ мрачнымъ и не общительнымъ, что бывало съ нимъ перѣдко и къ чему я давно уже привыкъ. Но когда мы какими-то окольными аллеями вышли къ озеру, онъ видимо оживился.

— Давно мы не видались, замѣтилъ я.

— Давненько-съ. А вы не знаете, что со мной подѣлалось нынче весной-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Опять видѣлъ самого-съ.

— Предсѣдателя цензурнаго комитета?

— Лицомъ къ лицу.

— По какому же случаю? Разскажите, пожалуйста.

И вотъ что разсказалъ мнѣ Бутковъ. Написалъ онъ для журнала новую повѣсть, не помню теперь, подъ какимъ названіемъ. Въ ней описывалъ онъ, какъ двое пріятелей бѣдняковъ жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ изо-дня-въ-день. Одинъ изъ нихъ перебивался перепискою бумагъ и работою папиросныхъ гильзъ, а другой служилъ въ какомъ-то казенномъ мѣстѣ на крайне нищенскомъ жалованьѣ. Департаментскій докторъ изъ милости, подъ предлогомъ болѣзни, иногда прописывалъ ему изъ казенной аптеки грудной чай и леденецъ отъ кашля. Въ такихъ случаяхъ пріятели пили цѣлый мѣсяцъ горячее, соблюдая, конечно, при этомъ должную экономію. У каждаго изъ нихъ было по единственной парѣ сапогъ; но среди осени оказалось, что, хотя одна изъ этихъ паръ была почти новая, зато другая пришла въ состояніе окон-

чательнаго разложенія. Владѣлецъ этой послѣдней въ одинъ холодный и дождливый день промочилъ ноги, схватилъ страшное воспаленіе и черезъ нѣсколько сутокъ покончилъ свое жизненное поприще. Когда покойника клали въ убогій гробъ, надѣли на него крѣпкіе сапоги, а осиротѣвшему пріятелю его осталась совсѣмъ истрепанная пара. И вотъ ночью бѣдняка взяло раздумье: ходить онъ мимо усопшаго сожителя по комнатѣ въ дырявой обуви, а тотъ лежитъ себѣ комфортабельно въ гробу въ крѣпкихъ, да еще на славу вычищенныхъ сапогахъ. И думаетъ пролетарій: «На что покойнику надѣли крѣпкіе сапоги, когда завтра опустятъ ихъ въ могилу и засыплютъ землей, а я долженъ буду пѣшкомъ провожать его въ этихъ безподошвенникахъ, потомъ идти съ кладбища въ должность съ мокрыми ногами — и послѣ-завтра то же, и опять все такъ же? Еслибъ покойный очнулся теперь на минуту, то, конечно, отдалъ бы мнѣ крѣпкіе сапоги: вѣдь онъ любилъ меня. Да и зачѣмъ ему эта пара: не щеголять въ могилѣ-то! Дай-ка я помѣняюсь съ нимъ, надѣну ему

старенькіе». И вотъ бѣднякъ принялся стаскивать сапогъ съ покойника и ужъ снялъ его до половины, какъ тутъ пришла ему новая мысль. «Не грѣхъ ли это будетъ,—думалъ онъ.— Вѣдь живой человѣкъ, какъ бы ни тяжело ему было, можетъ современемъ поправиться, нажить новые, крѣпкіе сапоги, даже, можетъ быть, калоши пріобрѣтетъ, а покойнику ужъ негдѣ взять, въ могилѣ не поправишься,—въ чемъ положить, въ томъ и лежи до скончанія праха. Какъ же это я пріятеля, съ кѣмъ дѣлился послѣдней копѣйкой, который любилъ меня и папиросами угощалъ, отпущу изъ міра сего отрепаннымъ, и явится онъ на послѣдній судъ безъ подметокъ?» При этой мысли сожигатель покойнаго остановился въ нерѣшимости—помѣняться ли сапогами съ усопшимъ или нѣтъ? Что было дальше въ повѣсти Буткова, я не знаю, да и поводомъ къ новому свиданію его съ грознымъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета было именно то, что я теперь рассказывать.

— Когда я отдалъ эту повѣсть въ журналъ,

говорилъ Бутковъ, — меня вскорѣ послѣ того позвали не въ комитетъ уже, а прямо къ самому хану на домъ. Думалъ, что дѣлать? — Сказаться больнымъ? да вѣдь когда нибудь придется же выздоровѣть. Не пойти? пожалуй черезъ полицію разыщутъ, руки свяжутъ, да приведутъ на веревочкѣ. Убѣжать изъ Петербурга? найдутъ, поймаютъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Ну, призвалъ я на помощь царя Давида и всю кротость его — и пошелъ, куда пригласили... Прихожу, какъ сказано, въ одиннадцать часовъ, вытеръ ноги на подѣздѣ и жду въ передней. Тутъ еще лакей любознательный разспрашиваетъ: учитель я, что ли, или сочинитель? Жду, жду я, и вотъ отверзлись врата адовы, и меня позвали наверхъ. Вхожу въ залу, тамъ еще съ полчаса подождать — портреты по стѣнамъ осматривалъ, да глядѣлъ, какъ попугай въ клѣткѣ по мѣднымъ проволокамъ карабкался и на какомъ-то иностранномъ діалектѣ кричалъ на меня. Черезъ залу-то, въ кабинетъ должно быть, шныряли мимо меня, то чиновникъ съ бумагой, то проситель съ умиленной

фізіономіей—иной выходилъ точно елеемъ помазанный, а другой будто кипяткомъ ошпаренный. Шныряли да и шнырять перестали. Смотрю—отдернулась завѣса, да вдругъ и выходитъ самъ. Помните, я говорилъ вамъ, что послѣ побывки въ комитетѣ совсѣмъ забылъ его обликъ, а тутъ въ одинъ мигъ вотъ такъ вспомнилъ, словно онъ у меня въ мозгу-то отпечатался, и теперь ужъ я никогда не забуду: еслибъ рисовать умѣлъ, сейчасъ бы какъ живого вамъ представилъ. Ну, такъ вышелъ онъ; буттербродъ въ рукѣ, а самъ жуесть.

— Бутковъ? промычалъ онъ.

— Яковъ Петровъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты это что,—говорить,—дѣлаешь? А?

— Ничего-съ, ничего.

— Какъ ничего! Опять какую-то гадость написалъ. Чѣмъ голова-то у тебя набита, я спрашиваю? Мертвыхъ обирать вздумалъ! изъ гробовъ покойниковъ вытаскивать! сапоги съ нихъ снимать! Это что такое? Гдѣ ты видалъ такія мерзости? Развѣ это было когда нибудь? А? Что это?

— Повѣсть... фантазія! прошепталъ я.

— Фантазія! да ты гдѣ видалъ такія дѣла? Развѣ фантазія должна на святотатство обращаться? А цѣль какая у тебя? Скажи мнѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль въ твоихъ грязныхъ разсказахъ? Кому нужны такіе отвратительные вымыслы? Натуральную школу выдумали... да развѣ натура-то въ грязи? Тряпичники! только на заднихъ дворахъ сюжетовъ-то ищете. Такъ вы сами любуйтесь ими, а не публикѣ образованной показывайте. Что ты нашелъ интереснаго и нравственнаго въ томъ, что какой-то негодяй стаскиваетъ сапоги съ мертваго?

— Ужъ онъ пѣлъ, пѣлъ мнѣ на эту тему, да въ видѣ финала пригрозилъ еще не только цензурой, но и полицейскимъ надзоромъ. Право, можно было подумать, что я въ самомъ дѣлѣ пойманъ въ святотатствѣ, могилы разрывалъ да покойниковъ грабилъ. Слава Богу, однако-жъ: доѣлъ онъ буттербродъ и повернулся ко мнѣ спиной. А какъ уходилъ-то я изъ этой

инквизиціи, такъ лакей видно угадалъ, какого приѣма я сподобился, и съ улыбкой говоритъ мнѣ: «кажись, генераль-то серчалъ? какъ это ваша братья сочинители не умѣютъ ему потрафить!»

Къ сожалѣнію, я не читалъ повѣсти Буткова, которая навлекла на него такую, и по тогдашнимъ правамъ, суровую головомойку. Мнѣ говорили, будто она потомъ гдѣ-то была напечатана въ значительно измѣненномъ видѣ. Читать своихъ сочиненій пріятелямъ онъ не любилъ, да и вообще, какъ я уже замѣтилъ, говорилъ о своихъ литературныхъ работахъ очень неохотно.

Изъ Шуваловскаго сада мы зашли въ какой-то жалкій трактиръ, и потомъ горемыка проводилъ меня до дилижанса. Послѣ этой встрѣчи въ Парголовѣ я не видалъ больше Буткова, и, сколько помнится, его имя послѣ того рѣдко появлялось въ журналахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ дарованіе этого человѣка развернулось бы съ большей самостоятельностью: въ немъ было много

задатковъ, обѣщавшихъ ему такую роль въ нашей литературѣ, которая не могла бы быть скоро забыта. Это одинъ изъ печально погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы.



Знакомство съ А. И. Герценомъ.

Я не былъ лично знакомъ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ до поѣздки моей за-
границу въ 1857 году. Оригинальный талантъ
автора «Писемъ объ изученіи природы» давно
уже пользовался громкою извѣстностью, и всѣ
знали, кто скрывался подъ псевдонимомъ «Искан-
дера». Я, какъ и многіе, былъ увлеченъ блестя-
щими идеями смѣлаго публициста, хотя не раз-
дѣлялъ нѣкоторыхъ его взглядовъ, но мнѣ не
удалось встрѣтиться съ нимъ до выѣзда его
изъ Россіи, меня же онъ зналъ только потому,
что за годъ до путешествія я послалъ ему съ
однимъ знакомымъ мой «Очеркъ исторіи рус-
ской поэзіи». Черезъ нѣсколько дней получилъ
я отъ Герцена любезное письмо, въ которомъ

онъ благодарилъ за посылку и высказывалъ желаніе познакомиться со мною, если я буду когда нибудь заграницей. А этого мнѣ давно хотѣлось.

Въ Лондонъ пріѣхалъ я утромъ, 28-го мая, и остановился въ центральной части города, на Gerrard street, въ Versailles-Hôtel. Послѣ завтрака въ общей залѣ, въ кругу разноплеменныхъ туристовъ, жившихъ въ этой гостинницѣ, я взялъ кэбъ и отправился въ Сити, узнать въ книжномъ магазинѣ Трюбнера адресъ А. И. Герцена. Мнѣ сказали, что онъ живетъ не въ Лондонѣ, а въ Пётнеѣ, минутъ на двадцать ѣзды отъ города по сѣверо-западной желѣзной дорогѣ. Я тутъ же написалъ ему записку, въ которой спрашивалъ, когда могу застать его, причемъ сообщилъ и мой адресъ.

На другой день, когда, послѣ продолжительной прогулки по Лондону, я возвратился къ завтраку въ отель, мнѣ сказали, что меня спрашивалъ какой-то господинъ и обѣщалъ придти опять въ 5 часовъ. Въ назначенное время ко мнѣ постучались; это былъ Герценъ. Я узналъ

его по знакомому мнѣ еще въ Петербургѣ портрету. Хотя въ это время ему было уже слишкомъ сорокъ пять лѣтъ, но его невысокая, плотная фигура поражала энергіей и живостью, а красивая голова, съ откинутыми назадъ длинными темнорусыми волосами и умными, выразительными глазами, съ перваго взгляда привлекала вниманіе. Невзгоды, прожитыя имъ въ Россіи съ самаго выхода изъ московскаго университета, и почти десять лѣтъ, проведенныхъ въ самомъ вихрѣ бурныхъ волненій заграницей, не оставили слѣдовъ ни на его наружности, ни на характерѣ. Смотря на него, никто не подумалъ бы, сколько нравственныхъ потрясеній и горькихъ разочарованій испыталъ этотъ человекъ. Послѣ обмѣна немногими фразами, обычными при первомъ свиданіи, Герценъ пригласилъ меня обѣдать и, когда я замѣтилъ, что затрудняюсь поздно возвращаться въ городъ, совсѣмъ еще не знакомый мнѣ, онъ сказалъ: да вы и ночуйте у меня, а завтра можете ѣхать съ первымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Разумѣется, я съ радостью согласился.

Александръ Ивановичъ занималъ въ Пётнеѣ отдѣльный двухъ-этажный домъ, расположенный въ глубинѣ небольшого двора и выходившій другой стороною на прекрасный планированный садъ, съ сочной, бархатной зеленью, какую можно видѣть только въ Англіи. Помѣщеніе отличалось тѣмъ комфортомъ и чистотою, которыми справедливо гордятся англичане. Въ нижнемъ этажѣ была пріемная зала, столовая и кабинетъ, въ верхнемъ—спальня и дѣтскія комнаты; вездѣ каминны и ковры. Только что мы вошли въ залу, какъ изъ сада прибѣжали дѣти Герцена—Саша, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, и двѣ дѣвочки, Наташа, годами двумя моложе брата, и Ольга, малютка лѣтъ семи, а черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Николай Платоновичъ Огаревъ съ женою. Александръ Ивановичъ познакомилъ насъ. Въ наружности Огарева съ перваго взгляда я не нашелъ ничего особеннаго: его круглое лицо и небольшая полнота напоминали скорѣе коренного русскаго купца, чѣмъ поэта. Въ 7 часовъ пригласили насъ въ столовую. Обѣдъ съ шампанскимъ и

фруктами прошелъ очень оживленно и весело, и, когда затѣмъ перешли курить въ кабинетъ, можно было подумать, что мы знакомы уже давно. Герценъ обладалъ той общительностью, которая чрезвычайно облегчаетъ и ускоряетъ короткое сближеніе.

Мы просидѣли до глубокой ночи. Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ у него часто бывали русскіе, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Англіи, почти никто не навѣщалъ его, кромѣ итальянскихъ и польскихъ эмигрантовъ. Онъ съ горячимъ участіемъ спрашивалъ меня о томъ, что дѣлается въ Россіи съ воцареніемъ новаго Государя, о настроеніи общества, объ административныхъ реформахъ, о слухахъ насчетъ освобожденія крестьянъ, о литературѣ и журналистикѣ. Всѣ эти вопросы сильно занимали его, и онъ съ живостью высказывалъ какъ свои надежды, такъ и опасенія. Огаревъ также этимъ интересовался, но не съ такой впечатлительностью. Они, какъ извѣстно, были близкими друзьями съ дѣтства, но замѣтно, что это натуры совсѣмъ не-

сходныя: одинъ кипучій, живой какъ ртуть, другой спокойный и сдержанный. Герценъ поражалъ своей бойкостью и остроуміемъ: рѣчь его сверкала неистощимымъ каскадомъ остротъ, шутокъ, каламбуровъ, блестящей игрою неожиданнаго сближенія мыслей и образовъ. Огаревъ говорилъ со строгой, какъ бы заранѣе обдуманной точностью, не чуждой вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то мечтательности. У обоихъ были одни и тѣ же политическіе, соціальные и литературные взгляды, но въ одномъ сказывался публицистъ и революціонеръ, въ другомъ поэтъ и мечтатель. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ думается, что Огаревъ, безъ вліянія Герцена, не увлекся бы политической и соціальной пропагандою, а остался бы вѣренъ одному художественному призванію своей поэтической натуры.

На другой день утромъ я возвратился въ Лондонъ съ сыномъ Александра Ивановича, который учился тогда въ какой-то коллегіи и ежедневно ѣздилъ въ городъ на лекціи. Всю дорогу мы проговорили. Онъ съ участіемъ вспо-

миналъ о Россіи и въ особенности о Москвѣ, жалѣлъ, что принужденъ жить вдали отъ родины, и спрашивалъ меня: есть ли какая нибудь надежда, что отцу его будетъ позволено когда нибудь возвратиться въ отечество. Конечно, я не могъ сказать на это ничего определеннаго.

Въ Англіи прожилъ я двѣ недѣли и во все это время почти каждый день видался съ Герценомъ: съ ранняго утра до седьмого часа обыкновенно я гулялъ по Лондону, осматривалъ его достопримѣчательности и ѣздилъ по окрестностямъ, въ Гринвичъ, Ричмондъ, Виндзоръ, а затѣмъ отправлялся обѣдать и ночевать въ Пѣтней. Послѣобѣденныя бесѣды въ кабинетѣ Герцена, за бутылкой шампанскаго, продолжались съ тѣмъ же одушевленіемъ и интересомъ. Александръ Ивановичъ любилъ рассказывать о своемъ ссыльномъ житьѣ-бытьѣ въ Вяткѣ, Владимірѣ и Новгородѣ и при этомъ приводилъ много анекдотовъ изъ провинціальныхъ нравовъ, которые, въ его своеобразномъ разсказѣ, получали особенный интересъ. Боль-

шая часть этого вошла въ его записки, изданныя потомъ подъ заглавіемъ «Былое и думы», но нѣкоторые изъ слышанныхъ мною отъ него комическихъ анекдотовъ, кажется, не появились въ печати.

Онъ рассказывалъ, между прочимъ, какъ, въ бытность его во Владимірѣ, губернатору нужно было почему-то сдѣлать визитъ пріѣхавшей въ городъ старухѣ-помѣщицѣ, и онъ сказалъ объ этомъ безъ всякой задней мысли полицеймейстеру, а тотъ, можетъ быть, уже съ задней мыслью насчетъ чистоты и трезвости улицъ, по которымъ долженъ прослѣдовать начальникъ губерніи, сообщилъ о предстоящемъ визитѣ частному приставу. Этотъ съ своей стороны передалъ слова полицеймейстера квартальному въ такой неясной или, можетъ быть, наставительной редакціи, что исполнительный полицейскій чиновникъ тотчасъ же отправился къ старухѣ и взялъ съ нея подписку о невыѣздѣ изъ города впредь до распоряженія господина губернатора.

Съ большимъ комизмомъ рассказывалъ также

Герценъ забавный анекдотъ, который слышалъ въ Новгородѣ отъ сослуживцевъ. Въ одномъ изъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи начальникъ инвалидной команды проходилъ однажды черезъ пустырь, который изъ вѣжливости величался площадью. Тутъ, у дома городничаго, бродили индюшки, и передъ ними, распустивъ вѣромъ хвосты и растопыря крылья, двигались строемъ съ полдюжины индѣйскихъ пѣтуховъ. Поровнявшись съ ними, офицеръ изъ шалости поднялъ руку подъ козырекъ фуражки и крикнулъ: «здорово, ребята!» Индюки, подобравъ мгновенно крылья и вытянувъ шеи, дружно откликнулись на привѣтствіе своимъ громкимъ бормотаньемъ. Городничій видѣлъ это и тотчасъ же послалъ въ Новгородъ рапортъ «о происшествіи», донося, что начальникъ инвалидной команды издѣвается надъ военной службою и дерзнулъ осмѣивать высочайшіе смотры и парады.

Насмѣшливое и даже враждебное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей общественной жизни и рѣзкія нападки на грубость.

и произволъ властей не мѣшали Герцену любить Россію и вспоминать съ горячимъ сочувствіемъ о многихъ подробностяхъ изъ своего прошлаго. Съ особенной любовью говорилъ онъ о московскомъ университетѣ и томъ литературномъ кружкѣ, въ которомъ сблизился съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Къ славянофильской партіи онъ относился уже не съ той рѣзкостью, какою прежде отличались его нападки на людей этого направленія. Смѣясь надъ ихъ стремленьемъ возвратиться «къ допетровской лежанкѣ» и бесѣдовать оттуда съ народомъ, облачась въ охабень и мурмолку, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость патріотизму и талантливости Хомякова, Аксаковыхъ. Мнѣ показалось даже, что въ это время Герценъ, по нѣкоторымъ своимъ сужденіямъ, приближался къ той партіи, которую прежде такъ безпощадно осмѣивалъ. Въ его взглядахъ на русскій народный характеръ, на общину и круговую поруку было много общаго съ славянофильскими журналами; а отзывы его о европейскомъ обществѣ въ отношеніи къ явленіямъ,

возникшимъ послѣ событій 1848 и 1849 годовъ, невольно напоминали пзвѣстныя іереміады о гніющемъ Западѣ. Что касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ, то во всѣхъ главныхъ основаніяхъ его онъ прямо примыкалъ къ славянофиламъ. Я думаю, что въ послѣдствіи онъ могъ бы согласиться и съ другими принципами этой партіи, за исключеніемъ развѣ ея религіозныхъ убѣжденій.

Меня удивлялъ только взглядъ Герцена на польское дѣло. Въ этомъ вопросѣ онъ не хотѣлъ примириться съ историческимъ фактомъ паденія Польши, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея собственнаго анархическаго строя, и настаивалъ на возможности ея самостоятельнаго возрожденія. По его мнѣнію, народная и государственная совѣсть Россіи обязывала ее развязаться съ Польшею и дать ей полную независимость. Это убѣжденіе Герцена, которое въ послѣдствіи отшатнуло отъ него не мало людей, уважавшихъ его талантъ и личность, казалось мнѣ тѣмъ непонятнѣе, что онъ самъ былъ невысокаго мнѣнія о полякахъ. Онъ прямо

говорилъ мнѣ, что изъ всей толпы польскихъ эмигрантовъ зналъ только двухъ истинно порядочныхъ людей—Ворцеля и Свентославскаго. Помню, какъ желчно смѣялся онъ надъ низкопоклонствомъ поляковъ передъ Мицкевичемъ, на какой-то агитаціонной сходкѣ, и надъ ихъ поклоненіемъ Наполеону, культъ котораго, по его выраженію, довели они до какого-то мистическаго фетишизма. Надобно видѣть, говорилъ онъ, съ какимъ комическимъ благоговѣніемъ подходитъ полякъ въ Hôtel des Invalides къ гранитной гробницѣ Наполеона и какъ набожно опускаетъ глаза передъ этою святой-святыхъ. А между тѣмъ это были люди, которые громко заявляли о своемъ отреченіи отъ всякихъ авторитетовъ.

Александръ Ивановичъ много рассказывалъ о своей жизни въ Италіи и Франціи во время революціи и наступившей затѣмъ реакціи, и однажды прочелъ мнѣ главу изъ своихъ записокъ, напечатанную впослѣдствіи въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ «Былое и думы». Онъ хотѣлъ одно время написать обличительный

памфлетъ: *Les réfugiés peints par eux mêmes*, но рѣшился ограничиться этой болѣе спокойной, но все же не лестной для многихъ статьей. Правда, онъ съ уваженіемъ относился къ нѣкоторымъ лицамъ, игравшимъ выдающуюся роль въ событіяхъ или публицистической борьбѣ той эпохи, какъ, на примѣръ, къ Маццини, Гарибальди, Прудону, но вообще разноплеменные революціонеры и эмигранты представлялись въ его рассказѣ далеко не въ привлекательномъ видѣ. Особенно смѣялся онъ надъ тѣми французскими и нѣмецкими скитальцами, которыхъ называлъ кофейными агитаторами и хористами революціи.

— Для этихъ революціоннаго дѣла подмастерьевъ, говорилъ онъ, — свобода и деспотизмъ безразличны: для нихъ баррикады, какъ искусство для искусства, нужны только для самаго процесса криковъ и стрѣльбы.

Герценъ съ отвращеніемъ вспоминалъ о грубости и угловатости нѣмцевъ-агитаторовъ и съ сожалѣніемъ отзывался о легкомысленной самонадѣянности эмигрантовъ-французовъ, которые и въ изгнаніи не переставали питаться не-

сбыточными иллюзіями. Къ итальянцамъ, напротивъ, онъ относился съ уваженіемъ. Лучшими днями заграничной жизни, по его словамъ, были тѣ, которые онъ провелъ въ Италіи, а самыми симпатичными людьми—итальянскіе борцы за свободу. Это, говорилъ онъ, не революціонные бурши и не бульварные клубисты, а люди, понимающіе, чего хотятъ и за что борятся.

Мнѣ пришлось видѣть одного изъ эмигрантовъ, котораго особенно любилъ Герценъ. Однажды послѣ обѣда Александръ Ивановичъ, особенно весело настроенный, вспомнилъ о своихъ московскихъ развлеченіяхъ и предложилъ спѣть хоромъ русскую пѣсню. Всѣ мы, не исключая дѣтей, усѣлись на коврѣ въ два ряда, лицомъ одни къ другимъ, изображая такимъ образомъ лодку, и затанули какъ умѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Въ шумъ этого патристическаго упражненія мы не слыхали, что на дворъ вѣхали гости. Вдругъ отворились двери и въ залу вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчиво-кроткимъ лицомъ, въ темносѣромъ

фрактъ, а съ нимъ, закинувъ на руку тренъ синей амазонки, молодая, стройная женщина въ фетровой шляпкѣ, изъ-подъ которой опускались бѣлокурые локоны. Всѣ мы поднялись.

— Что это такое? спросилъ съ улыбкой гость.

— C'est un chant des pirates du Volga! отвѣтилъ Герценъ, смѣясь и протягивая руку пріѣзжимъ:—намъ хотѣлось спѣть ее на берегахъ Темзы.

Это былъ Саффи, одинъ изъ триумвировъ, который во время недолгаго существованія римской республики, послѣ бѣгства Пія IX, стоялъ вмѣстѣ съ Маццини и Армелини въ главѣ временнаго правительства и организовалъ оборону Рима отъ французовъ въ 1849 году. Молодая дама, съ которою онъ пріѣхалъ, была его невеста, шотландка. Гости просидѣли съ полчаса. Герценъ, сколько я замѣтилъ, очень любилъ Саффи и считалъ его самой симпатичной личностью изъ всѣхъ знакомыхъ итальянцевъ. Онъ съ одушевленіемъ рассказывалъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вынесъ послѣ того, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ Гарибальди покинуть Римъ.

-я Однажды Герценъ спросилъ меня, чтò я успѣлъ осмотрѣть въ Лондонѣ. Когда я сказалъ, между прочимъ, что не былъ еще въ Британскомъ Музеѣ, онъ предложилъ ѣхать туда вмѣстѣ. British Museum—одно изъ учреждений, которыми имѣютъ право гордиться англичане. Мы подъѣхали къ огромному двухъ-этажному зданію, окаймленному съ улицы красивой чугунною рѣшеткой. Входъ открытъ безъ всякихъ формальностей, за исключеніемъ читальной залы, куда допускаются только съ билетами или рекомендательными письмами отъ лицъ, извѣстныхъ главному библіотекарю. Посѣтителямъ не позволяется снимать шляпъ, чтобы они по неосторожности чего нибудь не испортили. Въ залахъ разставлены диваны для отдыха, и расхаживаютъ сторожа въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Мы поднялись въ верхній этажъ. Прежде всего открываются зоологическій и минералогическій кабинеты, удивительные по количеству и разнообразію собранныхъ коллекцій, а затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ допотопныхъ ископаемыхъ. Тутъ вы видите цѣльные

скелеты мастодонтовъ и мегатеріевъ, уцѣлѣвшіе отъ антиделювіальной эпохи, оттиски на каменныхъ глыбахъ чудовищныхъ формъ ихтіозавровъ и плезіозавровъ и наконецъ остовъ первобытнаго человѣка, рѣзко отпечатавшійся на большой плитѣ твердой известковой породы. Обзоръ этихъ галлерей съ такимъ знатокомъ естественныхъ наукъ, какъ авторъ «Писемъ объ изученіи природы», былъ для меня крайне интересенъ.

Въ другой половинѣ верхняго этажа входишь сперва въ отдѣлъ египетскихъ древностей, гдѣ особенно замѣчательно собраніе мумій во всѣхъ видахъ — то окутанныхъ въ погребальные покровы, то съ полуоткрытыми верхними членами и наконецъ совершенно обнаженныхъ. Потомъ идутъ залы этрусскихъ, греческихъ и римскихъ древностей, наполненные множествомъ всевозможныхъ античныхъ вещей, наглядно переносящихъ васъ въ жизнь древняго міра. Но еще болѣе богата и любопытна слѣдующая, этнографическая галлерей. Здѣсь собраны предметы всѣхъ народностей земного шара, какъ

существующихъ, такъ и исчезнувшихъ: одежды, оружіе, лодки, музыкальные инструменты китайцевъ, индусовъ, полинезійцевъ, древнихъ мексиканцевъ и перуанцевъ.

Отсюда мы спустились въ нижній этажъ, гдѣ помѣщаются историко-художественныя коллекціи Музея. Въ трансептѣ расположены памятники ассирійскаго искусства, а влѣво и вправо идутъ съ одной стороны залы античной скульптуры, установленныя статуями, саркофагами, капителями и цѣлыми колоннами изъ древнихъ храмовъ, а съ другой—знаменитая галлерей лорда Эльджина съ сокровищами, похищенными имъ изъ аѳинскаго Акрополя. Этотъ отдѣлъ въ особенности интересовалъ Герцена. Но при видѣ собранныхъ тутъ вѣковѣчныхъ памятниковъ, чувство наслажденія смѣшивается съ негодованіемъ: изумляешься человѣческому генію и видишь человѣческое варварство. Предъ вами идеалы высокой красоты, но испорченные и обезображенные. Фризъ и барельефы съ Парфенона, каріатиды изъ храма Эрихтея, статуи съ Тразивулова монумента и другихъ аѳин-

сихъ памятниковъ всѣ пострадали такъ, что нѣтъ ни одной совершенно цѣльной фигуры. Однѣ изъ нихъ потерпѣли отъ фанатизма древнихъ христіанъ и нашествія варваровъ на Элладу, другія испорчены при снятіи съ Акрополя и при перевозкѣ въ Англію. Герценъ напомнилъ мнѣ чье-то замѣчаніе: *quod non fecerunt Goti, hoc fecerunt Scoti*, и то, съ какимъ негодованіемъ Байронъ, въ сатирѣ «The curse of Minerva», заклеилъ Эльджина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійское правительство, уплатившее ему тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ за похищенные въ Греціи сокровища.

— Это стоитъ тридцати сребренниковъ Іуды! замѣтилъ Герценъ.

Странное дѣло, однако-жъ, какъ ни изуродованы всѣ эти статуи—онѣ обаятельно привлекаютъ васъ: смотришь на уцѣлѣвшій женскій торсъ съ туникой, охватывающей живописными складками грудь, и кажется, видишь самое лицо богини и даже его выраженіе. Тутъ, не будучи художникомъ, чувствуешь благоговѣніе передъ святыней красоты.

— Я нѣсколько разъ уже былъ въ Эльджинской галлерей, говорилъ мнѣ Герценъ,—и всегда выношу изъ нея новое наслажденіе и примиряющее чувство жизненнаго довольства.

Александръ Ивановичъ, между прочимъ, сказалъ, что еще не бывалъ въ Тоуэрѣ. Я предложилъ ему теперь же посмотрѣть знаменитую крѣпость, памятную въ англійской исторіи кровавыми драмами. Мы взяли кэбъ и черезъ полчаса уже были передъ этой массой безобразно нагроможденныхъ строеній разнаго стиля, надъ которыми возвышается такъ называемая Бѣлая Башня, построенная Вильгельмомъ Завоевателемъ. При входѣ взяли съ насъ по шиллингу, и проводникъ въ красномъ камзолѣ и беретѣ, съ вышитымъ золотомъ гербомъ на груди и на спинѣ, повелъ насъ по заламъ, галлереймъ и капелламъ и, наконецъ, въ ту историческую тюрьму, гдѣ простились съ жизнью столько государственныхъ людей доброй старой Англій. Мы устали бродить по этому громадному лабиринту. Прославленные Crown jewels, или государственныя драгоценности, на мой взглядъ,

уступаютъ тому, что хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Зато тутъ много исторической старины. Нашъ красный проводникъ съ особымъ участіемъ обратилъ почему-то вниманіе на плаху, бывшую на эшафотѣ при казни Анны Болѣе, и на топоръ, которымъ отрублена была голова графа Эссексъ. Въ заключеніе онъ указалъ на ружья и колокола, вывезенные во время крымской войны изъ Бомарзунда въ качествѣ русскихъ трофеевъ.

— Но это не русскіе колокола, сказалъ Герценъ.

— Какъ не русскіе? обидѣлся нашъ чичероне.

— Да очень просто: на нихъ шведскія надписи.

Въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но англичанинъ нашъ не повѣрилъ и посмотрѣлъ на насъ съ неудовольствіемъ, какъ будто мы покушались отнять славную добычу.

Въ этотъ день я не поѣхалъ въ Пётней, а провелъ вечеръ въ Lyceum Theatre, гдѣ въ первый разъ видѣлъ извѣстную Ристори. На меня она не произвела особеннаго впечатлѣнія, и

когда я говорилъ потомъ о ней съ Герценомъ, онъ спросилъ:

— Да вы видали Рашель?

— Видѣлъ во всѣхъ почти пьесахъ ея репертуара.

— Такъ что же послѣ нея Ристори: та мраморный подлинникъ Фидія, а эта—только гипсовая копія съ него.

Меня интересовало мнѣніе Александра Ивановича объ Англіи, и мы много говорили объ этомъ, какъ на вечернихъ бесѣдахъ въ Пѣтнеѣ, такъ и во время нашихъ прогулокъ по Лондону. Онъ далеко не восхищался ея политическимъ и общественнымъ строемъ, но относился къ англичанамъ не съ такой желчью и насмѣшками, какъ къ нѣмцамъ и французамъ. Настоящее положеніе Англіи онъ сравнивалъ съ вулканомъ, который еще только дымится и далекъ отъ изверженія, хотя когда нибудь взрывъ его и превзойдетъ всѣ другія общественныя потрясенія. Опасность, говорилъ онъ, не въ отпадѣніи нищей и безсильной Ирландіи, чего такъ боятся, и не въ отдѣленіи Индіи, что можетъ

случиться развѣ въ далекомъ будущемъ. Гроза готовится, какъ онъ выразился, не въ центростремительномъ, а въ центробѣжномъ направленіи.

— Мы вотъ видѣли съ вами у Сентъ-Джемскаго парка старуху, въ великолѣпномъ экипажѣ, съ лакеями и кучерами въ завитыхъ, напудренныхъ парикахъ. Это, если не ошибаюсь, герцогиня Аргайль. У нея въ Лондонѣ нѣсколько собственныхъ улицъ, а въ провинціяхъ десятокъ замковъ и сотня тысячъ акровъ земли. А вы мнѣ говорили, что въ людныхъ частяхъ города встрѣчали людей въ такихъ лохмотьяхъ, какими побрезгуетъ и ветошникъ. Вотъ въ этихъ-то двухъ крайностяхъ, болѣе рѣзкихъ здѣсь, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, и скопляются элементы неминуемаго взрыва. Онъ давно бы уже и разразился, еслибы англичане не принимали мѣръ противъ грозящей катастрофы: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько благотворительныхъ заведеній. Общество тратитъ на это громадныя суммы, но, несмотря на то, пролетаріатъ растетъ, и голодная нищета съ нена-

вистью проходить мимо аристократических дворцовъ и роскошныхъ магазиновъ и сурово посматриваетъ на людей, задыхающихся въ излишествахъ.

Хорошо помню я и то, что Герценъ говорилъ объ англійской конституціи. По его мнѣнію, несмотря на средневѣковыя формы этой государственной машины и монархическій подборъ ея колесъ, смазываемыхъ отъ времени до времени смягчающими биллями, въ англійскомъ правительствѣ болѣе республиканскихъ элементовъ, чѣмъ въ блаженной памяти французскихъ учредительныхъ собраніяхъ и конвентахъ.

— Французы по натурѣ монархисты, говорилъ онъ:—ихъ попытки основать республику всякій разъ напоминаютъ латинскую пословицу: *parturiunt montes, nascitur mus*. Послѣ первой революціи, несмотря на всю народную энергію, гора родила мышъ, которая и попала въ лапы корсиканскаго кота; а теперь вотъ новая республика задохлась въ ловушкѣ, въ которую заманила ее буржуазія. Такъ и всегда будетъ у французовъ, при ихъ покло-

неніи авторитетамъ и любви къ казарменнымъ порядкамъ. Англичанъ же не собьешь съ толку шаблонными эффектами и либерально-трескучимъ краснбайствомъ; у нихъ уваженіе къ личности создало больше республиканскихъ устоевъ и въ частномъ быту, и въ общественной жизни.

— Однако-жъ, у этихъ республиканцевъ есть королева, замѣтилъ я,—и кажется, она не дешево имъ стѣдитъ.

— Что же такое? отвѣчалъ онъ:—это только прихоть великой націи...

Герценъ сознавался, что ему многое не по душѣ въ Англіи, но въ ней, говорилъ онъ, свободномыслящему человѣку живетъ покойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на континентѣ, не исключая и Швейцаріи. Наполеонъ III успѣлъ выжить изъ Женевы непріятныхъ ему людей, но здѣсь никакія его угрозы не заставятъ правительство предпринять какія нибудь насильственныя мѣры противъ французскихъ эмигрантовъ. Здѣсь не придетъ къ вамъ, какъ, наприимѣръ, въ Парижѣ, полицейскій ком-

миссаръ освѣдомиться, съ какой цѣлью вы участвовали въ какомъ нибудь митингѣ. Англійскій законъ одинаково всѣхъ связываетъ, но и всѣхъ равно охраняетъ. Разумѣется, есть законы стѣснительные и даже нелѣпыя, но подчиненіе имъ менѣе тягостно, когда знаешь, что они обязательны для всѣхъ. При этомъ Александръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ любопытный случай, характеризующій англійскіе нравы.

Однажды принцъ Альбертъ катался въ кабриолетѣ по зарѣчной части города и хотѣлъ возвратиться въ Букингемскій дворецъ по Ватерлоскому мосту. Мостъ этотъ построенъ былъ частной компаніей съ правомъ пользоваться, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, опредѣленным сборомъ съ проходящихъ и проѣзжающихъ. Срокъ контракта еще не кончился. Когда принцъ подѣхалъ къ барьеру, мостовой сборщикъ подошелъ получить обычный пенсъ, назначенный до таксѣ за проѣздъ въ экипажѣ. Оказалось, что у принца Альберта не случилось съ собою ни пенни. — Ты меня знаешь, сказалъ онъ сторожу: — пропусти, я приплю

денеги. — Сэръ, отвѣчалъ тотъ, въ такомъ-то параграфѣ данной намъ инструкціи предписывается брать мостовую плату при самомъ проходѣ и проѣздѣ. — Такъ возьми вотъ это въ обезпеченіе, сказалъ принцъ, подавая ему свои часы. — Сэръ, возразилъ сборщикъ, въ такомъ-то параграфѣ нашей инструкціи запрещается принимать заклады. И супругъ королевы Викторіи долженъ былъ повернуть назадъ и переѣхать черезъ Темзу по другому мосту.

— Конечно, это мелочная ненужность, говорилъ Герцень, — но она показываетъ, въ какой степени дорожатъ здѣсь законностью. Въ этомъ, разумѣется, не мало напускного педантизма, а все же вы тутъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, чувствуете уваженіе къ человѣческой личности.

Однимъ изъ пріятныхъ дней моего житія въ Англіи была поѣздка съ Герценомъ и Огаревыми въ Сиденгэмъ на большой музыкальный праздникъ въ Кристалльномъ дворцѣ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ я уже слышалъ, что общество Sacred harmonie устраиваетъ концертъ-монстръ изъ произведеній Генделя, котораго

англичане считают своимъ величайшимъ композиторомъ, хотя онъ былъ родомъ нѣмецъ и только жилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Наконецъ явились афиши съ извѣщеніемъ, что 15 іюня н. с. въ Сиденгэмскомъ дворцѣ назначенъ Grand Handel festival, на которомъ исполнена будетъ знаменитая ораторія «Мессія». Мнѣ хотѣлось быть на этомъ праздникѣ, и я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Николая Платоновича Огарева ѣхать вмѣстѣ. Герценъ сначала отказывался отъ поѣздки, но по просьбѣ мадамъ Огаревой согласился быть нашимъ товарищемъ. Въ одиннадцать часовъ мы были уже на желѣзнодорожной станціи у Лондонскаго моста, откуда отправляются поѣзда въ Сиденгэмъ. Нигдѣ я не видалъ такого движенія, какъ на этомъ семимильномъ клочкѣ рельсоваго пути. Такъ какъ билеты на концертъ заранее продавались въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ платой за входъ оплачивался и проѣздъ, то пассажиры шли прямо на платформу, моментально наполняли вагоны, и поѣздъ уходилъ; а за нимъ являлся другой, такъ же быстро за-

биралъ массу народа и мчался за первымъ; очищая мѣсто новому поѣзду съ десятками вагоновъ. Нѣсколько поѣздовъ шло въ близкомъ разстояніи, на виду одни у другихъ, такъ что это казалось какою-то непрерывною процессією дымящихся локомотивовъ, влекущихъ за собой длинные хвосты безчисленныхъ экипажей.

— Посмотрите, какая прелесть! сказалъ Герценъ, указывая въ окно вагона.

Я выглянулъ. Сиденгэмскій Кристальный дворецъ, эта довольно безвкусная громада безчисленныхъ стеколъ въ чугунныхъ скрѣпленіяхъ и переплетахъ, при блескѣ лѣтняго солнца казался издали причудливымъ видѣніемъ изъ волшебныхъ сказокъ. Весь онъ, прозрачный и сіяющій, походилъ на какую-то исполинскую игрушку, изваянную изъ чистаго кристалла.

Несмотря на то, что на праздникъ съѣхалось, какъ потомъ писали въ газетахъ, болѣе двадцати пяти тысячъ человѣкъ, не было ни какой тѣсноты и нарушенія порядка ни при входахъ въ трансепты, ни при занятіи мѣстъ. Галереи дворца до того обширны, что въ антрак-

тахъ между частями ораторіи половина публики прогуливалась здѣсь безъ всякаго стѣсненія. За нѣсколько минутъ до начала концерта пріѣхала королева Викторія съ принцемъ Альбертомъ. При входѣ ихъ всѣ поднялись, и многотысячная масса, болѣе съ усердіемъ, чѣмъ съ умѣньемъ и стройностью, запѣла God save the Queen. Мы занимали мѣсто недалеко отъ прохода, и я хорошо видѣлъ королеву. Несмотря на то, что въ это время ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, она казалась стройной, изящной женщиной, въ полномъ цвѣтѣ красоты. Принцъ также очень красивый мужчина. Они вошли въ ложу и поклонились голосащей публикѣ.

Фестиваль исполнялся въ большомъ трансептѣ Кристальнаго дворца. Въ глубинѣ этой громадной залы устроенъ былъ амфитеатръ, на которомъ помѣщалось двѣ тысячи пѣвцовъ и пятьсотъ музыкантовъ. Передъ нижнимъ уступомъ стоялъ колоссальный органъ, въ 30 футовъ длиною, нарочно сдѣланный для этого музыкальнаго торжества. Ораторія началась, какъ было объявлено, ровно въ часъ. Оркестромъ и хо-

рами управлялъ Коста, а басовыя партіи пѣлъ знаменитый Формесь, извѣстный петербургской публикѣ своимъ могучимъ голосомъ въ роляхъ Оровеза и Марсея. При такомъ грандіозномъ исполненіи знаменитая «Мессія» Генделя производитъ сильное впечатлѣніе, хотя по своей обширности утомляетъ не особенно увлекающихся духовной музыкой. Огаревы все время оставались въ залѣ, а Герценъ послѣ второй части ораторіи сказалъ, что усталъ. Мы пошли бродить по музеямъ Кристальнаго дворца, а оттуда спустились въ садъ съ фонтанами и цвѣтниками. Понятно, что у насъ зашла рѣчь о Генделѣ и его музыкѣ.

— Конечно, сказалъ Герценъ, это хорошо, грандіозно, но не въ моемъ вкусѣ: я промѣняю всѣ мессы и ораторіи на двѣ—три оперы Россини и Мейербера... А знаете, какая музыкальная вещь всего больше поразила меня? Это «Марсельеза», которую пѣли, двигаясь по парижскимъ бульварамъ, двадцать тысячъ блузиновъ! Никакая ораторія не произведетъ на меня такого потрясающаго впечатлѣнія...

Не разъ въ Пётнеѣ завязывался у насъ разговоръ и о поэзіи. Однажды я засталъ Герцена въ кабинетѣ съ книжкою Байрона въ рукахъ. Когда я замѣтилъ, что не ожидалъ встрѣтить его за чтеніемъ давно знакомаго поэта, онъ спросилъ: А знаете ли вы мою статью «Записки одного молодаго человѣка?» Я отвѣчалъ, что читалъ ее когда-то и помню, что онъ разсказалъ въ ней впечатлѣнія своей молодости.—Такъ не хотите ли, я прочту изъ нея страницу, которая будетъ моимъ отвѣтомъ на ваше замѣчаніе?—Я попросилъ его объ этомъ. Онъ досталъ изъ шкапа книгу и прочиталъ мнѣ выдержку изъ своей статьи. Впослѣдствіи я пріискалъ ее въ собраніи его сочиненій. Вотъ эта страница. «У меня страсть перечитывать поэмы великихъ *maëstri*: Гёте, Шекспира, Пушкина, Вальтеръ-Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно «украсить» свой умъ произведеніями гг. А. В. С.?—Да въ томъ-то и дѣло, что не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ

маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставляю привычки перечитывать: по этому я наглядно измѣряю свое возростаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности, и надъ Моромъ, Позой выставилась мрачная задумчивая тѣнь Валленштейна и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы — и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей... Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть. Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это у него осело, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Греція развилась, она Софокломъ, Праксителемъ, Зевкисомъ, Эврипидомъ, Эсхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельной пѣснею ея, Иліадою; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ по-своему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками — Расиномъ; потомъ

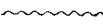
падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гёте Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его»...

— Послѣ того, что я пережилъ въ недавніе годы, сказалъ Герценъ, бросивъ книгу,—необходимо перечитать Байрона. Въ немъ выступаютъ теперь стороны, которыя прежде заслонялись. Въ молодости увлекались мы разочарованнымъ Чайльдъ-Гарольдомъ да приключеніями Донъ-Жуана, потомъ изъ-за нихъ выдвинулся оскорбленный и мстящій Марино Фальеро, теперь за ними встаетъ Каинъ, во всей дерзости мучительнаго сомнѣнія и холоднаго отрицанія, и все завершается страшной картиной The Darknes. Перечитывая все это, повѣряешь свое сердце, свою любовь и злобу и понимаешь, что Байронъ послѣдній представитель нашей эпохи: послѣ него, безъ какого нибудь соціальнаго обновленія общества, невозможна уже никакая поэзія, кромѣ развѣ ироніи Гейне.

Это была моя послѣдняя бесѣда съ Герценомъ.

Давнишнее желаніе побывать въ Италіи и

Греціи не позволило мнѣ долго оставаться въ Англіи. Но двѣ недѣли, проведенныя въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, и особенно знакомство съ Герценомъ и вечера въ Пѣтнеѣ—были самыми пріятными эпизодами моей заграничной поѣздки. Подробности этихъ дней живо остались въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что во все время я велъ дневникъ и постоянно записывалъ свои впечатлѣнія. При послѣднемъ свиданіи Александръ Ивановичъ подарилъ мнѣ на память свои «Письма изъ Франціи и Италіи»,—по моему мнѣнію, лучшее и самое сердечное изъ его сочиненій, въ которомъ вполне выразились его блестящій талантъ и характерная личность. Послѣ этого недолгаго знакомства мнѣ не пришлось уже болѣе видѣть Герцена.



Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

I.

Кончина Ф. М. Достоевскаго вызвала явленія, какихъ не бывало до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ. Еще при слухахъ о внезапной болѣзни его, люди совсѣмъ незнакомые съ участвіемъ освѣдомлялись о его здоровьѣ; а когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его не стало, въ скромное помѣщеніе умершаго съ утра до поздней ночи сходились толпы поклониться его праху. Тутъ были государственные сановники, литераторы, артисты, учащая молодежь и женщины изъ разныхъ слоевъ столичнаго общества. Вѣсть о томъ, что Государь пожаловалъ пенсію вдовѣ и обезпечилъ воспитаніе

дѣтей покойнаго, вызвала общую признательность.

На выносъ тѣла Достоевскаго стеклись тысячи народа: его провожали съ вѣнками представители разныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, депутаціи отъ городскихъ обществъ обѣихъ столицъ. Еще больше выразилось сочувствіе къ покойному на другой день, при самомъ погребеніи, въ храмѣ и на могилѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Его хоронили не родные, не друзья — его хоронило русское общество. И эти оваціи не были придуманы какимъ нибудь кружкомъ, а сложились подъ вліяніемъ одного общаго чувства утраты, съ одной общей мыслью почтить любимаго писателя и гражданина. *О. М. Достоевскій* создалъ себѣ въ нашей литературѣ исключительное положеніе: онъ не стоялъ въ рядахъ какой нибудь партіи или школы; это былъ представитель всего русскаго общества, всецѣло проникнутый его интересами, одушевленный вѣрою въ молодыя русскія силы, полный сочувствія ко всему неправо униженному и оскорбленному

и никогда не терявшій надежды на будущую великую роль горячо любимого имъ народа. Вотъ почему Достоевскій болѣе, чѣмъ кто другой изъ нашихъ талантливыхъ писателей, былъ дѣятель общественный и почему утрата его отозвалась во всей Россіи.

Въ большинствѣ нашей публики понятія о Достоевскомъ очень поверхностны: знаютъ, что онъ воспитывался въ Инженерномъ училищѣ, недолго былъ на службѣ, выступилъ на литературное поприще романомъ «Бѣдные Люди»; по дѣлу Петрашевскаго былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи оттуда цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій сталъ въ первомъ ряду лучшихъ современныхъ писателей.

Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, прерванное только годами его ссылки, даетъ мнѣ возможность сообщить о немъ нѣкоторыя подробности, нелишнія для будущей полной біографіи его.

Познакомился я съ *Θ. М. Достоевскимъ* зимою 1848 года. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. Съ первыхъ

дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ; взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабанднымъ путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, не смотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура разилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на

молодыхъ людей, которые, съ одной стороны, изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самыми крайними программами социализма, а съ другой — видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли; читали жгучія рѣчи, произносимыя во французской палатѣ, на франкфуртскомъ съѣздѣ, и въ то же время понимали, что легко можно пострадать за какое-нибудь недозволенное сочиненіе, даже за неосторожное слово. Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, тотъ знаетъ, какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи.

И вотъ въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ

домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь посторонняго нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаше всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дерикеръ—литераторъ и впоследствии докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили болѣею частію о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня.

Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и между прочимъ спросилъ, не хочу-ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ, А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я

только-что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой—свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: «Поэту» и «Впередъ». И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такіа строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союза нашъ крѣпнеть и растетъ!

Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить.

И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергій Ѳеодоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры, Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ, и братья Достоевскіе, Михаилъ Михайловичъ и Ѳеодоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ Московскихъ казармахъ, и у него тоже сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многочисленныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я не задолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень сим-

патичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому.

Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. О. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполне согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной. Дуровъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Пальмомъ и Алексѣемъ Дмитріевичемъ Щелковымъ на Гороховой улицѣ, за Семеновскимъ мостомъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые, а между тѣмъ гости сходились каждую недѣлю и засиживались обыкновенно часовъ до трехъ ночи, то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на прокатъ рояля. Собирались обыкновенно по пятницамъ. Я вошелъ въ этотъ кружокъ среди зимы и посѣщалъ его регулярно до самаго прекращенія вечеровъ послѣ ареста Петрашевскаго и посѣщавшихъ его лицъ. Здѣсь, кромѣ тѣхъ,

съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филиповъ, оба люди очень образованные и милые.

О собраніяхъ Петрашевскаго я знаю только по слухамъ. Что же касается кружка Дурова, который я посѣщалъ постоянно и считалъ какъ-бы своей дружеской семьей, то могу сказать положительно, что въ немъ не было чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенные въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры ббльшею частію обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду ре-

акціи, вызванной у насъ революціями въ Европѣ, правительство едва-ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и скорѣе слѣдуетъ ожидать движенія снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, говорили, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенной настойчивостью высказывался *Θ. М. Достоевскій*. Я помню, какъ однажды, съ обычной своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе *Пушкина* «Уединеніе». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдегъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, *Θ. М. Достоевскій* рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ.

Другой предметъ, на который также часто обращались бесѣды въ нашемъ кружкѣ—была тогдашняя цензура. Нужно вспомнить, до какихъ крайностей доходили въ то время цензурныя стѣсненія, какіе ходили въ обществѣ рассказы по этому предмету и какъ умудрялись тогда писатели провести какую-нибудь смѣлую мысль подъ вуалемъ цѣломудренной скромности,—чтобы представить, въ какомъ смыслѣ высказывалась въ нашемъ кружкѣ молодежь, горячо любившая литературу. Это тѣмъ понятнѣе, что между нами были не только начинавшіе литераторы, но и такіе, которые обратили уже на себя вниманіе публики, а романъ Ѳ. М. Достоевскаго «Бѣдные Люди» общалъ уже въ авторѣ крупный талантъ. Разумѣется, вопросъ объ отмѣнѣ цензуры не находилъ у насъ ни одного противника.

Толки о литературѣ происходили большею частію по поводу какихъ нибудь замѣчательныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и особенно такихъ, которыя соотвѣтствовали направленію кружка. Но разговоръ обращался и на

старыхъ писателей, причемъ высказывались мнѣнія рѣзкія и иногда довольно одностороннія и несправедливыя. Однажды, я помню, рѣчь зашла о Державинѣ, и кто-то заявилъ, что видитъ въ немъ скорѣе напыщеннаго ритора и низкопоклоннаго панегириста, чѣмъ великаго поэта, какимъ величали его современники и школьные педанты. При этомъ Ѳ. М. Достоевскій вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ:

— Какъ? да развѣ у Державина не было поэтическихъ, вдохновенныхъ порывовъ? Вотъ это развѣ не высокая поэзія?

И онъ прочелъ на память стихотвореніе «Властителямъ и Судіямъ» съ такою силою, съ такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣхъ увлекъ своей декламаціей и безъ всякихъ комментарій поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ читалъ онъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Виктора Гюго, сходныхъ по основной мысли или картинамъ, и при этомъ мастерски доказывалъ, насколько нашъ поэтъ выше, какъ художникъ.

Въ Дуровскомъ кружкѣ было нѣсколько жар-

кихъ социалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто-бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ социальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ социалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ О. М. Достоевскій. Онъ читалъ социальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ однако-жъ считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ значенія, что мы должны искать

источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой поруцѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сень-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ.

Не меньше занимали насъ бесѣды о тогдашнихъ законодательныхъ и административныхъ новостяхъ, и понятно, что при этомъ высказывались рѣзкія сужденія, основанныя иногда на неточныхъ слухахъ или не вполне достоверныхъ разсказахъ и анекдотахъ. И это въ то время было естественно въ молодежи, съ одной стороны, возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой—возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе

свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи **Θ. М. Достоевскій** высказывался съ меньшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь. Въ сужденіяхъ его постоянно слышался авторъ «Бѣдныхъ людей», горячо сочувствующій человѣку въ самомъ приниженномъ его состояніи. Когда, по предложенію одного изъ членовъ нашего кружка, рѣшено было писать статьи обличительнаго содержанія и читать ихъ на нашихъ вечерахъ, **Θ. М. Достоевскій** одобрилъ эту мысль и обѣщаль съ своей стороны работать, но, сколько я знаю, не успѣлъ ничего приготовить въ этомъ родѣ. Къ первой же статьѣ, написанной однимъ изъ офицеровъ, гдѣ рассказывался извѣстный тогда въ городѣ анекдотъ, онъ отнесся неодобрительно и порицалъ какъ содержаніе ея, такъ

и слабость литературной формы. Я, съ своей стороны, прочелъ на одномъ изъ нашихъ вечеровъ переведенную мною на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ, и Ѳ. М. Достоевскій сказалъ мнѣ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ моемъ переводѣ выразительнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, онъ разумѣлъ при этомъ только самое свойство языка, но отзывъ его былъ для меня очень пріятенъ. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось рукописи. Въ послѣднія недѣли существованія Дуровскаго кружка возникло предположеніе литографировать и сколько можно болѣе распространять этимъ путемъ статьи, которыя будутъ одобрены по общему соглашенію, но мысль эта не была приведена въ исполненіе, такъ какъ вскорѣ большая часть нашихъ друзей, именно всѣ, кто посѣщалъ вечера Петрашевскаго, были арестованы.

Незадолго передъ закрытіемъ кружка одинъ изъ нашихъ членовъ ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда списокъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, писаннаго по поводу его

«Переписки съ друзьями». *Ф. М. Достоевскій* прочелъ это письмо на вечерѣ и потомъ, какъ самъ онъ говорилъ, читалъ его въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копии. Впослѣдствіи это послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ его обвиненію и ссылкѣ. Письмо это, которое въ настоящее время едва ли увлечетъ кого нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. У многихъ изъ нашихъ знакомыхъ оно обращалось въ спискахъ, вмѣстѣ съ привезенной также изъ Москвы юмористической статьею *А. Герцена*, въ которой остроумно и зло сравнивались обѣ наши столицы. Вѣроятно, при арестѣ петрашевцевъ не мало экземпляровъ этихъ сочиненій отобрано и передано было въ третье отдѣленіе. Не рѣдко *С. Ф. Дуровъ* читалъ свои стихотворенія, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ слушали мы его переводъ извѣстной пьесы *Барбье «Кіайя»*, въ которой цензура уничтожила нѣсколько стиховъ. Кромѣ бесѣдъ и чтенія, у насъ бывала по вечерамъ и музыка. Послѣдній вечеръ нашъ за-

ключился тѣмъ, что одинъ даровитый пьянистъ, Кашевскій, сыгралъ на роялѣ увертюру изъ «Вильгельма Теля» Россини.

II.

Двадцать третьяго апрѣля 1849 г., возвратясь домой съ лекціи, я засталъ у себя М. М. Достоевскаго, который давно ожидалъ меня. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Да развѣ вы не знаете! сказалъ онъ.

— Что такое?

— Братъ Ѳедоръ арестованъ.

— Что вы говорите! когда?

— Нынче ночью... обыскъ былъ... его увезли...

квартира опечатана...

— А другіе что?

— Петрашевскій, Спѣшневъ взяты... кто еще—не знаю... меня тоже не сегодня, такъ завтра увезутъ.

— Отчего вы это думаете?

— Брата Андрея арестовали... онъ ничего не знаетъ, никогда не бывалъ съ нами... его взяли по ошибкѣ вмѣсто меня.

Мы уговорились идти сейчасъ же, разузнать, кто еще изъ нашихъ друзей арестованъ, а вечеромъ опять повидаться. Прежде всего я отправился къ квартирѣ С. О. Дурова: она была заперта и на дверяхъ виднѣлись казенныя печати. То же самое напелъ я у Н. А. Монбелли, въ Московскихъ казармахъ, и на Васильевскомъ островѣ—у П. Н. Филипова. На вопросы мои деньщику и дворникамъ, мнѣ отвѣчали: «господъ увезли ночью». Деньщикъ Монбелли, который зналъ меня, говорилъ это со слезами на глазахъ. Вечеромъ я зашелъ къ М. М. Достоевскому, и мы обмѣнялись собранными свѣдѣніями. Онъ былъ у другихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и узналъ, что большая часть изъ нихъ арестованы въ прошлую ночь. По тому, что мы узнали, можно было заключить, что задержаны тѣ только, кто бывалъ на сходкахъ у Петрашевскаго, а принадлежавшіе къ одному Дуровскому кружку остались пока на свободѣ.

Ясно было, что объ этомъ кружкѣ еще не знали, и, если Дуровъ, Пальмъ и Щелковъ арестованы, то не по поводу ихъ вечеровъ, а только по знакомству съ Петрашевскимъ. М. М. Достоевскій тоже бывалъ у него и, очевидно, не взятъ былъ только потому, что вмѣсто его по ошибкѣ задержали его брата, Андрея Михайловича. Такимъ образомъ и надъ нимъ повисъ Дамокловъ мечъ, и онъ цѣлыя двѣ недѣли ждалъ каждую ночь неизбежныхъ гостей. Все это время мы видались ежедневно и обмѣнивались новостями, хотя существеннаго ничего не могли развѣдать. Кромѣ слуховъ, которые ходили въ городѣ и представляли дѣло Петрашевскаго съ обычными въ такихъ случаяхъ прибавленіями, мы узнали только, что арестовано около тридцати человѣкъ и всѣ они сначала привезены были въ третье отдѣленіе, а оттуда препровождены въ Петропавловскую крѣпость и сидятъ въ одиночныхъ казематахъ. За кружкомъ Петрашевскаго, какъ теперь оказалось, слѣдили давно уже и на вечера къ нему введенъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ одинъ мо-

лодой человекъ, который прикинулся сочувствующимъ идеямъ либеральной молодежи, аккуратно бывалъ на сходкахъ, самъ подстрекалъ другихъ на радикальные разговоры и потомъ записывалъ все, что говорилось на вечерахъ, и передавалъ куда слѣдуетъ. М. М. Достоевскій говорилъ мнѣ, что онъ давно казался ему подозрительнымъ. Скоро сдѣлалось извѣстно, что для изслѣдованія дѣла Петрашевскаго назначается особенная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости, генерала Набокова, изъ князя Долгорукова, Л. В. Дуббельта, князя П. П. Гагарина и Я. И. Ростовцева.

Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безъ всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ, не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однѣми литературными работами для «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ велѣ ежемѣсячно «Внутреннее Обзорѣніе» и помѣщалъ небольшія повѣсти. Съ арестомъ

его, семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи, и только А. А. Краевскій помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго, зная его скромность и сдержанность; хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей и нерѣдко высказывалъ мнѣ свое несочувствіе къ тѣмъ рѣзкостямъ, которыя позволяли себѣ тамъ болѣе крайніе и неосторожные люди. Сколько я зналъ, на него не могло быть сдѣлано никакихъ серьезно опасныхъ показаній, да притомъ въ послѣднее время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ, въ чемъ и не ошибся.

Въ концѣ мая мѣсяца (1849 г.) я нанялъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Колтовской, близости отъ Крестовскаго острова, и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго, которому тогда было, если не ошибаюсь, лѣтъ семь. Мать навѣщала его каждую недѣлю. Однажды, кажется въ срединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ, и вдругъ малень-

кій Оедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: папа, папа прїѣхалъ! Въ самомъ дѣлѣ, въ это утро моего прїятеля освободили, и онъ поспѣшилъ видѣть сына и повидаться со мною. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухъ-мѣсячной разлуки. Вечеромъ пошли мы на острова, и онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ и содержаніи въ казематѣ, о допросахъ въ слѣдственной комиссіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Оедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и роковаго письма Бѣлинскаго, но, если дѣлу захотятъ придать серьезное значеніе, что по тогдашнему времени было очень вѣроятно, то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшитель-

ные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки.

Лѣто тянулось печально. Одни изъ близкихъ моихъ знакомыхъ были въ крѣпости, другіе жили на дачахъ, кто въ Парголовѣ, кто въ Царскомъ Селѣ. Я изрѣдка видался съ И. И. Введенскимъ и каждую недѣлю съ М. М. Достоевскимъ. Въ концѣ августа переѣхалъ я опять въ городъ, и мы стали бывать другъ у друга еще чаще. Извѣстія о нашихъ друзьяхъ были очень неопредѣленные: мы знали только, что они здоровы, но едва ли кто нибудь изъ нихъ выйдетъ на свободу. Слѣдственная коммиссія закончила свои засѣданія, и надобно было ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Но до этого было однако еще далеко. Прошла осень, потянулась зима, и только передъ святками рѣшена была участь осужденныхъ. Къ крайнему удивленію и ужасу нашему, всѣ приговорены были къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, какъ извѣстно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни на Семеновскомъ плацу, на самомъ эшафотѣ, куда введены были

всѣ приговоренные, прочитали имъ новое рѣшеніе, по которому имъ дарована жизнь, съ замѣною смертной казни другими наказаніями. По этому приговору Ѳ. М. Достоевскому назначалась ссылка въ каторжныя работы на четыре года, съ зачисленіемъ его, по окончаніи этого срока, рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Все это случилось такъ быстро и неожиданно, что ни я, ни братъ его не были на Семеновскомъ плацу и узнали о судьбѣ нашихъ друзей, когда все уже было кончено и ихъ снова перевезли въ Петропавловскую крѣпость, кромѣ М. В. Петрашевскаго, который прямо съ эшафота отправленъ былъ въ Сибирь.

Осужденныхъ отвозили изъ крѣпости въ ссылку партіями по два и по три человѣка. Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ. Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ быть и никогда, не придется видѣть. Мы поѣхали въ

крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-маіору М — ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человекъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня очень огорчило, но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ О. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

Насъ провели въ какую-то большую комнату, въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверть на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и въ сопровожденіи офи-

цера вошли О. М. Достоевскій и С. О. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Не смотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серьезное спокойствіе на лицѣ одного, та же привѣтливая улыбка у другого. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье—въ полушубкахъ и валенкахъ. Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ, недалеко отъ входа, и нисколько не стѣснялъ насъ. Оедоръ Михайловичъ прежде всего высказалъ свою радость брату, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью расспрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенной теплотою отзывались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ, ни другой на строгость суда

или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшила ихъ, и конечно въ это время они не предчувствовали, какъ она отзовется на ихъ здоровьѣ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, когда имъ стали присылать книги и журналы. При этомъ онъ высказалъ свои замѣчанія о сочиненіяхъ, которыя особенно по чему нибудь обратили его вниманіе. Еслибы кто прислушался къ нашему разговору, то подумалъ бы, что мы видѣлись еще на дняхъ, и у моего собесѣдника нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ политическихъ новостей и литературы. Передавая мнѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, онъ сказалъ: «это мои послѣдніе стихи... на дняхъ написалъ въ казематѣ... возьмите на память... можетъ, когда-нибудь напечатаете». Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Когда пустынный Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,

Пришелъ крестить на Иорданъ
Во имя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи.
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облакался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисей, для того,
Чтобъ потушить восторгъ народный,
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
„Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!“
Но вотъ, Крестителю во слѣдъ,
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыхъ.
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ;
Незримыхъ лзвъ духовный врачъ,
Онъ не былъ глухъ къ молебамъ злодѣя,
Услышавъ имъ Марію плачь
И вопль раскаленнаго Закхея...

И что-жь? На площади опять
 Учители и фарисеи
 Пришли израиля смущать
 И зашипили словно змѣи:
 „Бѣгите ложнаго Христа!
 Пусть онъ слова теряетъ праздно:
 Его крамольныя уста
 Полны раздора и соблазна.
 И какъ, взгляните, онъ живетъ?
 Мірскимъ весь преданный заботамъ,
 Онъ ѣстъ, онъ бражничаешь, пьетъ .
 И исцѣляетъ по субботамъ.
 Онъ кинулъ камень въ Божество,
 Законъ отвергнулъ Моисеевъ,
 И кто межъ насъ друзья его,
 Окромѣ блудницъ и злодѣевъ!“

Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается на свободѣ въ Петербургѣ, а не тотъ, кому сейчасъ предстоитъ ѣхать въ Сибирь на каторгу. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федоръ Михайловичъ былъ спокоенъ и утѣшалъ его.

— Перестань же, братъ, говорилъ онъ:—ты знаешь меня, не въ гробъ же я уйду, не въ могилу провожаешь,—и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ, еще и лучше меня, можетъ, до-

стойнѣ меня... Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это,—я даже не сомнѣваюсь, что увидимся... А вы пишите, да, когда обживусь—книгъ присылайте, я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ... А выйду изъ каторги — писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ-то самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что увижу и переживу,—будетъ о чемъ писать...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотрѣлъ на свою будущую каторгу, точно на какую нибудь поѣздку за границу, гдѣ ему предстоитъ любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться съ новыми, привлекательными людьми, при полной свободѣ и со всеми средствами и удобствами путешественника. Онъ какъ будто не думалъ о томъ, что долженъ провести четыре года въ «Мертвомъ домѣ», въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ людьми, выброшенными изъ общества за страшныя преступленія; а можетъ быть, его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко-падшихъ пре-

ступникахъ тѣ человѣческія черты, ту глубоко подѣ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ.

Болѣе получаса продолжалось наше свиданіе, но оно показалось намъ очень короткимъ, хотя мы много-много переговорили. Печально перезванивали колокольчики на крѣпостныхъ часахъ, когда вошелъ плацъ-маіоръ и сказалъ, что намъ время разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись мы и пожали другъ другу руки. Я не предчувствовалъ тогда, что съ Дуровымъ никогда уже болѣе не встрѣчусь, а Ѳ. М. Достоевскаго увижу только черезъ восемь лѣтъ. Мы поблагодарили М—я за его снисхожденіе, а онъ сказалъ намъ, что друзей нашихъ повезутъ черезъ часъ или даже раньше. Ихъ повели черезъ дворъ съ офицеромъ и двумя конвойными солдатами. Нѣсколько времени мы помедлили въ крѣпости, потомъ вышли и остановились у тѣхъ воротъ, откуда должны были выѣхать осужденные. Ночь была не холодная

и свѣтлая. На крѣпостной колокольной куранты проиграли девять часовъ, когда выѣхали двое ямскихъ саней, и на каждаго сидѣль арестантъ съ жандармомъ.

— Прощайте! крикнули мы.

— До свиданія! до свиданія! отвѣчали намъ.

III.

Теперь приведу собственный рассказъ О. М. Достоевскаго о его арестѣ. Онъ написалъ его уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомѣ моей дочери, въ 1860 году. Вотъ этотъ рассказъ, слово въ слово, въ томъ видѣ, какъ написанъ:

«Двадцать второго или, лучше сказать, двадцать третьяго апрѣля (1849 года) я воротился домой часу въ четвертомъ отъ Григорьева, легъ спать и тотчасъ же заснулъ. Не болѣе какъ черезъ часъ я, сквозь сонъ, замѣтилъ, что въ мою комнату вошли какіе-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задѣвшая. Что за

странность? Съ усиліемъ открываю глаза и слышу мягкій, симпатическій голосъ: «Вставайте!»

«Смотрю: квартальный или частный приставъ, съ красивыми бакенбардами. Но говорилъ не онъ; говорилъ господинъ, одѣтый въ голубое, съ подполковничьими эполетами.

— Что случилось? спросилъ я, привставая съ кровати.

«— По повелѣнію...

«Смотрю: дѣйствительно «по повелѣнію». Въ дверяхъ стоялъ солдатъ, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

«— Эге? Да это вотъ что! подумалъ я.— Позвольте же мнѣ... началъ было я.

«— Ничего, ничего! одѣвайтесь. Мы подождемъ-съ, прибавилъ подполковникъ еще болѣе симпатическимъ голосомъ.

«Пока я одѣвался, они потребовали всѣ книги и стали рыться; — немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Приставъ обнаружилъ при этомъ много предусмотрительности: онъ полѣзъ въ печку и попарилъ моимъ чубукомъ въ ста-

рой золѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ, по его приглашенію, сталъ на стулъ и полѣзъ на печь, но оборвался съ карниза и громко упалъ на стулъ, а потомъ со стуломъ на полъ. Тогда прозорливые господа убѣдились, что на печи ничего не было.

«На столѣ лежалъ пятиалтынный, старый и согнутый. Приставъ внимательно разглядывалъ его и наконецъ кивнулъ подполковнику.

«— Ужъ не фальшивый ли? спросилъ я.

«— Гм... Это, однако же, надо изслѣдовать... бормоталъ приставъ и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ и его къ дѣлу.

«Мы вышли. Насъ провожала испуганная хозяйка и человекъ ея, Иванъ, хотя и очень испуганный, но глядѣвшій съ какою-то тупою торжественностью, приличною событію, впрочемъ, торжественностью не праздничною. У подъѣзда стояла карета; въ карету сѣлъ солдатъ, я, приставъ и подполковникъ; мы отправились на Фонтанку, къ Цѣпному мосту у Лѣтняго сада.

«Тамъ было много ходьбы и народу. Я встрѣ-

тилъ многихъ знакомыхъ. Всѣ были заспанвые и молчаливые. Какой-то господинъ статскій, но въ большомъ чинѣ, принималъ... непрерывно входили голубые господа съ разными жертвами.

«— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! сказалъ мнѣ кто-то на ухо.

«23-го апрѣля былъ дѣйствительно Юрьевъ день.

«Мы мало-по-малу окружили статскаго господина со спискомъ въ рукахъ. Въ списокъ передъ именемъ г. Антонелли написано было карандашомъ: «агентъ по найденному дѣлу».

«— Такъ это Антонелли! подумали мы.

«Насъ размѣстили по разнымъ угламъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, куда кого дѣвать. Въ такъ называемой бѣлой залѣ насъ собралось человѣкъ семнадцать...

«Вошелъ Леонтій Васильевичъ... (Дубельтъ).

«Но здѣсь я прерываю мой рассказъ. Долго рассказывать. Но увѣряю, что Леонтій Васильевичъ былъ препріятный человѣкъ».

«О. Достоевскій».

„24-го мая, 1860 г.“

IV.

Извѣстно, что въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ на поселеніи или въ военной службѣ въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ успѣли воспользоваться дарованной свббодой и мало-по-малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филиппова, тяжело раненаго при штурмѣ Карса и умершаго въ александропольскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири. Но не для всѣхъ освобожденныхъ каторжная жизнь прошла безслѣдно: нѣкоторые заплатились за нее здоровьемъ. Больше другихъ пострадалъ С. О. Дуровъ, сосланный, какъ я уже говорилъ, вмѣстѣ съ О. М. Достоев-

скимъ въ Омскѣ. Кто читалъ «Записки изъ Мертваго Дома», тотъ знаетъ, при какихъ условіяхъ должны были провести четыре года молодые люди, незнакомые до тѣхъ поръ ни съ нуждой, ни съ принудительной работой. Какое нужно было здоровье и запасъ нравственныхъ силъ, чтобы вынести переходъ отъ жизни въ развитомъ кружкѣ столичнаго общества къ страшному быту каторжнаго острога! Люди, посвятившіе себя литературѣ, страстные любители театра и музыки, одинъ даровитый поэтъ, другой высоко-талантливый романистъ—вдругъ брошены были въ смрадную арестантскую казарму, въ толпу представителей всевозможныхъ пороковъ и преступленій, оторванные отъ всего, что было дорого для нихъ въ божьемъ мірѣ, и лишенные всякой умственной пищи. Какъ мучительна была для нихъ одна мысль о томъ, что придется надолго оставить литературныя занятія, видно изъ письма Достоевскаго къ брату изъ Петропавловской крѣпости, писаннаго 22 декабря, по возвращеніи съ эшафота. Говоря о предстоящей каторгѣ, онъ пишетъ:

«Лучше пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ», и при этомъ прибавляетъ: «та голова, которая создавала, жила высшею жизнію искусства, которая свыклась съ возвышенными потребностями духа, та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ».

Дуровъ не выдержалъ тяжести арестантской жизни. «Онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка, говоритъ Ѳ. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»; вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой». По возвращеніи изъ Сибири, онъ послѣдніе годы жизни провелъ у А. И. Пальма больнымъ и разслабленнымъ калѣкой. При извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ въ южную Россію, А. Н. Плещеевъ писалъ ему:

Уѣдешь ты на теплый югъ,
И гдѣ лазурью блещетъ море;—
Тебя покинетъ злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.

Тамъ отдохнешь въ семьѣ друзей
Душа, извѣдавшая муки,
И пѣсенъ, выстраданныхъ ей,
Къ намъ долетятъ святыя звуки.

Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участіемъ.

Но теплое участіе и постоянная заботливость А. И. Пальма не могли уже сохранить разбитой жизни несчастнаго.

Ө. М. Достоевскій, благодаря своей энергіи и никогда не покидавшей его вѣрѣ въ лучшую судьбу, счастливѣе перенесъ тяжкое испытаніе каторжной жизни, хотя она отразилась и на его здоровьѣ. Если до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то, безъ сомнѣнія, слабые и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Сибири я не подозревалъ этого; но, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была уже тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей. Онъ говорилъ однажды, что здоровье Дурова особенно пошатнулось съ тѣхъ поръ, когда осенью посылали ихъ разбирать на рѣкѣ старую барку, причемъ иные арестанты стояли по колѣна въ водѣ. Можетъ быть, это подѣйствовало и на его здоровье и ускорило развитіе болѣзни до той

степени, въ какой она обнаружилась впоследствии.

Въ первое время послѣ помилованія, Достоевскому разрѣшено было жить только въ провинціи, и онъ поселился въ Твери, чтобы быть ближе къ роднымъ, изъ которыхъ одни жили въ Петербургѣ, а другіе въ Москвѣ. Братъ получилъ отъ него письмо и тотчасъ же поѣхалъ повидаться съ нимъ. Въ это время Федоръ Михайловичъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ: онъ женился въ Сибири, на вдовѣ, Марѣ Дмитріевнѣ Исаевой, которая умерла отъ чахотки, если не ошибаюсь, въ 1863 году. Дѣтей отъ этого брака у него не было, но на его попеченіи остался пасынокъ. Въ Твери Достоевскій прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ готовился возобновить свою литературную дѣятельность, прерванную каторгой, и много читалъ. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочимъ, по просьбѣ его, я отправилъ въ нему «Псалтырь» на славянскомъ языкѣ, «Коранъ» во французскомъ переводѣ Казимирскаго и «Les romans de Voltaire». Онъ гово-

рилъ потомъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли.

Въ это время у М. М. Достоевскаго была собственная табачная фабрика, и дѣло шло не дурно: его папиросы съ сюрпризами расходились по всей Россіи. Но занятія по фабрикѣ не отвлекали его однако же отъ литературы. Между прочимъ, по моей просьбѣ, онъ перевелъ романъ Виктора Гюго «*Le dernier jour d'un condamné*» для журнала «Свѣточъ», который я тогда редактировалъ вмѣстѣ съ издателемъ, Д. И. Калиновскимъ. Однажды Михайлъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостной вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ, и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ-же день. Мы поспѣшили въ вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ наконецъ я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Федоръ Михайловичъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей

обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями, вспоминали старые годы и нашихъ общихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю. Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись въ прахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи, и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма.

Мало-по-малу Ѳедоръ Михайловичъ началъ рассказывать подробности о своей жизни въ Сибири и нравахъ тѣхъ отверженцевъ, съ которыми пришлось ему прожить четыре года въ

каторжномъ острогѣ. Большая часть этихъ разсказовъ вошла потомъ въ его «Записки изъ Мертваго Дома». Сочиненіе это выходило при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: въ цензурѣ вѣялъ уже въ то время духъ терпимости, и въ литературѣ появились произведенія, какія недавно еще были немислимы въ печати. Хотя новостъ книги, посвященной исключительно быту каторжныхъ, мрачная канва всѣхъ этихъ разсказовъ о страшныхъ злодѣяхъ и наконецъ то, что самъ авторъ былъ только что возвращенный политическій преступникъ, смущали нѣсколько цензуру; но это однако-жъ не заставило Достоевскаго уклониться въ чемъ нибудь отъ правды. И «Записки изъ Мертваго Дома» производили потрясающее впечатлѣніе: въ авторѣ ихъ видѣли какъ бы новаго Данта, который спускался въ адъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ существовалъ не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительности. По условіямъ тогдашней цензуры, Федоръ Михайловичъ принужденъ только былъ выбросить изъ своего сочиненія эпизодъ о ссыльныхъ полякахъ и политическихъ

арестантахъ. Онъ передавалъ намъ по этому предмету не мало интересныхъ подробностей. Кромѣ того, я помню еще одинъ рассказъ его, который тоже не вошелъ въ «Записки», вѣроятно по тѣмъ же цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права. Какъ теперь помню, что однажды на вечерѣ у брата, вспоминая свою острожную жизнь, Достоевскій рассказалъ этотъ эпизодъ съ такой страшной правдою и энергіей, какія никогда не забываются. Надобно было слышать при этомъ выразительный голосъ рассказчика, видѣть его живую мимику, чтобы понять, какое онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе. Постараюсь передать этотъ рассказъ, какъ помню и умѣю.

«Въ казармѣ нашей, говорилъ Федоръ Михайловичъ, — былъ одинъ молодой арестантъ, смирный, молчаливый и несообщительный. Долго я не сходилъ съ нимъ, не зналъ, давно ли онъ въ каторгѣ и за что попалъ въ особый рядъ, гдѣ числились осужденные за самыя тяжкія преступленія. У острожного начальства

былъ онъ по поведенію на хорошемъ счету и сами арестанты любили его за кротость и услужливость. Мало-по-малу мы сблизились съ нимъ, и однажды по возвращеніи съ работы онъ разсказалъ мнѣ исторію своей ссылки. Онъ былъ крѣпостной крестьянинъ одной изъ подмосковныхъ губерній, и вотъ какъ попалъ въ Сибирь.

— Село наше, Ѳедоръ Михайловичъ, разсказывалъ онъ, не маленькое и зажиточное. Баринъ у насъ былъ вдовецъ, не старый еще, не то чтобы очень злой, а безтолковый и на счетъ женскаго пола распутный. Не любили его у насъ. Ну, вотъ надумалъ я жениться: хозяйка была нужна, да и дѣвка одна полюбилась. Поладили мы съ ней, дозволеніе барское вышло и повѣнчали насъ. А какъ отъ вѣнца-то вышли мы съ невѣстой, да идучи домой по ровнялись съ господской усадьбой, выбѣжало дворовыхъ никакъ человѣкъ шесть или семь, подхватили мою молодую жену подъ руки да на барскій дворъ и потащили. Я рванулся было за ней, а на меня набросились людишки-то;

кричу, бьюсь, а мнѣ руки кушаками вяжутъ. Не подѣ силу было вырваться. Ну, жену-то уволокли, а меня къ избѣ нашей потащили, да связаннаго какъ есть на лавку бросили и двоихъ караульныхъ поставили. Всю ночь я прометался, а позднимъ утромъ привели молодую и меня развязали. Поднялся я, а баба-то припала къ столу — плачетъ, тоскуетъ. — Что, говорю, убиваться-то: не сама себя потеряла! И вотъ съ самаго этого дня задумалъ я, какъ мнѣ барина за ласку къ женѣ отблагодарить. Отточилъ это я въ сараѣ топоръ, такъ что хоть хлѣбы рѣжъ, и приладилъ носить его, чтобы не въ примѣту было. Можетъ, иные мужики, видя какъ я шатался около усадьбы, и подумали, что замышляю что нибудь, да кому дѣло: больно не любили у насъ барина-то. Только долго не удавалось мнѣ подстеречь его: то съ гостями бывало онъ хороводится, то лакеишки около него... все несподручно было. А у меня словно камень на сердцѣ, что не могу я ему отплатить за надругательство: пуще всего горько мнѣ было смотрѣть, какъ жена-то то-

скуеть. Ну, вотъ иду я какъ-то подъ вечеръ позади господскаго сада, смотрю—а баринъ по дорожкѣ одинъ прохаживается, меня не примѣчаетъ. Заборъ садовый былъ невысокій, рѣшетчатый изъ балясинъ. Даль я барину-то немного пройти, да тихимъ манеромъ и махнулъ черезъ загородку. Вынулъ топоръ я, да съ дорожки на траву, чтобы загода не услыхалъ, и по травѣ-то крадучись, пошелъ за нимъ шагать. Совсѣмъ ужъ близко подошелъ я, и забралъ топоръ-то въ обѣ руки. А хотѣлось мнѣ, чтобы баринъ увидалъ, кто къ нему за кровью пришелъ, ну, я нарочно и кашлянулъ. Онъ повернулся, призналъ меня, а я прыгнулъ къ нему да топоромъ его прямо по самой головѣ... трахъ! Вотъ молъ тебѣ за любовь... Такъ это мозги-то съ кровью и прыснули... упалъ и не вздохнулъ. А я пошелъ въ контору и объявился, что такъ и такъ молъ. Ну, взяли меня, отшлепали, да на двѣнадцать лѣтъ сюда и порѣшили.

— Но вѣдь вы въ особомъ разрядѣ, безъ срока?

— А это, Федоръ Михайловичъ, по другому

ужь дѣлу въ безсрочную-то каторгу меня сослали.

— По какому же дѣлу?

— Капитана я порѣшилъ.

— Какого капитана?

— Этапнаго смотрителя. Видно ему такъ на роду было написано. Шелъ я въ партіи, на другое лѣто послѣ того, какъ съ бариномъ-то покончилъ. Было это въ Пермской губерніи. Партія угонялась большая. День выдался жаркій-прежаркій, а переходъ отъ этапа до этапа большой былъ. Смаяло насъ на солнцепекѣ, до смерти всѣ устали: солдаты-то конвойные чуть ноги двигали, а намъ съ непривычки въ цѣпяхъ страсть было жутко. Народъ же не весь крѣпкій былъ, иные почитай старики. У другихъ весь день корки хлѣба во рту не было: переходъ такой вышелъ, что подаванія-то дорогой ни ломтя не подали, только мы раза два воды попили. Ужъ какъ добрались, Господь знаетъ. Ну, вошли мы на этапный дворъ, да иные такъ и полегли. Я, нельзя сказать, чтобъ обезсилѣлъ, а только очень ѣсть хотѣлось. Въ эту пору

на этапахъ, какъ партія подойдетъ, обѣдать даютъ арестантамъ; а тутъ смотримъ—никакого еще распоряженія нѣтъ. И начали арестантики-то говорить: что же молъ это насъ не покормятъ, мочи нѣтъ отощали, кто сидить, кто лежить, а намъ куска не бросятъ. Обидно мнѣ это показалось: самъ я голоденъ, а стариковъ-то слабосильныхъ еще больше жаль. — Скоро ли, спрашиваемъ этапныхъ солдатъ, пообѣдать-то дадутъ?—Ждите, говорятъ, еще приказа отъ начальства не вышло.—Ну, разсудите, Федоръ Михайловичъ, каково это было слышать: справедливо что ли? Идетъ по двору писарь, я ему и говорю: для чего же намъ обѣдать не велятъ? — Дожидайся, говоритъ, не помрешь. — Да какъ же, говорю я: видите, люди измучились, чай знаете какой переходъ-то былъ на этакомъ жару... покормите скорѣе. — Нельзя, говоритъ: у капитана гости, завтракаетъ, вотъ встанетъ отъ стола и отдастъ приказъ.—Да скоро ли это будетъ?—А досыта покушаетъ, въ зубахъ поковыряетъ, такъ и выйдетъ. — Что же это, говорю, за порядки: самъ прохлаждается, а мы

съ голоду околѣвай!—Да ты, говоритъ писарь-то, что кричишь?—Я молъ не кричу, а насчетъ того сказываю, что немочные у насъ есть, чуть ноги двигаютъ.—Да ты, говоритъ, буянишь и другихъ бунтуешь; вотъ пойду капитану скажу.—Я, говорю, не буяню, а капитану какъ хочешь рапортуй.—Тутъ, слыша разговоръ нашъ, иные изъ арестантовъ тоже стали ворчать, да кто-то ругнулъ и начальство. Писарь-то и обозлился.—Ты, говоритъ мнѣ, бунтовщикъ; вотъ капитанъ съ тобой справится. И пошелъ. Зло меня такое взяло, что и сказать не могу; чуюль я, что дѣло не обойдется безъ грѣха. Былъ у меня въ ту пору ножъ складной, подѣ Нижнимъ у арестанта на рубашку вымѣнялъ. И не помню теперь, какъ я досталъ его изъ-за пазухи и сунулъ въ рукавъ. Смотримъ—выходитъ изъ казармы офицеръ, красивый такой съ рожѣ-то, глаза словно выскочить хотятъ, надо быть выпилъ. А писаришко-то за нимъ.—Гдѣ бунтовщикъ? крикнулъ капитанъ, да прямо ко мнѣ. Ты что бунтуешь? А?—Я, говорю, не бунтую, ваше благородіе,

а только о людяхъ печалюсь, для того морить голодомъ не отъ Бога, ни отъ царя не показано.—Какъ зарычить онъ: ахъ, ты такой-сякой! я тебѣ покажу, какъ показано съ разбойниками управляться. Позвать солдатъ!—А я это ножъ-то въ рукавъ прилаживаю да изноравливаюсь.—Я тебя, говоритъ научу!—Нечего молъ, ваше благородіе ученаго учить; я и безъ науки себя понимаю.—Это ужъ я ему на зло сказалъ, чтобъ онъ пуще обозлился да поближе ко мнѣ подошелъ... не стерпитъ, думаю. Ну, и не стерпѣлъ онъ: сжалъ кулаки и ко мнѣ, а я этакъ подался, да какъ сигну впередъ и ножемъ-то ему снизу животъ почитай до самой глотки такъ и пропоролъ. Повалился словно колода. Что дѣлать? неправда-то его къ арестантамъ больно ужъ меня обозлила. Вотъ за этого самага капитана и попалъ я, Федоръ Михайловичъ, въ особый разрядъ, въ вѣчные.

Все это, по словамъ Достоевскаго, арестантъ рассказывалъ съ такой простотой и спокойствіемъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь срубленномъ въ лѣсу гниломъ деревѣ. Онъ не

фанфаронилъ своимъ преступленіемъ, не оправдывался въ немъ, а передавалъ это точно какой-нибудь обыденный случай. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ смиренныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ. Въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» есть нѣсколько похожій на этотъ эпизодъ объ убійствѣ этапнаго маіора; но рассказъ, приведенный мною, я слышалъ отъ Теодора Михайловича лично и передаю, если не совсѣмъ его словами, то во всякомъ случаѣ близко, потому что онъ тогда сильно поразилъ меня и живо остался въ моей памяти. Можетъ быть, кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ помнитъ его.

Изъ всѣхъ рассказовъ Достоевскаго о его житьѣ въ каторгѣ можно было видѣть, какое онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе. Если прежде своей ссылки онъ особенно любилъ подмѣчать теплое чувство и симпатичныя черты въ бѣдной и приниженной средѣ, то теперь, кажется, еще внимательнѣе всматривался въ людей, отверженныхъ обществомъ, и старался отыскать въ нихъ ту искру божію, о которой говорилъ

въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Вспоминая о преступникахъ, какихъ ему пришлось видѣть въ каторжномъ острогѣ, онъ не относился къ нимъ съ брезгливостью и презрѣніемъ челоѣка, который по образованію стоялъ неизмѣримо выше ихъ, а старался найти какую нибудь челоѣческую черту въ самомъ ожесточенномъ сердцѣ. Съ другой стороны, онъ не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цвѣтушіе годы своей молодости. Правда, и отъ другихъ возвратившихся изъ каторги «петрашевцевъ» мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому челоѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылке не только хорошо узнать русскаго челоѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самого себя. О долгихъ лишеніяхъ въ острогѣ говорилъ онъ неохотно и только съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ ли-

тературы, но и тутъ прибавлялъ, что, читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства.

V.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ возобновляется литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго, прерванная болѣе чѣмъ на десять лѣтъ его ссылкой. Еще въ сентябрѣ 1860 г., извѣщая меня о готовности быть крестнымъ отцомъ моего сына, онъ пишетъ между прочимъ: «приступаю къ писанію и не знаю, что еще будетъ, но рѣшаюсь работать, не разгибая шеи». И дѣйствительно, онъ принялся за литературную работу съ усиленной энергіей. Кромѣ того, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ «Время», который вскорѣ послѣ того былъ основанъ его братомъ, явились одинъ за другимъ романы его: «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково», «Униженные и Оскорбленные», задуманные еще въ Сибири или въ Твери. Читающая публика вспомнила автора «Бѣдныхъ

Людей», а «Записки изъ Мертваго Дома» приковали къ нему вниманіе всего образованнаго общества. Между тѣмъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ онъ началъ мечтать о поѣздкѣ за границу, но это было затруднительно, такъ какъ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи и Третье Отдѣленіе не разрѣшало выдачи ему паспорта. Цѣлые два года онъ напрасно хлопоталъ, что бы сняли съ него это тяжелое veto. Наконецъ, благодаря участію нашего добраго знакомаго Н. И. Г—о Г—о, у котораго были вліятельныя связи, вождедѣнное дозволеніе было получено, и въ 1862 году Федоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Поѣздка эта, какъ потомъ оказалось, не столько поправила его здоровье, сколько оживила нравственно и повліяла на его убѣжденія. При личномъ знакомствѣ съ европейскимъ бытомъ, послѣднія симпатіи его къ такъ называемому западному направленію ослабѣли, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія русской жизни укрѣпилась, и онъ воротился почти славянофиломъ. Его ждали новыя невзгоды.

Журналъ «Время» былъ неожиданно запрещенъ за нѣсколько невинныхъ и неправильно истолкованныхъ страницъ о польскомъ вопросѣ. Это такъ поразило М. М. Достоевскаго, который употребилъ на изданіе всѣ свои средства, что здоровье его сильно пошатнулось. Хотя ему скоро и разрѣшено было возобновить журналъ подъ новымъ названіемъ «Эпоха», но катастрофа съ первымъ изданіемъ и сомнительная надежда на успѣхъ второго постоянно мучали его, и онъ умеръ лѣтомъ 1864 г., въ Павловскѣ. Смерть брата поставила Федора Михайловича въ затруднительное положеніе. Рѣшась продолжать журналъ подъ своей редакціей, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялъ на себя и всѣ долги, какіе были на изданіи. Дѣло не пошло: громкое литературное имя редактора не могло уже поддержать журнала, который, при всей своей благонамѣренности, подвергался усиленному надзору и, кромѣ того, по самостоятельности своего направленія, встрѣтилъ недоброжелательное противодѣйствіе въ особенно авторитетныхъ тогда литературныхъ органахъ. Достоевскій не могъ долго

бороться съ враждебной кликой и принужденъ былъ прекратить изданіе. Уплативъ часть своихъ и братниныхъ долговъ изъ небольшого наслѣдства, полученнаго послѣ одной близкой родственницы, онъ, въ началѣ 1865 года, снова уѣхалъ за границу отдохнуть отъ пережитыхъ имъ тревогъ.

Средства его на этотъ разъ были такъ ограничены, что онъ могъ взять съ собой только сорокъ два полуимперіала, да обѣщаніе редакціи «Библіотеки для чтенія» высылать ему по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ въ счетъ гонорара за повѣсть или другую литературную работу, которую онъ обязывался прислать осенью. Но денегъ этихъ ему не высылали, и въ началѣ сентября Ѳедоръ Михайловичъ очутился въ Висбаденѣ безъ всякихъ средствъ. «Сижу въ отелѣ, писалъ онъ мнѣ, кругомъ долженъ и мнѣ грозятъ; денегъ ни гроша». При этомъ онъ сообщаетъ, что сюжетъ задуманной имъ литературной работы «расширился и разбогатѣлъ», и просить «запродать повѣсть хоть куда бы ни было, но только съ условіемъ выслать немед-

ленно 300 рублей». О содержаніи повѣсти онъ не говоритъ, но замѣчаетъ только: «вѣдь на нее вниманіе обратятъ, заговорятъ... въ этомъ родѣ ничего у насъ никогда не было; за оригинальность ручаюсь, да и за занимательность тоже». Я не могу теперь сказать утвердительно, надъ какимъ именно работалъ онъ тогда сочиненіемъ, но, кажется, это былъ его знаменитый романъ «Преступленіе и Наказаніе».

Я тотчасъ же отправился съ его письмомъ въ редакцію «Библіотеки для Чтенія», куда прежде всего просилъ онъ адресоваться. Тамъ мнѣ сказали, что дѣла журнала идутъ весьма дурно, почему и прежде не могли высылать Достоевскому денегъ и теперь не могутъ исполнить его просьбы, не зная навѣрное, будетъ ли продолжаться изданіе въ будущемъ году. Послѣ того былъ я въ редакціи «Современника», куда Ѳедоръ Михайловичъ просилъ меня обратиться, если встрѣчу неудачу въ «Библіотекѣ». Но тутъ съ первыхъ словъ меня отразили замѣчаніемъ, что не желаютъ вовсе принимать сочиненій того, кто бросалъ камушки въ Чернышевскаго.

Подъ этими камушками, конечно, разумѣлись полемическія замѣтки, которыя печатались въ «Эпохѣ», когда ею завѣдывалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Оставалась послѣдняя надежда на «Отечественныя Записки», съ редакціей которыхъ я былъ давно уже знакомъ. И здѣсь однако не удалось мнѣ ничего сдѣлать. На другой день послѣ моего визита, мнѣ написали отъ имени Дудышкина: «во-первыхъ, у насъ есть запасъ беллетристики до новаго года, и во-вторыхъ, денежныя обстоятельства не такъ блестящи, чтобъ можно было давать деньги впередъ, когда предстоитъ еще три съ половиною мѣсяца платить взадъ». Такимъ образомъ, всѣ попытки получить триста рублей за повѣсть, которая, разумѣется, стоила несравненно больше, оказались неудачными. Тогда Достоевскій написалъ М. Н. Каткову, съ которымъ сначала, по какимъ-то соображеніямъ, не хотѣлъ вступать въ переговоры, и ему немедленно выслали пятьсотъ рублей. Онъ расплатился съ долгами въ Висбаденѣ, воротился въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вмѣ-

сто повѣсти, началъ печататься романъ «Преступленіе и Наказаніе», который произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество и придалъ новый блескъ имени талантливаго автора. Конечно, никто не будетъ оспаривать, что у насъ не было ничего подобнаго въ этомъ родѣ, и романистъ не напрасно ручался за оригинальность и занимательность своего лучшаго произведенія.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Ѳедору Михайловичу платили хорошо, нерѣдко высылали значительныя суммы впередъ, и если у него бывали иногда недоразумѣнія съ редакціею, то въ одномъ только литературномъ отношеніи, при разницѣ въ понятіяхъ о приличіи и нравственности, въ чемъ, мнѣ кажется, онъ не всегда былъ правъ. Впрочемъ, до самой кончины своей онъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ московскою редакціею. Если Достоевскій часто нуждался въ деньгахъ, то не отъ недостатка работы или утомленія, а потому, что принужденъ былъ уплачивать и свои собственные долги, и тѣ, которые оста-

лись послѣ брата по журналу и даже по табачной фабрикѣ. Это въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не давало ему покоя и не разъ грозило долговымъ отдѣленіемъ. Чтобы погасить въ сроки векселя, онъ долженъ былъ входить иногда въ сдѣлки, чрезвычайно невыгодныя, можно сказать, безразсудныя, еслибы онѣ не оправдывались крайней необходимостью и непремѣннымъ желаніемъ честно покончить дѣла и не оставить пятна на добромъ имени брата. Поэтому онъ продавалъ право на отдѣльныя изданія своихъ сочиненій на условіяхъ очень отяготительныхъ, лишь бы получить впередъ деньги, чѣмъ ловкіе люди обыкновенно и пользовались.

Особенно тягостна была для него сдѣлка съ книгопродавцемъ-издателемъ Стелловскимъ, который въ 1866 году пріобрѣлъ у него право на полное изданіе его сочиненій. Передъ отъѣздомъ въ Москву Ѳедоръ Михайловичъ какъ-то вскользь сказалъ мнѣ, что лѣтомъ долженъ написать для этого изданія новый романъ. Въ іюлѣ онъ писалъ мнѣ изъ села Люблина, ку-

да, по его словамъ, бѣжалъ изъ гостинницы Дюсо, потому что номеръ его въ жаркіе дни «походилъ на русскую печку, когда начнутъ въ нее сажать хлѣбы» и, слѣдовательно, работать тамъ не было никакой возможности. Въ этомъ письмѣ, говоря о своемъ образѣ жизни, занятіяхъ и сношеніяхъ съ редакціею «Русскаго Вѣстника», онъ въ заключеніе прибавляетъ: «За романъ Стелловскому я еще не принимался, но примусь. Составилъ планъ весьма удовлетворительнаго романчика, такъ что будутъ даже признаки характеровъ. Стелловскій беспокоитъ меня до мученія, даже вижу во снѣ». Въ это время я не зналъ, въ чемъ дѣло, но впоследствии оказалось, что въ контрактъ съ книгопродавцемъ было, между прочимъ, одно условіе, которое, въ случаѣ невыполненія обязательства, должно было отдать Достоевскаго въ безвыходную кабалу его предусмотрительному издателю. Только по возвращеніи Федора Михайловича въ Петербургъ, узналъ я, отчего этотъ издатель порождалъ въ немъ мучительные сны. Между тѣмъ этотъ «романчикъ», о

которомъ онъ писалъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ праздникъ Покрова Богородицы, то есть 1-го октября, зашелъ я къ Достоевскому, который незадолго пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ быстро ходилъ по комнатѣ съ папирсой и, видимо, былъ чѣмъ-то очень встревоженъ.

— Что вы такой мрачный? спросилъ я.

— Будешь мраченъ, когда совсѣмъ пропадешь! отвѣчалъ онъ, не переставая шагать взадъ и впередъ.

— Какъ! что такое?

— Да знаете вы мой контрактъ съ Стелловскимъ?

— О контрактѣ вы мнѣ говорили, но подробностей не знаю.

— Такъ вотъ посмотрите.

Онъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ него бумагу и подалъ мнѣ, а самъ опять зашагалъ по комнатѣ. Я былъ озадаченъ. Не говоря уже о незначительности суммы, за которую было продано изданіе, въ условіи

^ заключалась статья, по которой Федоръ Михайловичъ обязывался доставить къ ноябрю того же года новый, нигдѣ еще не напечатанный романъ въ объемѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ большого формата, а если не выполнить этого, то Стелловскій имѣетъ право перепечатывать всѣ будущія его сочиненія безъ всякаго вознагражденія.

— Много у васъ написано новаго романа? спросилъ я.

Достоевскій остановился передо мною, рѣзко развелъ руками и сказалъ:

— Ни одной строки!

Это меня поразило.

— Понимаете теперь, отчего я пропадаю? сказалъ онъ желчно.

— Но какъ же быть? вѣдь надобно чтонибудь дѣлать! замѣтилъ я.

— А что же дѣлать, когда остается одинъ мѣсяцъ до срока. Лѣтомъ для «Русскаго Вѣстника» писалъ, да написанное долженъ былъ передѣлывать, а теперь ужъ поздно: въ четыре недѣли десяти большихъ листовъ не одолѣешь.

Мы замолчали. Я присѣлъ къ столу, а онъ заходилъ опять по комнатѣ.

— Послушайте, сказалъ я,—нельзя же вамъ себя навсегда закабалить; надобно найти какой нибудь выходъ изъ этого положенія.

— Какой тутъ выходъ! я никакого не вижу.

— Знаете что, продолжалъ я:—вы, кажется, писали мнѣ изъ Москвы, что у васъ есть уже готовый планъ романа?

— Ну, есть, да вѣдь я вамъ говорю, что до сихъ поръ не написано ни строчки.

— А не хотите ли вотъ что сдѣлать: соберемте теперъ же нѣсколькихъ нашихъ пріятелей; вы расскажете намъ сюжетъ романа, мы намѣтимъ его отдѣлы, раздѣлимъ по главамъ и напишемъ общими силами. Я увѣренъ, что никто не откажется. Потомъ вы просмотрите и сгладите неровности или какія при этомъ выйдутъ противорѣчія. Въ сотрудничествѣ можно будетъ успѣть къ сроку:—вы отдадите романъ Стелловскому и вырветесь изъ неволи. Если же вамъ своего сюжета жаль на такую жертву, придумаемъ что нибудь новое.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно:—я никогда не подпишу своего имени подъ чужой работой.

— Ну, такъ возьмите стенографа и сами продиктуйте весь романъ: я думаю, въ мѣсяцъ успѣете кончить.

Достоевскій задумался, прошелся опять по комнатѣ и сказалъ:

— Это другое дѣло... Я никогда еще не диктовалъ своихъ сочиненій, но попробовать можно... Да, другого средства нѣтъ, не удастся—такъ пропалъ... Спасибо вамъ: необходимо это сдѣлать, хоть и не знаю, съумѣю ли... Но гдѣ стенографа взять? Есть у васъ знакомый?

— Нѣтъ, но найти не трудно.

— Найдите, найдите, только скорѣе.

— Завтра же похлопочу.

Федоръ Михайловичъ былъ въ возбужденномъ состояніи: онъ, очевидно, началъ надеяться на возможность выйти изъ своего тяжелаго положенія, но въ то же время не совсѣмъ еще былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ новой для него работы. На другой день я обратился къ

одному изъ моихъ сослуживцевъ, Е. О. В—ру, съ вопросомъ: нѣтъ ли у него знакомаго стенографа, и объяснилъ ему при этомъ, въ чемъ дѣло. Онъ обѣщалъ съѣздить къ своему знакомому, П. М. Ольхину, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ открылъ курсы стенографіи, преимущественно для женщинъ. Я просилъ сдѣлать это не мѣшкавая—и вотъ на другой же день къ Достоевскому явилась по рекомендаціи Ольхина, въ качествѣ стенографки, одна изъ лучшихъ его ученицъ, Анна Григорьевна Сниткина. Послѣ объясненія относительно подробностей работы и условій, съ слѣдующаго же утра, 4-го октября, началось стенографированіе романа «Игрокъ». Я изрѣдка заходилъ къ Федору Михайловичу въ такіе часы, когда не могъ помѣшать работѣ, и видѣлъ, что онъ мало-по-малу становился покойнѣе и веселѣе, и надежда на успѣхъ дѣла превращалась у него уже въ положительную увѣренность. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и переписанъ ровно къ 30-му октября. Несмотря на возбужденное состояніе автора и новый для

него способъ работы, сочиненіе вышло замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи: нравы городка Рулетенбурга очерчены въ оригинальной картинѣ, и при этомъ раскрылись не только «признаки характеровъ», какъ выразился Достоевскій, но цѣльныя, бойко и смѣло написанныя лица, какъ, напримѣръ, типичная старуха-самодурка Тарасевичева, которая въ пухъ проигрывается въ рулетку.

Но романъ этотъ, какъ я уже замѣтилъ, не только освободилъ Достоевскаго отъ эксплуатаціи издателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю остальную жизнь автора. Во время ежедневной работы надъ сочиненіемъ, Ѳедоръ Михайловичъ и его сотрудница хорошо узнали и оцѣнили другъ друга; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, не умолчавъ конечно ни о своихъ денежныхъ нуждахъ, ни о роковой болѣзни,—и 15-го февраля 1868 г. мы были уже на ихъ вѣнчаніи въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ. Я позволю себѣ прибавить, что этотъ второй бракъ Достоевскаго былъ вполне счастливъ, и онъ приобрѣлъ въ Аннѣ

Григорьевнѣ и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную цѣнительницу своего таланта. Если Ѳедоръ Михайловичъ, при своей житейской непрактичности, успѣлъ выплатить болѣе двадцати-пяти тысячъ своихъ и братни-ныхъ долговъ, то это могло сдѣлаться только при распорядительности и энергіи его жены, которая умѣла и вести дѣло съ кредиторами, и поддерживать мужа въ тяжелые дни. На слѣдующее лѣто послѣ свадьбы Достоевскіе уѣхали за границу и прожили до 1871 года, большею частію въ Германіи и Италіи. Тамъ были задуманы романы «Бѣсы» и «Идіотъ».

VI.

Прибавлю нѣсколько подробностей, которыя могутъ пояснить и личный характеръ Ѳ. М. Достоевскаго, и отношенія его къ литературѣ и къ нашему обществу.

По возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ, Ѳедоръ Михайловичъ горячо интересовался всѣми сколько нибудь замѣчательными явленіями въ

нашей литературѣ. Съ особеннымъ участіемъ всматривался онъ въ молодыхъ начинающихъ писателей и видимо радовался, когда подмѣчалъ въ комъ нибудь изъ нихъ дарованіе и любовь къ искусству. Когда я завѣдывалъ редакціей журнала «Свѣточъ», у меня каждую недѣлю собирались по вечерамъ сотрудники, большею частію молодежь. Между прочимъ, постояннымъ моимъ посѣтителемъ былъ извѣстный романистъ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, тогда только что оставившій университетъ и начинавшій свою дѣятельность лирическими стихотвореніями, замѣчательными по свѣжести мысли и изяществу формы. Однажды онъ въ присутствіи Достоевскаго прочелъ небольшую пьесу «Солимская Гетера», сходную по сюжету съ извѣстной картиною Семирадскаго «Грѣшница». Оедоръ Михайловичъ, выслушавъ это стихотвореніе, отнесся къ автору съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и послѣ того не разъ просилъ Крестовскаго повторять его. Еще съ бѣльшимъ участіемъ любилъ онъ слушать его поэтическіе эскизы, связанные въ однѣ небольшую лириче-

скую поэму, подъ общимъ названіемъ «Весеннія Ночи». Стихотворенія эти такъ нравились ему, что нѣкоторые эпизоды онъ удержалъ въ памяти. Однажды, когда В. В. Крестовскій почему-то не былъ на моемъ обычномъ вечерѣ, Достоевскій за ужиномъ самъ продекламировалъ отрывокъ изъ его «Ночей»:

Здѣсь-то, Боже, сколько ягодъ,
Сколько спѣлой земляники.
Помнишь, какъ мы ровно за годъ
Тутъ сходились безъ улики?
Только разъ, кажись, попался
Намъ въ кустахъ твой старый дядя,
И потомъ, когда встрѣчался,
Все лукаво улыбался,
На меня съ тобою глядя...

Я могъ бы рассказать еще нѣсколько случаевъ, какъ съ одной стороны его радовалъ всякій новый талантъ, а съ другой—возмущало проявленіе въ молодыхъ людяхъ испорченности вкуса или равнодушія къ литературѣ. Онъ скорѣе извинялъ легкомысленное увлеченіе какой-нибудь ложной идеей, чѣмъ индифферентизмъ въ искусствѣ или неуваженіе къ таланту. Въ сужденіяхъ Достоевскаго о капитальныхъ произ-

веденіяхъ литературы выражалась та же тонкая наблюдательность, какую мы находимъ и въ типахъ, созданныхъ имъ въ собственныхъ романахъ. Это отчасти видно и въ его рѣчи на московскихъ празднествахъ, при открытіи памятника Пушкину; но еще ярче обнаруживалась эта своеобразность, когда дѣло шло объ иностранныхъ авторитетахъ, утвержденныхъ на мнѣніяхъ присяжныхъ критиковъ: тутъ онъ былъ оригинально смѣлъ и, если не во всемъ справедливъ, то всегда самобытенъ и чуждъ обыденной рутины. Въ его критическихъ и публицистическихъ отзывахъ, не смотря на ихъ парадоксальность, часто выражался психологическій анализъ и виднѣлись такія же неуловимо-тонкія черты, какъ и въ оригинальныхъ лицахъ лучшихъ его произведеній.

Позднѣйшія отношенія Федора Михайловича къ обществу и нашему молодому поколѣнію извѣстны изъ его «Дневника». Онъ всегда готовъ былъ выслушать молодого человѣка, ободрить его и помочь добрымъ совѣтомъ, хотя никогда не заискивалъ передъ «новыми людьми»

для пріобрѣтенія популярности. Я знаю, какъ однажды пришелъ къ нему незнакомый студентъ, не въ видахъ полученія какого нибудь покровительства, а только съ желаніемъ открыть свои религіозныя и нравственныя сомнѣнія симпатичному человѣку, и послѣ довольно продолжительной бесѣды съ нимъ, вышелъ въ слезахъ, ободренный и обновленный душевно. И кажется, это не единственный случай въ такомъ родѣ. Можно ли было такъ дѣйствовать на молодежь безъ горячей любви къ ней?

Съ особенной симпатіей относился О. М. Достоевскій къ дѣтямъ, не только въ знакомыхъ ему семействахъ, но и совершенно постороннимъ. Нерѣдко видалъ я, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дѣтскими играми, входилъ въ ихъ интересы и вслушивался въ ихъ наивные разговоры. Неудивительно, что въ сочиненіяхъ его мы находимъ нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, прелестныхъ, какъ головки Грёза. У меня остался въ памяти одинъ случай, который даетъ наглядное понятіе о томъ, какъ ему близко было все, что касалось интереса дѣтей. Однажды я раз-

сказалъ ему, что былъ свидѣтелемъ маленькой сцены на нашей улицѣ. Какъ-то лѣтомъ сидѣлъ я вечеромъ у открытаго окна. Пастухъ гналъ нѣсколько коровъ и, остановясь передъ нашимъ домомъ, пустилъ рѣзкую трель изъ своей двухъ-аршинной трубы, хорошо извѣстной всѣмъ петербургскимъ жителямъ, не уѣзжающимъ на лѣто за городъ. И вотъ какой-то мальчикъ мастеровой, въ пестрядевомъ халатишкѣ и безъ сапогъ, подошелъ къ пастуху и предложилъ ему грошъ за то, чтобъ онъ позволилъ ему поиграть немного на своемъ мусикійскомъ орудіи. Пастухъ согласился, передалъ ему трубу и началъ объяснять, какъ за нее приняться. Ребенокъ едва держалъ этотъ уродливый и не по силамъ его тяжелый инструментъ. Сначала щеки его надулись, какъ пузырь, но ничего не выходило, потомъ мало-по-малу начали слышаться хотя слабѣе, однако довольно рѣзкіе отрывистые звуки. Мальчикъ видимо былъ очень доволенъ. Но въ самомъ жару этого музыкальнаго упражненія, когда у него вырвалась такая звонкая трель, что коровы дружно замычали,

откуда-то явился городской, взялъ ребенка за ухо и крикнулъ: «что ты, пострѣленокъ, балуешь! вотъ я тебя!» Мальчикъ оторопѣлъ, бросилъ трубу и побѣжалъ, опуствя печально голову.

Когда я разсказалъ это Ѳедору Михайловичу, онъ быстро заходилъ по комнатѣ и заговорилъ съ жаромъ:

— «Неужели вамъ этотъ случай кажется только забавнымъ? Да вѣдь это драма, серьезная драма! Бѣдный мальчишка этотъ родился въ какой нибудь деревнѣ, по цѣлымъ днямъ былъ на свѣжемъ воздухѣ, бѣгалъ въ полѣ, ходилъ съ ребятами въ лѣсъ по грибы или за ягодами, видѣлъ какъ овцы пасутся, слышалъ какъ птицы поютъ. Можетъ быть, тятка или тамъ дядя какой нибудь на телѣгу съ сѣнокоса посадить его, или даже верхомъ на кобылкѣ дать проѣхаться. Тамъ у ребенка была какая-нибудь свистулька, а можетъ и дудка, и онъ насвистывалъ на ней во всю силу своей дѣтской груди. И вотъ привезли этого ребенка въ Петербургъ и отдали на года въ ученье, или, лучше сказать, на мученье, къ какому нибудь

слесарю или мѣднику, и сидитъ онъ съ раннего утра до ночи въ подвалѣ душной мастерской, въ непроглядномъ дыму и копоти, и не слышитъ ничего, кромѣ стука молотковъ по мѣди и желѣзу, да ругани подмастерьевъ. Вѣдь это маленькій Мертвый Домъ, гдѣ суждено ему вести каторжную жизнь много лѣтъ, а вѣришь безсрочно, какъ тамъ, въ сибирскомъ особомъ разрядѣ. Все развлеченіе его въ томъ только, что хозяинъ пошлетъ его сбѣгать въ кабакъ за водкой, да въ Свѣтлый праздникъ онъ съ другими малолѣтними каторжниками - ремесленниками пошатается на вонючемъ дворѣ, да можетъ постоять у воротъ, если не прогонитъ дворникъ. И вотъ теперь у этого мальчишки завелся грошъ, и онъ не проѣлъ его на пряникъ, не пропилъ на грушевомъ квасу, а видитъ — гонять коровушекъ и у пастуха какая-то большая дудка. Онъ ужъ слыхалъ ее. Захотѣлось ему удовлетворить высшей, эстетической потребности, такъ или иначе присущей всякому человѣку, и отдаетъ онъ свой послѣдній грошъ пастуху, чтобы далъ ему минуту, одну только

минуту, поиграть, хоть нѣсколько звуковъ выжать изъ этой, придавленной въ душной мастерской, дѣтской груди. Какое удовольствіе! какое наслажденіе! труба его звучитъ, онъ самъ на ней наигрываетъ, и корова-то замычала, — откликается ему по-деревенски. Вдругъ полицейскій блюститель городского порядка и тишины хватаетъ бѣднаго ребенка за вихоръ, отнимаетъ у него трубу, грозитъ ему... Да поймите же, сколько въ этомъ трогательнаго, какая это драма! Славный ребенокъ, бѣдный ребенокъ!»

Въ послѣдніе годы мнѣ случалось слышать, что Достоевскаго обвиняли въ гордости и пренебрежительномъ обращеніи не только съ людьми, мало ему извѣстными, но даже и съ тѣми, кого онъ давно и хорошо зналъ. Говорили, будто, проходя по улицѣ, онъ умышленно не узнавалъ знакомыхъ и даже, встрѣчаясь съ ними гдѣ нибудь въ домѣ, не отвѣчалъ на поклоны и иногда про человѣка давно ему извѣстнаго спрашивалъ: кто это такой? Можетъ быть, подобные случаи и дѣйствительно были, но мнѣ кажется, это происходило не отъ надмѣнности или само-

миѣнія, а только вслѣдствіе несчастной болѣзни и большею частію вскорѣ послѣ припадковъ. Кто былъ свидѣтелемъ жестокости этихъ часто повторявшихся припадковъ, видѣлъ и какіе слѣды оставляли они на нѣсколько дней, тотъ пойметъ, отчего онъ не узнавалъ иногда людей довольно близкихъ. Я помню вотъ какой случай. Когда я жилъ въ Павловскѣ, Ѳеодоръ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Мы пили чай. Только-что дочь моя подала ему стаканъ, онъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, запнулся, и я съ трудомъ дотацилъ его до дивана, на который онъ упалъ въ судорогахъ, съ искаженнымъ лицомъ. Его сильно било. Когда черезъ четверть часа онъ очнулся, то ничего не помнилъ и только проговорилъ глухимъ голосомъ: «что это было со мною?» Я старался успокоить его и просилъ остаться у меня почевать, но онъ рѣшительно отказался, говоря, что долженъ непременно воротиться въ Петербургъ. Зачѣмъ воротиться—онъ не помнилъ, но зналъ только, что нужно. Я хотѣлъ послать за извозчикомъ, но онъ и это отклонилъ.—Лучше пройдемъ пѣш-

комъ до вокзала; это меня освѣжить, говорилъ онъ. Мы вышли, когда уже было довольно темно. Квартира моя была у самага выѣзда на Колпинскую дорогу, такъ что намъ предстояло пройти черезъ весь паркъ, въ эти часы почти безлюдный. Не доходя еще до такъ называемой Сѣтки, Достоевскій вдругъ остановился и прошепталъ: «со мной сейчасъ будетъ припадокъ!» Кругомъ не было ни души. Я посадилъ его на траву у самой дорожки. Онъ посидѣлъ минутъ пять, но припадка, къ счастью, не было. Мы пошли дальше, но у самой лѣстницы, которая недалеко отъ дворца спускается къ мостикамъ черезъ Славянку, онъ снова остановился, и смотря на меня помутившимися глазами, сказалъ: «припадокъ! сейчасъ припадокъ!» — Однако-жъ и теперь обошлось тѣмъ, что мы минутъ десять просидѣли на скамейкѣ. И это повторялось еще раза два, прежде чѣмъ мы дошли до вокзала. Оттуда послалъ я сторожа на дачу за его родственникомъ, который тотчасъ же пріѣхалъ и проводилъ его въ Петербургъ. Когда, на другой день, я поѣхалъ навѣстить его, онъ былъ

слабъ, какъ будто послѣ болѣзни и въ первую минуту не узналъ меня. Я думаю, онъ самъ догадывался, что его напрасно подозрѣваютъ въ гордости.

По разсказамъ старшаго брата, Федоръ Михайловичъ еще въ дѣтствѣ былъ мальчикъ крайне впечатлительный и нервный, но въ послѣдствіи припадки должны были еще больше развить въ немъ чувствительность и раздражительность. Мнѣ кажется, они имѣли даже большое вліяніе на самый характеръ его творчества. Если, при жизненной правдѣ и психической вѣрности большей части созданныхъ имъ лицъ, особенно въ послѣднихъ сочиненіяхъ, на нихъ лежитъ печать какой-то болѣзненной фантазіи, если они представляются намъ точно сквозь какое-то цвѣтное стекло, въ странномъ колоритѣ, придающемъ имъ призрачный видъ,—то на все это, какъ и на его личный характеръ, дѣйствовала, безъ сомнѣнія, его несчастная болѣзнь, особенно развившаяся по возвращеніи изъ Сибири. Я увѣренъ, что близкіе друзья покойнаго Достоевскаго, которые знали его хо-

рошо и долго, согласятся со мною, что замѣтная въ немъ иногда несообщительность и рѣзкость вовсе не были слѣдствіемъ гордости или слишкомъ высокаго мнѣнія его о себѣ. Если теперь неловкіе почитатели сдѣлали изъ него какого-то обличительнаго пророка, то въ этомъ онъ вовсе не виноватъ. Для критической оцѣнки его воззрѣній и таланта факты готовы въ его произведеніяхъ, но собраніе матеріаловъ для его біографіи и подробностей къ опредѣленію его личнаго характера лежитъ на обязанности людей, которые знали его и сохранили о немъ память. Мнѣ кажется, изъ воспоминаній о немъ выступить такая же высокая личность человѣка, какъ и образъ высоко-талантливаго писателя.



Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей.

I.

Въ 1860 году Д. И. Калиновскій началъ изданіе ежемѣсячнаго литературнаго журнала «Свѣточъ» и пригласилъ меня завѣдывать его редакціей. Съ этого времени я особенно сблизился съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, котораго прежде изрѣдка встрѣчалъ въ литературныхъ кружкахъ и зналъ по его переводамъ изъ Шекспира и Байрона и особенно по критическимъ статьямъ въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. У него было не мало литературныхъ противниковъ, которые въ то время не умѣли или не хотѣли оцѣнить его самобытнаго критическаго таланта. Онъ не при-

надлежалъ ни къ эстетическимъ критикамъ, опиравшимся на одни только законы изящнаго, ни къ школѣ критики исторической, считавшей искусство прямымъ результатомъ жизни, а выработалъ свое собственное воззрѣніе, которое назвалъ органической критикой и основалъ на сліяніи жизни и искусства, подчиненномъ высшему идеалу. Съ обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ у Григорьева соединялось чувство красоты и сила глубокаго убѣжденія: читая статьи его, нельзя было не видѣть, что авторъ влагалъ въ нихъ всю свою душу, что его мысли и воззрѣнія, говоря его собственными словами, были его плотью и кровью. Съ перваго взгляда нѣкоторые мнѣнія его казались парадоксальными, но при внимательномъ изученіи вы невольно сознавали ихъ правдивость. И время вполне оправдало это. Не говоря о высказанныхъ имъ сужденіяхъ о Пушкинѣ, Тургеневѣ и другихъ русскихъ и иностранныхъ поэтахъ, довольно вспомнить, что онъ первый разгадалъ и оцѣнилъ значеніе Островскаго въ то время, когда одни изъ нашихъ критиковъ видѣли въ

немъ драматурга славянофильской школы, а другіе—послѣдователя обличительнаго натурализма Гоголя. Григорьевъ съ необыкновенной критической чуткостью понялъ истинный характеръ этого представителя русской драмы въ то время, когда тотъ еще не высказался во всей полнотѣ.

Личность Аполлона Александровича Григорьева съ перваго взгляда располагала въ его пользу. Его умное, чисто-русское лицо, открытый взглядъ, смѣлость въ сужденіяхъ и какая-то во всемъ искренность и непринужденность были очень симпатичны.

Желая пригласить его къ сотрудничеству въ порученномъ мнѣ журналѣ, я въ первый разъ поѣхалъ къ Григорьеву. Онъ жилъ въ небольшой квартирѣ, недалеко отъ Знаменской церкви. Я засталъ у него нѣсколько до тѣхъ поръ незнакомыхъ мнѣ лицъ и въ томъ числѣ А. А. Фета. Гости пили чай, а хозяинъ въ красной шелковой рубашкѣ русскаго покроя, съ гитарой въ рукахъ, пѣлъ русскія пѣсни. Голосъ у Аполлона Александровича былъ гибкій и мягкій,

и ему придавали особую красоту какая-то задушевность въ чувствѣ и тонкое пониманіе характера нашей народной поэзіи. На гитарѣ игралъ онъ мастерски. Этотъ, почти совсѣмъ уже забытый въ наше время инструментъ, въ его рукахъ прекрасно гармонировалъ съ русскими мотивами. Мы много говорили о Москвѣ, которую оба любили, и гдѣ прошли годы первой нашей молодости. Это послужило, между прочимъ, къ сближенію между нами. Григорьевъ охотно согласился участвовать въ «Свѣточѣ» и на другой же день привезъ мнѣ переведенное имъ стихотвореніе Байрона. Послѣ того мы видались часто.

Въ жизни Аполлонъ Григорьевъ былъ совершенный поэтъ романтической эпохи, т. е. не умѣлъ основательно позаботиться о своемъ матеріальномъ обеспеченіи. Еще въ то время, когда состоялъ на службѣ въ Москвѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ, по собственному сознанію, постоянно нуждался, а живя теперь въ Петербургѣ безъ мѣста, однимъ литературнымъ трудомъ, еще больше терпѣлъ недостатковъ и

подъ-часть даже сильно бѣдствовалъ. Изрѣдка только выпадали счастливыя полосы, когда, на примѣръ, онъ былъ однимъ изъ редакторовъ при журналѣ графа Кушелева-Безбородко «Русское Слово». Но и въ такіе періоды сравнительной обеспеченности онъ не выходилъ изъ долговъ, и не разъ по этому поводу переселялся на болѣе или менѣе продолжительное житіе въ долговое отдѣленіе, или такъ называемую тарасовскую кутузку. Тамъ поневолѣ онъ долженъ былъ отказываться отъ нѣкоторыхъ удовольствій, на какія обыкновенно тратилъ деньги. На свободѣ онъ не въ состояніи былъ работать регулярно, лѣнился по цѣлымъ недѣлямъ, не доставлялъ обѣщанныхъ статей къ условленному сроку и не любилъ писать по заказу, какъ бы ни были настоятельны его нужды. Но въ тарасовскомъ домѣ, за недостаткомъ развлеченій, онъ занимался усидчиво и высылалъ статьи въ редакціи съ необычайной для него въ другое время аккуратностью. Помню, однажды, М. М. Достоевскій, не получая долго отъ Григорьева какой-то обѣщанной работы для журнала «Вре-

мя», сказалъ ему шутя: «Знаете, Аполлонъ Александровичъ, что я придумалъ? Вамъ нужны деньги: я дамъ вамъ подъ краткосрочный вексель, посажу васъ за неплатежъ въ долговое отдѣленіе, и вы будете тамъ писать мнѣ славныя статьи. Неправда ли, хорошая мысль!»

Одинъ изъ такихъ финансовыхъ кризисовъ былъ у Григорьева въ концѣ перваго года изданія «Свѣточа». Часто бралъ онъ изъ редакціи деньги впередъ, по приблизительному расчету, за обѣщанныя имъ или доставленные, но еще не напечатанныя статьи. Наканунѣ новаго 1861 года получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ: «Я кончаю два довольно большихъ стихотворенія Байрона и зайду къ Вамъ съ ними сегодня въ семь часовъ. Ради Бога (если они вамъ, разумѣется, понравятся), дайте мнѣ за нихъ нынче же, т. е. когда я къ вамъ пріѣду и прочту, денегъ по четвертаку за стихъ. Отъ этого зависитъ — посадятъ ли меня завтра, т. е. въ новый годъ, въ долговое или нѣтъ!» Въмѣсто двухъ стихотвореній, онъ привезъ однако же только одно; это былъ пре-

красный переводъ «Прометея» Байрона, изъ котораго потомъ почти половина была отрѣзана цензоромъ. Гонораръ за эти стихи позволилъ Григорьеву встрѣтить новый годъ на свободѣ, но не спасъ его совсѣмъ отъ переселенія въ долговое отдѣленіе. 11-го января вечеромъ, я получилъ отъ него лаконическую записку слѣдующаго содержанія: «Я сажусь... Навѣстите меня какъ нибудь въ тарасовскомъ домѣ».

Въ долговомъ отдѣленіи Аполлонъ Григорьевъ былъ въ какомъ-то привилегированномъ положеніи и даже пользовался нѣкоторымъ почетомъ, напоминавшимъ положеніе мистера Доррита въ лондонской тюрьмѣ, въ извѣстномъ романѣ Диккенса «Крошка Дорритъ». Это зависѣло частію отъ того, что онъ уже былъ тамъ знакомъ и поселялся не въ первый разъ, а частію и отъ личности самого блюстителя несостоятельныхъ узниковъ. Это былъ добрый старичекъ, большой почитатель пишущей литературной братіи. Онъ смотрѣлъ на своего талантливаго заключенника съ нескрываемымъ уваженіемъ, оказывалъ ему возможное снисхо-

жденіе и давалъ разныя льготы, даже отпускалъ иногда въ городъ, на честное слово воротиться ночевать. Если нашего узника навѣщаль кто нибудь изъ литераторовъ, то старикъ позволялъ видѣться съ нимъ вмѣсто общей залы въ своей собственной квартирѣ и только просилъ позволенія самому присутствовать, какъ онъ выражался, «при умной бесѣдѣ господъ сочинителей». Когда мы съ М. М. Достоевскимъ пришли въ первый разъ навѣстить Аполлона Александровича въ заточеніи, его вызвали въ пріемную, гдѣ было въ то время нѣсколько другихъ узниковъ съ своими гостями: грузинская царевна въ золотой повязкѣ съ камнями, купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, франтъ съ предлинными усами въ бархатномъ пиджакѣ и еще кое-какія долговя личности съ сосредоточенными физіономіями. Мы едва успѣли оглядѣться, какъ смотритель, узнавъ наши фамиліи, немедленно разрѣшилъ намъ идти въ номеръ нашего пріятеля, а потомъ пригласилъ всѣхъ на чай въ свою квартиру. Старикъ видимо старался угодить намъ.

За чайнымъ столомъ Григорьевъ былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся, читалъ на память стихи Майкова, Полонскаго, Фета, и между прочимъ сказалъ, что намѣренъ воспользоваться временемъ настоящаго сидѣнья въ тавровкѣ и заняться литературной работой. Онъ обѣщалъ мнѣ приготовить нѣсколько статей для ближайшихъ книжекъ «Свѣточа». И въ самомъ дѣлѣ, 25-го февраля я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Обѣщанная статья «Объ идеализмъ и реализмъ по поводу изданій сочиненій Тургенева и Писемскаго» благополучно начата, благополучно продолжается и, вѣроятно, благополучно кончится къ средѣ. Ежели вамъ угодно получить ее, то прошу васъ прибыть ко мнѣ въ среду вечеромъ или въ четвергъ утромъ. Я ее вамъ прочту, а вы, если найдете ее соотвѣтствующею вашему журналу, вручите мнѣ впередъ, до окончательнаго разсчета по напечатаніи, пятьдесятъ рублей, такъ какъ она выходитъ болѣе одного листа съ четвертью. Четвертью придется доплатить за то, что мать наша цензура не пропустила въ «Прометей».

Статья дѣйствительно была кончена къ назначенному дню, что рѣдко случалось внѣ поощряющаго къ труду тарасовскаго дома.

По выходѣ изъ своего Патмоса, Аполлонъ Григорьевъ, стѣсняясь необезпеченною жизнью и постоянными лишеніями, вздумалъ поступить опять на службу и, при помощи нѣкоторыхъ знакомыхъ, успѣлъ получить мѣсто преподавателя словесности въ оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Пріятели, хорошо знавшіе его свѣдѣнія и обычаи, тогда же предсказывали, что онъ не долго проживетъ на этомъ казенномъ мѣстѣ. Прѣжнее его кратковременное учительство въ Москвѣ, въ Сиротскомъ домѣ и въ Первой гимназіи, показывало несовмѣстимость педагогическихъ занятій съ его характеромъ и образомъ жизни. Это не оттого, чтобы онъ былъ не подготовленъ къ нимъ: его знанія и умѣнье объясняться могли бы, конечно, вполне удовлетворить такому назначенію, но разсѣянность, неспособность подчиниться аккуратности и дисциплинѣ, необходимымъ при классныхъ занятіяхъ, дѣлали его совершенно неудобнымъ для

исполненія усидчивыхъ и регулярныхъ занятій преподавателя. Онъ слишкомъ дорожилъ независимостью, слишкомъ чуждался всякаго подчиненія и ограниченія своей свободы. И дѣйствительно, предсказанія его друзей сбылись: онъ и года не пробылъ въ Оренбургѣ. Самъ онъ потомъ говорилъ, что готовъ лучше просидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ каждый день ходить по барабану. Особенно не могъ онъ приучить себя вставать и одѣваться къ опредѣленному часу и нерѣдко вовсе пропускалъ утреннія лекціи. По возвращеніи въ Петербургъ, Григорьевъ нѣкоторое время былъ редакторомъ еженедѣльной газеты «Якорь» и участвовалъ въ критическомъ отдѣлѣ «Эпохи», которую, послѣ запрещенія журнала «Время», издавалъ М. М. Достоевскій, а потомъ братъ его, Федоръ Михайловичъ. Это были послѣдніе литературные труды Аполлона Григорьева; осенью 1864 года онъ скончался, выйдя незадолго передъ смертью изъ долгового отдѣленія, куда посаженъ былъ кредиторами за какую-то ничтожную сумму. Говорили, что на этотъ разъ его выкупила одна

дама-писательница, на условіи, чтобъ онъ исправилъ ея сочиненія.

Разсѣянность Аполлона Александровича Григорьева нерѣдко доводила его до весьма неловкихъ, а иногда и комическихъ положеній. Во время своего редакторства въ «Русскомъ Словѣ», онъ послалъ однажды въ типографію для набора, вмѣсто приготовленной статьи, какой-то случайно попавшій къ нему пасквиль на самого себя и продержалъ корректуру. Статью остановили уже другіе. Онъ самъ разсказывалъ случай, бывшій съ нимъ за границей, во время поѣздки съ семействомъ князя Трубецкого, при дѣтяхъ котораго онъ былъ гувернеромъ. Когда они пріѣхали въ Венецію и остановились въ отелѣ на Canal Grande, онъ вечеромъ вздумалъ прогуляться. Забывъ, что въ этомъ своеобразномъ городѣ мѣсто улицъ замѣняютъ каналы, и выходы изъ домовъ прямо опускаются въ воду, Григорьевъ отворилъ наружную дверь, шагнулъ, не осматриваясь, впередъ и попалъ на неожиданное купанье. Къ счастью, ему удалось схватиться за сваю, къ

которой у подъѣздовъ привязываютъ гондолы, и прибѣжавшіе на крикъ люди успѣли вытащить его изъ канала. «Это было мое первое плаваніе по лагунѣ!» говорилъ онъ.

Главной причиной бѣдственнаго положенія, въ которомъ постоянно находился Аполлонъ Григорьевъ, служила несчастная слабость, нерѣдко присущая очень даровитымъ русскимъ людямъ. Она, безъ сомнѣнія, значительно сократила и жизнь его. Тяжело было видѣть этого образованнаго и талантливаго человѣка въ такомъ ненормальномъ состояніи, что пужно было понимать и уважать его прекрасное дарованіе, чтобы помириться съ нимъ. Мнѣ случилось заставить его въ такія минуты, но и тутъ онъ не терялъ своей обычной веселости и свойственнаго ему добродушія. Однажды, когда я былъ у Мея и слушалъ его художественный переводъ «Еврейскихъ пѣсенъ», Аполлонъ Григорьевъ вошелъ противъ обыкновенія какъ-то тихо и незамѣтно. Онъ остановился въ дверяхъ, прислушался къ стихамъ, которые зналъ уже на память, и подойдя неровными ша-

гами къ Мею, прочелъ своимъ звучнымъ голосомъ:

„Милый мой, возлюбленный, желанный,
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?“

И, проговоривъ эти прекрасные стихи изъ библейской пѣсни, онъ осмотрѣлся, подошелъ къ мягкому дивану, служившему хозяину постелью, повалился на него и тотчасъ же заснулъ. Мы невольно расхохотались.

У Григорьева было много общаго съ Меемъ. Ихъ сближала и родственность художественнаго таланта, и горячая любовь къ искусству, и, наконецъ, одна и та же слабость и необеспеченность въ жизни. Нерѣдко они занимали другъ у друга деньги, если кошелекъ не былъ одинаково пустъ у того и другого. Однажды произошла вотъ какая сцена. Мей, въ минуту одного изъ своихъ денежныхъ кризисовъ, вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ перехватить рубль-другой у Григорьева, но оказалось, что и Григорьевъ въ это самое время былъ въ такомъ же точно печальномъ положеніи и от-

правился съ такою же цѣлью къ Мею. Они встрѣтились на Невскомъ проспектѣ.

— Я къ тебѣ, дружище.

— А я къ тебѣ.

— За грошами.

— И я за тѣмъ же.

— Значить, на мели?

— Да, и ты?

— Совсѣмъ.

— Скверно! Ну, пойдемъ... не встрѣтимъ ли на Невскомъ какого капиталиста!

II.

Съ Львомъ Александровичемъ Меемъ познакомился я также во время завѣдыванія редакціей «Свѣточа». Онъ жилъ тогда на углу Николаевской улицы и Колокольного переулка, недалеко отъ типографіи журнала и квартиры Д. И. Калиновскаго. Съ первой встрѣчи онъ привлекъ меня своими мѣткими сужденіями о тогдашнихъ коряфяхъ нашей литературы и скромными отзывами о собственныхъ сочине-

ніяхъ, съ которыми я былъ уже давно знакомъ. Подобно Аполлону Григорьеву, онъ высоко цѣнилъ нашу старую народную поэзію и древніе памятники языка и литературы; въ нихъ видѣлъ онъ лучшую школу для русскихъ писателей. Однажды, когда мы говорили о нашей народной поэзіи, онъ прочелъ на память то стихотвореніе Хомякова, въ которомъ поэтъ, вглядываясь въ ночное звѣздное небо, видитъ, какъ за ближайшими свѣтилами, въ необъятной глубинѣ его, открываются однѣ за другими тмы другихъ звѣздъ, незамѣтныхъ съ перваго взгляда. — «Вотъ такъ и въ нашей старой поэзіи, — замѣтилъ Мей, — чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ нее, тѣмъ больше находишь поразительныхъ сокровищъ русской мысли и слова!» И его сочиненія доказываютъ вѣрность этого поэтическаго сравненія.

Въ «Свѣточѣ» Левъ Александровичъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній и одну прекрасную повѣсть «Батя», которая, впрочемъ, значительно измѣнена цензурой. Съ этой повѣстью, помимо хлопотъ у цензора, вышелъ

еще забавный случай. Какъ-то вечеромъ, когда я сидѣлъ у Д. И. Калиновскаго, прибѣжалъ изъ типографіи наборщикъ съ испуганнымъ лицомъ и заявилъ, что факторъ напился пьянъ и бросилъ въ печь рукопись Мея, которая была въ наборѣ для ближайшей книжки журнала. Мы бросились въ типографію. Къ счастью, бѣда оказалась не такъ велика, какъ мы думали: повѣсть почти вся была уже набрана, и факторъ сжегъ нужныхъ только листа два изъ авторской рукописи. Но во всякомъ случаѣ дѣло вышло непріятное, и приходилось, не мѣшкая, обратиться къ самому Мею. Было уже часовъ девять, и я тотчасъ же къ нему отправился.

Я засталъ Льва Александровича въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на которомъ, кромѣ книгъ и бумагъ, стояла бутылка краснаго вина и сладкій кондитерскій пирогъ. Онъ лакомился имъ и, запивая виномъ, писалъ какое-то стихотвореніе на библейскую тему. Я объяснилъ ему непріятный случай съ его повѣстью, передалъ взятую мною изъ типографіи корректуру всего набора и просилъ,

если нѣтъ у него черновой рукописи, написать вновь окончаніе статьи, и притомъ не откладывая до другого дня, чтобы не задержать выхода книжки журнала.

— Три страницы, разбойникъ, истребилъ! сказалъ Мей, просмотрѣвъ корректуры и уцѣлѣвшую часть оригинала.—Я теперь весь ушелъ въ еврейскій мотивъ,—не знаю, наладится ли повѣсть.

— Что дѣлать! Перейдите какъ нибудь съ сіонскихъ высотъ въ русскую деревню.

— Попробую... Только вотъ устрицъ бы да бутылку шампанскаго...

— Что же русскаго въ шампанскомъ и устрицахъ?

— На всѣ мотивы вдохновляютъ.

— Если такъ, сейчасъ же пошлемъ.

— Отлично, батенька... Мы выпьемъ, а я сейчасъ и «Батю» закончу.

Черезъ полчаса принесли устрицы и шампанское. Мы выпили по стакану. Левъ Александровичъ просилъ, чтобы я остался у него, но мнѣ не хотѣлось мѣшать ему, и я ушелъ

опять къ Калиновскому. Въ одиннадцатъ часовъ Мей самъ пришелъ къ намъ и принесъ вновь написанное окончаніе повѣсти. Сколько помню, оно вышло нѣсколько короче, чѣмъ въ сожженной рукописи. Разумѣется, мы были очень довольны, что непріятное приключеніе благополучно кончилось.

Мей, какъ я уже сказалъ, жилъ въ то время, когда я съ нимъ познакомился, на Николаевской улицѣ, въ угловомъ домѣ. Очень приличная квартира его въ бельэтажѣ состояла изъ нѣсколькихъ высокихъ, свѣтлыхъ комнатъ. Большой, выходившій на двѣ улицы кабинетъ его былъ довольно порядочно меблированъ. По срединѣ стоялъ массивный письменный столъ, по стѣнамъ широкіе диваны, этажерки съ книгами. Но самой цѣнной вещью въ кабинетѣ былъ, по моему, шкафъ, не потому, чтобы онъ самъ по себѣ составлялъ изящную и дорогую мебель, или чтобы въ немъ хранились какія нибудь рѣдкости и замѣчательныя книги. Напротивъ, это былъ очень невзрачный крашеный ящикъ изъ простого дерева, который могъ

быть купленъ на Щукиномъ дворѣ за какіе нибудь пять рублей. Въ немъ и не хранилось ничего, кромѣ графина съ стаканомъ да кое-какихъ бумагъ. Но шкафъ этотъ былъ замѣчательнъ тѣмъ, что Мей сдѣлалъ изъ него свой литературный альбомъ. Дѣло въ томъ, что вся некрашенная внутренность его, между верхними полками, противъ дверцы и съ боковъ, исписана была прозой и стихами. Тутъ, по просьбѣ хозяина, всѣ знакомые литераторы посвятили ему на память по нѣскольку строкъ, и подъ этими автографами видны были имена многихъ представителей нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Повидимому, владѣлецъ этого оригинальнаго альбома очень дорожилъ имъ, потому что все написанное хорошо сохранилось: карандашъ бережно покрытъ былъ лакомъ, и я не видѣлъ ни одной стертой или полуизглаженной строки. Жалѣю, что я не догадался списать нѣкоторыхъ, особенно любопытныхъ посвященій.

Въ жизни Л. А. Мей былъ очень непрактиченъ. Деньги, получаемыя за сочиненія, тра-

тилъ онъ безъ всякаго разчета: у него водились иногда изысканныя гастрономическія лакомства и въ то же время не доставало самаго необходимаго въ хозяйствѣ. Однажды, напримеръ, захотѣлось ему устрицъ, а въ наличности было всего три рубля. Не задумываясь нисколько, онъ взялъ извозчика, поѣхалъ въ Милютинны лавки, купилъ устрицъ, вина и возвратился буквально безъ гроша, между тѣмъ какъ въ домѣ не оказалось ни куска хлѣба. Квартирю нанималъ онъ на своихъ дровахъ, а потому, при частомъ безденежьи, она не топилась иногда по нѣскольку дней. Какъ-то зимой зашелъ я ко Льву Александровичу во время сильнаго мороза. Меня еще въ передней предупредили, чтобы я не снималъ шубы, такъ какъ въ квартирѣ не очень тепло. Несмотря на это, я раздѣлся, но, войдя въ залу, почувствовалъ, что дѣйствительно не было возможности оставаться безъ верхняго платья. Въ кабинетѣ стоялъ такой холодъ, что отъ дыханья паръ подымался столбомъ. Мей ходилъ взадъ и впередъ, окутанный сверхъ пальто черной турецкой шалью.

— Холодненько? спросилъ онъ меня.

— Не жарко, отвѣчалъ я.

— Надѣньте-ка шубу, а я сейчасъ распоряджусь.

Онъ предложилъ мнѣ стаканъ вина, потомъ позвалъ дѣвушку и приказалъ ей сходить за дворникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ мужикъ въ нагольномъ тулупѣ, шагая мокрыми сапогами по паркету, вошелъ прямо въ кабинетъ.

— Холодно нынче? спросилъ его Мей.

— Морозно, Левъ Александровичъ! отвѣчалъ дворникъ, потирая руки.

— Топоръ принесъ?

— Какой топоръ!

— Ну, чѣмъ дрова рубишь.

— Да на что-жъ онъ вамъ?

— А вотъ изрубить этотъ шкапъ! сказалъ Мей, показывая на свой интересный альбомъ.

— Для чего-жъ его рубить?

— Для того, чтобы затопить каминъ.

— Что вы, Левъ Александровичъ! Какъ же можно на это хорошій шкапъ порѣшить. Я

ужъ лучше вамъ дровецъ принесу, отъ другихъ жильцовъ возьму. Мы вашей милостью довольны. А то этакую вещь портить!

— Ну, такъ орудуй живѣе.

Не знаю, серьезно ли думалъ Мей уничтожить свой интересный шкафъ, отъ чего, конечно, я отговорилъ бы его, или это было только фальшивый маневръ, чтобы добыть какънибудь топлива для камина. Последнее, кажется, вѣрнѣе. Дворникъ скоро принесъ порядочную охапку дровъ, и хозяинъ налилъ ему стаканъ вина.

— Водочки бы лучше, Левъ Александровичъ, сказалъ мужикъ.

— Самъ выпилъ бы, да нѣтъ. Бери, что даютъ.

Подобнаго рода сцены случалось мнѣ видѣть нерѣдко. Разъ я засталъ его въ потьмахъ, потому что не было свѣчи, и комната освѣщалась только слабымъ отблескомъ уличныхъ фонарей. А между тѣмъ на столѣ было вино и дорогія дюшессы.

Въ шестидесятихъ годахъ въ Петербургѣ

были въ большомъ ходу литературно-музыкальныя вечера и утреннія чтенія, которыя устраивались обыкновенно съ какой нибудь благотворительной цѣлью. Мнѣ не разъ случалось участвовать въ нихъ. Публика очень усердно посѣщала эти чтенія-концерты, и часто большія залы въ Благородномъ собраніи, въ домѣ Бенардаки и въ нѣкоторыхъ клубахъ были биткомъ набиты посѣтителями. Особенно много сходились въ тѣ дни, когда на афишѣ стояли имена Тургенева, Некрасова, Майкова, О. Достоевскаго. Послѣдній, возвратясь изъ ссылки, пользовался тогда большимъ сочувствіемъ и возбуждалъ любопытство и участіе. Эпизоды изъ «Мертваго дома», въ которыхъ онъ описывалъ каторжный острогъ, при его выразительномъ чтеніи, производили сильное впечатлѣніе. И кто не желалъ выслушать разсказа о темномъ и страшномъ бытѣ каторги изъ устъ даровитаго литератора, который самъ провелъ четыре года въ ссылкѣ, среди всякаго рода преступниковъ и несчастныхъ? Самая фигура Достоевскаго, съ кроткимъ и мрачнымъ

выраженіемъ на страдальческомъ лицѣ, и его нѣсколько глухой, но трогаящій голосъ сильно дѣйствовали на публику. Невольно приходило на умъ сравненіе его съ Дантомъ: онъ казался выходцемъ изъ того сибирскаго ада, который знали только по неяснымъ слухамъ. Обыкновенно на чтеніяхъ его встрѣчали и провожали сочувственными рукоплесканіями. Помню также, что на одномъ изъ такихъ литературныхъ вечеровъ, въ залѣ второй гимназіи, въ числѣ участниковъ былъ П. Л. Лавровъ. Онъ читалъ довольно длинную статью объ Амвросіи Медіоланскомъ, которая замѣтно всѣмъ наскучила своими утомительными подробностями. Смотря тогда на этого скромнаго артиллерійскаго офицера съ розовымъ, улыбающимся лицомъ и мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, едва ли кто могъ подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ изъ него выйдетъ безпокойный агитаторъ, политическій фанатикъ и неисправимый коммунаръ. Въ музыкальной части литературныхъ вечеровъ участвовали многіе извѣстные артисты — Никольскій, Леонова, Пуни, Зейфертъ, Цабель и др.

Аполлонъ Григорьевъ и Мей не любили публичныхъ литературныхъ чтеній. Первый, сколько я знаю, вовсе въ нихъ не участвовалъ, а послѣдній, кажется, разъ только и былъ на подобномъ вечерѣ, и то потому, что его успѣли уговорить близкіе его друзья. Это было, если не ошибаюсь, въ залѣ первой гимназіи, и чтеніе не обошлось безъ забавнаго скандала. На афишѣ, въ послѣднемъ отдѣленіи, между прочимъ значилось, что Л. А. Мей прочтетъ стихотвореніе собственнаго сочиненія, но не показано было — какое именно. На предварительномъ соглашеніи, онъ самъ еще не рѣшилъ, что предполагаетъ прочесть. Публики собралось довольно много, и вечеръ шелъ какъ слѣдуетъ: играли, пѣли, читали. Наконецъ дошла очередь до Мея. Онъ долго не выходилъ въ залу, потому что, какъ узнали мы послѣ, забрелъ въ какую-то отдаленную комнату, гдѣ и нашли его за бутылкой вина съ другимъ литераторомъ, который уже кончилъ свое чтеніе въ первомъ отдѣленіи. Взойдя

на кафедру, Мей обвелъ глазами слушателей и остановился, какъ будто что припоминая.

— «Давиду Іереміемъ»,— проговорилъ онъ медленно и началъ читать:

На рѣкахъ вавилонскихъ
Мы сидѣли и плакали, бѣдные,
Вспоминая въ тоскѣ и слезахъ
О вершинахъ сіонскихъ...

Онъ проговорилъ еще стиховъ пять, остановился, провелъ рукою по бровямъ, и откинувъ назадъ свои густые волосы, сказалъ:

— Не взывайте, господа! Я это стихотвореніе забылъ, а книжки съ собой не взялъ... Все равно: прочту что нибудь другое.

Съ минуту стоялъ онъ въ раздумьи, потомъ сдѣлалъ выразительное движеніе рукой и сталъ декламировать съ видимымъ одушевленіемъ:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Подгородная, поселная, попольная,
Непогодю, невзгодю повитаю...
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!..

Мей снова остановился и, ни мало не смущаясь, сказалъ:

— Дальше не помню! Позвольте... что бы такое взять?

Въ рядахъ слушателей раздался смѣхъ, но повидимому никто не претендовалъ на забывчиваго поэта. Онъ самъ добродушно улыбнулся и продолжалъ:

— Кажется, теперь прочитаю: недавно писалъ... вѣроятно, не забылъ... вотъ что:

Какъ наладили: „дуракъ,
Брось ходить въ царевъ кабакъ!“
Такъ и ладятъ все одно:
„Пей ты воду, не вино;
Вотъ хоть рѣчкѣ поклонись,
Хоть у быстрой поучись“.
Ужъ я къ рѣченькѣ пойду...

— Нѣтъ, господа, и этого не припомню... Извините!

Онъ сошелъ съ кафедры и направился къ выходу изъ залы. Раздались рукоплесканія, хохотъ, крики «браво!», вызовы; онъ остановился въ дверяхъ, улыбнулся и махнулъ рукой. Публика была очень довольна этимъ забавнымъ происшествіемъ. Его проводили дружными аплодисментами.

Отношенія Л. А. Мея къ литературнымъ со-

братіямъ были всегда пріязненныя: онъ радовался всякому успѣху начинающаго писателя и не любилъ обличительной критики въ журналахъ даже на людей не сочувственнаго ему направленія. Въ литературныхъ спорахъ онъ рѣдко принималъ участіе и при этомъ обыкновенно старался найти хорошую сторону въ томъ, противъ кого высказывались рѣзкія обвиненія. Для него дороже всего было искусство, и въ воззрѣніи на него онъ близко сходилъ съ покойнымъ Дружининымъ. Современные общественные вопросы мало занимали его, а политическими событіями онъ интересовался еще меньше. Когда заходилъ, бывало, разговоръ на подобную тему, онъ или уклонялся отъ него, или старался свести его на литературу. Въ послѣднее время матеріальное положеніе его значительно улучшилось, и онъ могъ посвятить себя поэзіи, не прибѣгая къ обязательной работѣ въ журналы. Но, къ сожалѣнію, ему не долго пришлось этимъ пользоваться. Мей умеръ въ пору полного развитія таланта, и нѣтъ сомнѣнія, еслибы ему суждено

было жить дольше, онъ обогатилъ бы еще русскую литературу не однимъ самобытнымъ произведеніемъ и не однимъ художественнымъ переводомъ классическихъ поэтовъ. Онъ думалъ, между прочимъ, перевести весь «Потерянный рай» Мильтона. Судя по напечатаннымъ отрывкамъ, это былъ такой капитальный трудъ, который слѣдовало бы поставить на ряду съ переводами гомеровскихъ поэмъ Гнѣдича и Жуковского.



СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ	1
Д. И. Языковъ	25
Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ	52
Иринархъ Ивановичъ Введенскій	62
Знакомство съ О. И. Сенковскимъ	82
Я. П. Бутковъ	105
Знакомство съ А. И. Герценомъ	132
Оедоръ Михайловичъ Достоевскій	167
Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей	250

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

во книжных магазинах „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ А. С. Суворина: въ Петербургъ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повесть. Ц. 1 р.	Введеніе. Торговля и отношенія Ихъ субъекты (до товариществъ) Ц. 2 р.	Съ бальнеологическою картою Ц. 2 р. 50 к.
— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ Ц. 1 р.	БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ профессоромъ Тюбингенскаго университета Часть I Съ 165 рисъ и 2 раскраш. картами. Ц. 1 р.	БОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРЛАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго департамента Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.
— Драмы. Томъ I. Слобода Неволя — Фролъ Скабѣевъ. — Каширская старина — Темный и Шеняка Ц. 3 р.	БИБИКОВЪ, В. Маруся. — Старый портретъ. — Первая побѣда. — Мыслитель. — Изъ дневника — Литературный вечеръ — Забытая тетрадь. Рассказы. Ц. 1 р.	БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.
АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и рассказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.	АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Ц. 2 р.	— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I) Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. (съ текстомъ законовъ по новому официальному изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.) Спб. 1889. Ц. 6 р.
АНТОНОВЪ, А. Врачъ. Общедоступная гигиена. Ц. 75 к.	БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапия Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Виннигеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со мною. рисунки Изд. 5-е Оставшіеся язв. продаются по пониженной цѣлѣ въсто 4 р. 50 к за 3 р.	— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I) Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассацион. департамента Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.
АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія Къ картѣ прилагается особая книгою «Словарь писателей древняго периода русской литературы» (862—1700 г.) Издавъ подъ ред. О. Ө Миллера, проф. Спб. ун-ва. Ц. 2 р.	БЫНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ Пер. съ франц. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.	— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената Вып. 1-й (Общая постановленія). Ц. 1 р. 50 к.
АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.	ВЛАГОВО, Д. Рассказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.	— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.
ВАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладельцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебнаго зав. Ц. 2 р. 50 к.	БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Араческинина. Ц. 2 р.	— То же. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.
ВАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I.	БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія	

— То же Вып 4 й (По
рядокъ производства въ
общ. судѣхъ мѣст. Прод.
ст 566—791) Ц 1 р 50 к
— То же Вып 5 й
(Порядокъ производства
въ общ. суд. мѣстахъ
Прод. ст 792—923) Ц
1 р 75 к
— То же Вып 6 й
(Порядокъ производства
въ общ. суд. мѣстахъ.
Прод. ст 924—1281) Ц
1 р 50 к
— То же Вып 7 й (Окон
чаніе ст 1282—1824, и
приложенія) Ц 2 р
— Дополненія (рѣше
нія, опубликованныя во
время печатанія предъ
выпускомъ и продолже
ніе 1886 г.) Ц 1 р
— Уставъ гражданскаго
судопроизводства съ объ
ясненіями по рѣшеніямъ
Гражданскаго Кассацион
наго Департамента Пра
вительствующаго Сената
Изданіе переработанное
помѣщенными въ I-мъ из
данія объясненія изло
жены въ болѣе СЖА
ТОМЪ видѣ и введены
НОВЫЯ объясненія —
Цѣна 6 р., съ перес 7 р
— Афанасій укава
тель объясненій къ Уста
ву Гражд. Судопроизвод
ства (Общій для I и II
изданій) Ц 50 к
БОРОДИНЪ, А П Его
жизнь, переписка и музы
кальныя статьи (1834—
1887) Ц 1 р 50 к
БОРОЗДИНЪ, К А За
кавказскія воспоминанія
Минирелія и Сванетія съ
1854 по 1861 г. Съ 5 пор
третами Ц 2 р
БУДГАКОВЪ, Ф И Ху
дожественная энцикло
педія (Иллюстрирован
ный словарь искусствъ
и художествъ) Т I Ц 3
р., въ пакѣ 3 р 25 к
— То же Томъ II Ц 3 р.,
въ пакѣ 3 р 25 к
БУРГНИНЪ, В Лите
ратурн. дѣятель Туре
нева Съ портретъ И С
Тургенева Изд 2-е Ц
1 р 25 к
— Критическіе очерки
и памфлеты Ц 1 р 25 к
— Изъ современ. жизни
Федотопныя рассказы
Маститато Беллетриста
Ц 1 р 50 к
— Былое Стихотворе
нія Ц 1 р 75 к
— Стрѣлы Стихотво
ренія Изд 2-е, дополнен
ное новыми стихотворен
Ц въ перепл 1 р 50 к
— Пѣсни и шаржи Но
вые стихотворенія Ц
1 р 50 к
— Мертвая нога Та
инственный процессъ —
Романъ въ Кисловодскѣ
Рассказы Изд 3-е Ц 1 р
— Критическіе этюды
(Тоголь — Гончаровъ —
Биографія и письма До
стоевского — «Власть
тѣмъ» гр Толстого —
Журнальный походъ про
тивъ гр Толстого — Лер
монтовъ — Памяти Пуш
кина — Лайбъ Успенскій)
Ц 1 р 50 к
— Смерть Агриппины
Драма въ 5 ти дѣйств
Ц 1 р
ВЪЖЕЦКИЙ, А Н Пу
тевые наброски Въ стра
нѣ мантильи и каста
нъетъ (За Пиринскими —
Мадридъ — Севилья —
Гренада — Визрицъ —
Парижъ) Ц 1 р 25 к
— Военныя войны —
Святочныя рассказы Ц
1 р 50 к
ВЪЖЕЦКИЙ, А Н На
пути Рассказы и очерки
Ц 1 р 50 к
— Дѣтская любовь По
вѣсть Ц 1 р
ВЪЛЯЕВЪ, А П Запи
ски декабриста (1803 —
1850) Ц 2 р
ВЪКЕРЪ, САМУЭЛЬ
Выброшенные моремъ
Романъ для юношества
Переводъ съ англ. Съ
иллюстраціями Навелен
бумагъ Ц 2 р
ВЪРЪ, МИХ Струнное
Тр въ 5 ти д въ стих

и Цроаъ Перевъ съ нѣм
А Н Плещеева Ц 1 руб
ВАНЪ ДЛНЪ-БЕРГЪ
Краткая исторія Востока
(египтянъ, ассириянъ, ва
вилонянъ, мидянъ, перс
совъ и финикийцевъ) Съ
24 гравюрами и зиньет
ками Ц 60 к
ВЕРНЪ ЖЮЛЬ Путе
шество въокругъ свѣта въ
80 дней Съ 55 ю рисун
ками Ц на вел бум 2 р
— Дѣти капитана Гран
та Путешествіе въокругъ
свѣта Въ 3 хъ частяхъ
Съ 167 рисунъ Изд 2-е
Ц 3 р На вел бум 5 р
— Приключенія капит
тана Гаттераса Съ 253
рисунками Ц 2 р 50 к
На велен бум 4 р
— Плывающій городъ
Съ 25 рис 160 стр Ц 1 р
На велен бум 1 р 50 к
Путешествіе въокругъ
луны Съ 43 рис Ц 1 р
25 к На велен бум 2 р
— Восемьдесятъ тыс
верстъ подъ водой Пу
тешествіе подъ волнами
океана Въ 2 частяхъ, съ
107 рисунками Ц 3 р
— Приключенія трехъ
русскихъ и трехъ англи
чанъ Съ 51 рис Ц 1 р
50 к
ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД
Естественная исторія
племенъ и народовъ Со
множество иллюстрацій
Сочиненіе это, заключа
ющее въ себѣ исторію
развитія культуры пле
менъ и народовъ земного
шара, иллюстрировано
художникомъ Келлеръ
Лемингъ иеромъ типъ
раств, предметы ихъ до
машняго быта, и пр 2
большихъ тома, 1418
стр Ц 15 р
ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ
Ганзеены (Die Bruder
der Hanse). Истор. ром.
Съ иллюстраці Ц 1 р
ГЕБСТИ Введеніе въ
науку Ц 30 к
ГЕТЕ, его жизнь и по
сранныя стихотворенія

- 2-е дополн. изд. Ц. в издании. перепл. 1 р. 60 к.
- ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.
- ГОМЕРЪ. Илиада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.
- ГОМЕРИИАС. Pans I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- Pans II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- ГОМЕРИ ОДYSSE A. Pans I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- Pans II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.
- ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.
- Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чесезовъ. Ц. 1 р.
- ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.
- ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. И. На Индію при Петрѣ I. — Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.
- Княжна Тараканова. Историч. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.
- Мировичъ (1762 — 1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.
- Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.
- ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Женъ артистовъ. Очерки правовъ. Ц. 40 к.
- ДРУЖИНИНЪ, А. Иолыбка Саясъ. Повѣсть. Ц. 50 к.
- ЕВРЕЙНОВЪ, В. Гражданское чиновничество въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 1 р.
- ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.
- Тяжелая память прошлаго. Разсказы дѣлъ Тайной канцелар. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисун. Ц. 1 р., въ наклей 1 р. 25 к.
- ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.
- Сусальныя звѣзды. Книга раздора. Ц. 1 р.
- ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.
- ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ИВАНОВЪ-КЛАСИЧЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожные письма. Ц. 1 р.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Панамакера и Матте въ Паризѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Кюсса и Хельма въ Штуттгартѣ, Зубанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавные буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.
- ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. История Петра Вел.» и включаетъ въ себя до 500 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.
- ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.
- ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.
- КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. табличками. Сиб. 1888. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
- Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растений. Со многими рисун. Ц. въ изычномъ переплетѣ 3 р. 50 к.
- Черная семья (Штицъ вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. табличками. Ц. 25 коп.
- КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтописъ петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.
- КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.
- Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. издан. Ц. 2 р.
- Родовыя прозванія

и титуламъ въ Россіи и
сильные нисодеи съ
русскими. Ц. 1 р.
— Историческія повѣ-
сти. I. Переполохъ въ
Петербургѣ. — II. Лимонъ.
Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ.
Сборникъ очерковъ и раз-
сказовъ Г. Андерсена, А.
Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мо-
нассана, Ж. Рамсена и
Захеръ-Мазоха. Переводъ
А. Н. Чулинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карна-
валъ короля Геронима.
Историч. романъ. Пер.
съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д.
Молодой раджа. Рассказъ
изъ жизни и приключе-
ній въ Индіи. Съ 44 рис.
Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КНАКФУСЪ. Рем-
брандтъ Очеркъ его жиз-
ни и произведеній. Съ 155
снимками съ картинъ,
гравюръ и рисунковъ
Рембрандта. Пер. съ нѣм.
Ц. 5 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И.
Черниговка Быль второй
половины XVIII вѣка.
Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историче-
ская хроника. Ц. 2 р.
КОЛОКОЛОВА, М.
Письма матери къ мате-
рямъ. Цѣна 40 к.

КРАУЗЕ, Вл. Гоме-
ровскій словарь (къ Или-
адѣ и Одиссеѣ). Съ 130
рисунками въ текстѣ и
картою Трои. Ц. 1 р.
50 коп.

КРАМСКОЙ, И. И. Его
жизнь, переписка и ху-
дожественно-критическія
статьи. 1837 — 1887. Съ
факсимиле и 2 портре-
тами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сель-
скомъ хозяйствѣ, 3-е из-
даніе, и дополн. изданіе.
Выпускъ I. Ц. 60 к.

КРЕНКЕ, В. Азбука
для народныхъ школъ.
Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКИЙ, ВСЕ-
ВОЛОДЪ Дѣдм. Истори-
ческая повѣсть изъ вре-
менъ Императора Павла I.
Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у амира
Бухарскаго. Съ 3-ми пор-
третами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКИЙ, В.
(Псевдонимъ) Обязанно-
сти. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
— Повѣсти: Томъ I.
Старыя дѣвы. — Стоячая
вода. — Пансионерка. —
Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II.
Матери. — Домашнее дѣ-
ло. — Два памятные дня. —
Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти Томъ III.
Семья. — Испытаніе. —
Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти Томъ IV.
Идеалы и фразы — Дене-
женская исторія. — Днев-
никъ сельскаго учителя.
Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки.
Книга первая За стѣ-
ною. — Вра. — На вече-
рѣ. — Недописанная тет-
радь. — Старый портретъ,
новый оригиналъ. — Ста-
рое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки.
Книга вторая Нѣсколько
лѣтнихъ дней. — Въ до-
рогѣ. — Разговоръ. — До-
брое дѣло. Изъ связи пи-
семъ, брошенной въ огонь.

Сцены I. Утренній ви-
зъ. — II. У жениха и
невесты. — III. Для дѣт-
скаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица.
Романъ въ 5 частяхъ.
Изданъ 3-е, вновь просмо-
трѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ.
въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ ста-
рые годы. I. Свободное
время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ ста-
рые годы. II. Кто-жъ
остался доводить? Ром.
Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ ста-
рые годы. III. Послед-

нее дѣйствіе комедіи. Ром.
Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850 —
1881 (Анна Михайлов-
на — Послѣ потопа — Здо-
ровье. — Прощаніе). Ц.
1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В.
I. Ранняя гроза. — Испы-
таніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Въ жизни —
Уголки театральнаго мір-
ка. Ц. 1 р. 50 коп.

КРОТКОВЪ, В. Пыр-
кинь и Чепуркинь — По-
слѣдняя жертва катастро-
фы — Во время войны —
дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣрен-
ный. — Гладія взятіи —
Первобытное состояніе.
Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ
упражненіямъ учебника
французскаго языка Д.
Марго. Изд. 5-е, испра-
вленное. Ц. 35 к.

ЛАУБЕ, Графиня Ша-
тобріанъ. Истор. романъ.
Ц. 2 р.

ЛЕВБЕКЪ, Д. Ж. Му-
равьи, пчелы и осы. На-
блюденія надъ нравами
общественныхъ пере-
пончатокрылыхъ. Пере-
водъ съ 5-го англійскаго
изданія Д. В. Аверіева.
Съ приложеніемъ статьи
переводчика «Муравьи-
ные слѣды» Съ рисунка-
ми въ текстѣ и 5-ю хро-
молит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО.
Нашъ языкъ. Общій об-
зоръ важнѣйшихъ явле-
ній въ области исторіи,
искусства, науки и про-
мышленности въ теченіе
последняго столѣтія. Со-
мног. портретовъ госу-
дарей, полководцевъ, го-
суд. людей, ученыхъ, по-
этовъ, антараторовъ, пу-
тешественниковъ, изо-
брѣтателей, рисунковъ,
снимковъ съ марганъ из-
вѣстныхъ художниковъ
Пер. съ нѣм. in-8. Два

большаго тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕНДЕРЪ, Н. На Волгѣ. Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обзорныя (Волжскій Слутникъ). Ц. 60 к.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. под ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Подписная цѣна 20 р.

— Сказъ о тульскомъ дѣвшѣ о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шеремуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛЮБАНЪ, воишебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій. (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова наизъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахаль-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Материаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МАГАФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАДСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Варо-ломсевичская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Кармень. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ времени Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Рассказы изъ обитденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОНИТАЮЩІЙ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинкахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 28 р.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 43 р., съ зол. обрѣзомъ 45 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, рассказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и прогрессомъ. Письма къ «Новое Время» изъ Константинополя, Иамиды, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Д. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостината двора. Картины правовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Сокомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Сочиненіе автора «Современной Россіи». Ц. 3 р.

НЕВЪДЪНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святая

горы (Русскій Аѳоузъ). Очерки и вѣст. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Цари биржи (Капново племѣ въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Стихотворенія Иваницы изданныя томъ. Ц. 2 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Кама и Уралъ. Очерки и впечатленія. Ц. 3 р.

— ?—ОЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день. — Женитьба Глугина. — На порогахъ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Сиб. университета въ пользу нуждъ студ. и слух. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА и ОХОТНИКИ. Рассказы Исконича. Ц. 2 р.

ПАСЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПЕЛЛИКО да Салуддо. Мои темизмы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОВЪ, Г. Андреевскіе Компенъ. Рассказъ изъ Византии. ист.

Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕЩЕЛЪ. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Пстри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирилло-

- фомъ. Выход. выпусками. Ц. каждого выпуска 1 р.
- ПИСЬМА графа П. Василъ. Лондонское Общество. — Визское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЛЕЩЕВЪ, А. Н. Подсѣжники. Стихотворения для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.
- Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гоняру). Ц. 80 к.
- ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.
- Записки. 1 т. 881 стр. Съ указателемъ личностей и съ 2-мя портретами. Ц. 3 р.
- ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская въ XV вѣкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворения, съ библиографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50 к.
- ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной повѣсти. Сборникъ стихотворений и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.
- П.—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собрание прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рождения до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.
- ПОЭ, ЭДГАРЪ Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійск., въ 1 т. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ. СЪВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія. — Эстляндская губ. — Финляндия. — Олонецкая губ. — Архангельская губ.) Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОЦОВА. Ц. въ пер. 3 р.
- Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ. — С.-верозанадіи губ. — Привислинскія губ. Царство Польское) Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.
- ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для этого труда служили не одни только русскія и иностр. сочиненія, но и паустныя рассказы петербургскихъ старожиловъ. Въ книгѣ 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петерб. мѣстности, здания и типы въ разныя эпохи, а также портреты историч. лицъ и бытовые сцены. Съ приложеніемъ указателя личностей именъ и мѣстностей, зданий и проч. Ц. 8 р., въ издѣл. переплетъ 9 р. 20 к.
- То же, удешевленное изданіе. Съ 122 гравюрами. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.
- Драгоценныя камни, ихъ свойства, мѣсто нахождения и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изданіе. Ц. 2 р. 50 к.
- Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.
- РИШЕ, III. Соннамбулязмъ, демонізмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.
- РОЗЕНТАЛЬ. Общая мифическая и нервная физиология. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.
- РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.
- РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 26 большихъ тома Ц. 10 р.
- РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собрание портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ биографіями (фотографии съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествахъ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими биографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полнымъ экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.
- РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
- САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія лѣмечной литературы. Ц. 60 к.
- САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство Историч. ром. (1762 г.) Изд. 2-е. Ц. 4 р.
- На Москвѣ Истор. ромъ изъ времени чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.
- Атаманъ Усти. Поволжская быль. Ц. 2 р.
- Поэтъ-наимѣстникъ 1785—1788. Ц. 1 р.
- Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.
- САМСОНОВЪ, Л. И. Пережитое. Мечты и рассказы русскаго актера (1860—1878). Изданіе на двойной бум. Ц. 2 р.
- САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народы, дѣвья — Праздники и обряды. Ц. 75 к.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижие. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСВЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ К. А. Новые путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія БОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У при-
стани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На пороѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Рассказъ. Ц. 50 к.

— Страшная исторія доктора Джиллиа и Мистера Хайда (Strange Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повесть (Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повесть для юношества времени войны Алой и Вѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медя. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе. — Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. — А. Н. Радищевъ. Ц. 3 руб.

— Тоже. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ. — Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарь Новикова 1772 г. — Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I. — Приложенія: Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. — Подмихическія статьи Пушкина. — Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. — Князь П. А. Вяземскій. — П. А. Полежаевъ и его журналъ «Московский Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-лѣтнихъ годахъ). Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто

въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. (Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Кламенсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома Перевъ. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Флинна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе рассказы. Пер. съ англ. Ц. 50 коп.

ТРИГОВЪ, В. Община и податъ. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ С. Пупкипъ въ русской критикѣ. (1820—1880). Ц. 2 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Рассказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнерусская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФОФАНОВЪ К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій гравертъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука писка. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ попр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учреждений отъ древнѣйшаго времени до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибиря. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисун. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Рассказы (Счастье. — Тифъ. — Ванька. — Свирѣль. — Перекаши-поле. — Задача. — Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ. — Письмо. — Поцѣлуй). Изд. 3-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шенши, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 13 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. въ изящ. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основныя морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маиорна. — Лег-

кія средства. — Кручина. — Фофанъ. — Прахомъ пошло!). Ц. 1 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣм., дополн. библиограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИПДК, В. Госпожа Бухгольцъ на Востока. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похождения, заблужденія и разочарованіе. — Въ горахъ Кавказа. Картины минеральныхъ явлений. Ц. 1 р.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., рассказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭДЬПЕ. Калейдоскопъ, изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и прикѣпленія въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872—1888. I т. 522 стр. Ц. 2 р.

ӨЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современнаго Испаніи 1884—1885. I т. 622 стр. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Рассказы. Ц. 1 р.

ДЕНЕВАЯ БИБЛИОТЕКА.

АБЛЕСИМОВЪ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Ц. 8 к.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбравныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к.

БАЙРОНЪ, хордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к.

ВОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ волин. стихахъ. Ц. 15 к.

БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5-ти дѣйств. Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к.

— Севильскій цирюльникъ или безполезная осторожность. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Пер. А. Чудинова. Съ біографіей автора. Ц. 15 к.

— Бѣжепскій А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волею. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 коп.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОВДОВЪ, А. С. Горько отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 9-е. Ц. 10 к.

ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біограф. и портр. автора. Ц. 15 к.

ДАНИЛЕВЪ-ЖИ, Г. П. Историческіе рассказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 8-е изданіе. Ц. 20 к.

— Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тянь прайда. Ц. 10 к. — Кн. II. Дядовъ лѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к.

ДЕЛВИГЪ, А. баронъ Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливъ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. Видные люди. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 коп.

ДМИТРИЕВЪ, И. Сказки, басни и аполло. Съ портретомъ и биографіей автора. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

ЕВРИПИДЪ. Медея. Драма. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

ЕВРИПИДЪ. Гипнолитъ. Трагедія. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

ДРЕВНІЯ греческія сказанія. Походъ Аргонавтовъ. Съ рисунками. Ц. 10 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и биографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.
— Письма русскаго путешественника. Со статьей О. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства русскаго. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, прованіемъ Донской. Ц. въ перепл. 30 к.

— Царствованіе Феодора Ивановича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Дмитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.
— Царствованіе Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Василия Ивановича Шуйскаго и междоусобице. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Иоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. I. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Иоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. II. Ц. въ перепл. 50 к.

— Исторія государства Россійскаго. Томъ I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX. Ц. каждого тома 20 к.

КОЗЛОВЪ, И. Три поэм. Ц. 15 к.

КВИТКО - ОСНОВЬЕНЕНКО. Гр. Ф. Панъ Халынский. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старица. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КОТЛЯРЕВСКИЙ, И. П. — Москва-Чаривныкъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 коп.

— Наташка Полтавца. Малороссійская опера въ 2-хъ дѣйств. Ц. 7 коп., въ папкѣ 15 коп.

— Енеида, переизданная на малороссійскій языкъ. Ц. 20 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я (Авдотья Лихоничка.—Купецъ Калустинъ.—Прокуроръ).—Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сумкѣ.—II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ф. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я (Повѣмента.—Новый годъ). Съ

гравюрой: Солдаты петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я (Чернышевскій миръ.—Осталь и Ульяна.—Старый хламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Книга 5-я (Запорожцы. Истор. бѣлыя времена Енастерны Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к.

— Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно.—Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к.

КСАВЬЕДЕ-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изданіе 3-е. Ц. 10 коп.

ЛАМАРТИНЪ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и биографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

ЛЪСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Книга I. (Сюморохъ Памфалонъ.—Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к.

— Книга II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к.

— Книга III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к.

— Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к.

— Котинъ Довленецъ. Повѣсть. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

— Инженеры-Безсребренники. Изъ исторіи о 3-хъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ЛЪВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. повѣсть въ 5-ти частяхъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

МАРЛИНСКИЙ, А. (А. Вестужевъ). Амалатъ

Бекъ. Кавказск. былъ. Съ портр. автора. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Страшное гадание — Два вечера на бивуахъ Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. 2-е изд. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ Вмъ Ц. 25 к.

— Набавды Повѣсти 1612 г. — Имѣнникъ Ц. 25 к.

— Фрегаты Надежда Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ — Романъ и Ольга — Замокъ Эвиенъ — Шахъ Гуссейнъ Ц. 25 к.

— Честеная Бѣлозоръ Ц. 15 коп.

— Латникъ Разсказъ партизанскаго офицера Ц. 10 коп.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ Русскія пѣсни Съ очеркомъ жизни обонихъ повтовъ. Изд. 3-е Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

МОРДОВЦЕВЪ Д. Кумъ Иванъ Историч. былъ Ц. 10 к.

НАРЪЖНЫЙ Бурсамъ Ром. 1-й Изд. 2-е Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ОДОВЕВСКИЙ, О. В. Князь Скитанъ и разсказы двѣдущки Иринеи Ц. 15 к.

ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Афинахъ Траг. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ съ хорами — Дмитрий Донской Тр. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ Ц. 15 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Поѣздъ о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ Историческая повѣсть Ц. 15 к.

— Дѣдушна русскаго флота — Параша Сибирячка Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ПОКОРЕЛЬСКИЙ, А. Монастырка Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

— Черная курица или подземные жители Волшебная повѣсть для дѣтей Ц. 5 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собрание сочин. въ 10 т. больше 4,100 с.) Съ биогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указомъ кнѣзѣ его произв. Издание 3-е Ц. 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

СОЛОГУБЪ, В. графъ Повѣсти и разсказы Книга I. Алтекарна — Метель. — Неоконченныя повѣсти Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к. Книга II. История двухъ валошъ — Нечистая сила — Воспитанница Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к. Книга III. Волшебный свѣтъ — Медвѣдь Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Дѣвъ комедии I. Бригадиръ Комедия въ 5-ти дѣйств. II. Недоросль Ком. въ 5-ти дѣйств. Съ биографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словомъ реж. къ его комедіямъ Изд. 5-е Ц. 15 коп.

ФЛОБЕРЪ, Г. Салаambo Романъ. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ биографіей и портр. автора. Ц. 15 к.

ЧЕХОВЪ, Ан. ДѢТВОРА — Ванька — Событіе — Кухарка женится. — Вѣгонецъ — Дома Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого Съ доп.

пол., вариантами по другимъ переводамъ 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., на вел. бум. 50 к.

— Король Лиръ Траг. въ 5-ти дѣйств. Пер. А. В. Дружинина Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характерѣ ея Кольриджа, Шлегеля, Вокнилла, Джемисонъ, Дружинина Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., на вел. бум. 50 к.

— Отелло, венеціанскій мавръ Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. П. И. Вейнберга Съ предисл. о характерѣ трагедіи Фердинанда, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсига, Рюмелина, Мевьера Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., на вел. бум. 50 к.

— Макбетъ трагедія въ 5-ти дѣйств. Пер. А. Кроненберга Съ предисл. о мнѣніяхъ о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гензее, Мевьера, Рюмелина Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к. На вел. бум. 50 к.

— Король Ричардъ III Драма въ 5-ти дѣйств. Переводъ А. Дружинина Съ предисл. о мнѣніяхъ и примѣчаніями Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

— Кориоланъ Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. А. Дружинина Ц. 25 к.

ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ Пер. М. Коршъ Ц. 15 к., въ папкѣ 33 к.

— Мария Стюартъ Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. А. Шаникова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

ЭЗОПЪ Избранныя басни Перев. съ греческаго В. Алексѣева Ц. 15 к., въ папкѣ 23 коп.

Изящные коленкоревые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 коп.

ЦАРСКАЯ СВАДЬБА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЮАННА ГРОЗНАГО

А. МИЛЮКОВА

Издание 2-е. Цѣна 1 руб.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ОБЫДЕННАГО БЫТА

(НА УЛИЦѢ И ЕЩЕ КОЕ-ГДѢ)

(Мамаево побойще.—Зачѣмъ отдается квартира.—Похороны осетра.—Погашеніе ассигнацій.—Сѣть и струны.—Нигилистъ-человѣкъ.—Общества трезвости.—Сердобольный солдатъ.—Ломовая перевозка мебели.—Казенный рай.—Причина драки.—Даровой спектакль.—Лошадиный кашель.—Саранча.—Паша статистика.—Что ты спишь, мужичокъ?—Невидимый перстъ.—Дача въ Павловскѣ.—Объективный сотрудникъ.—Русская боксировка.—Скованная Рашель.—Разогрѣтое краснорѣчіе.—Поставщикъ крысъ.—Закуска билетомъ.—Медицинскій допросъ.—Раненные рейтузы.—Страхуваніе жизни.—Троешникъ въ Берлинѣ.—Обстрѣленная птица.—Ночь на обсерваторіи.—Приглашеніе на визитъ.—Ланкастерскій методъ.—Петербургъ и Москва.—Покупка прогресса.—Мороженое на морозѣ.—Комитетъ нищихъ.—Парильщикъ-центавръ.—Вопросъ объ искусствѣ.—Благородные грабители.—Пьяный въ Фонтанкѣ.—Заочный портретъ.—Рыбакъ на безрыбьи.—Въ биржевомъ скверѣ.—Душа-становой.—Корова на именинахъ.—Вояжъ Матрены.—На пожарѣ.—Дѣло о дождѣ.—Трактирные политики.—Блудный сынъ.—Примиритель.—Желтоглазый антихристъ.—Кавалерскій портретъ.—Еврейская загадка.—Царичихъ извозчикъ.—Этнографическая тревога.—Дѣловыя бумаги.—Вывѣски и эпитафіи.—Въ мировомъ судѣ).

А. МИЛЮКОВА

ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Цѣна 1 руб.



Н. В. УСПЕНСКІЙ.

„ИЗЪ ПРОШЛАГО.“

ВОСПОМИНАНІЯ

о

Н. А. Некрасовѣ, А. И. Левитовѣ, И. С. Тургеневѣ,
графѣ Л. Н. Толстомѣ, Г. И. Успенскомѣ, Д. В. Гри-
горовичѣ, Н. Г. Помяловскомѣ и В. А. Слѣпцовѣ

съ приложениемъ воспоминаній

о Ѳ. М. Достоевскомѣ (на каторгѣ), М. Е Щедринѣ
(Салтыковѣ) и М. Ю Лермонтовѣ (граф. Растопчиной
и П. Висковатова).

МОСКВА.

Изданіе „Русскаго книжнаго магазина.“
1889.

Н. В. УСПЕНСКІЙ.

„ИЗЪ ПРОШЛАГО.“

ВОСПОМИНАНІЯ

О

**Н. А. Некрасовѣ, А. И. Левитовѣ, И. С. Тургеневѣ,
графѣ Л. Н. Толстомѣ, Г. И. Успенскомѣ, Д. В. Гри-
горовичѣ, Н. Г. Помяловскомѣ, и В. А. Слѣпцовѣ.**

ОЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О **Θ. М. Достоевскомѣ** (на каторгѣ), **М. Е. Щедринѣ**
(Салтыковѣ) и **М. Ю. Лермонтовѣ** (граф. Растопчиной
и П. Висковатова).



МОСКВА.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ СЕРЕБРЯМЪ.

1889.



I.

Н. А. Некрасовъ.

Не бойтесь, не бойтесь! слышала
ся въ углу залы тихій и хрип-
лый голосъ поэта „Мести п Пе-
чали“, когда меня встрѣтили у двери два
красивыхъ сегора: что вамъ угодно? . .

Я сказалъ, что доставилъ въ редакцію
„Современника“ два разсказа изъ народ-
наго быта и назвалъ свою фамилію.

— Я съ удовольствіемъ прочиталъ ихъ,
сказалъ Николай Алексѣичъ: особенно
мнѣ понравился вашъ „Поросенокъ“....
Прелестная вещь... А вотъ на вашемъ

разсказъ „Хорошее житье“, кажется, была какая-то надпись...

— Да! въ редакціи „Отеч. Записокъ“ мнѣ написали, что языкъ слишкомъ народенъ и непонятенъ для публики... Я стеръ эту замѣтку...

— Ха-ха-ха... Слишкомъ народенъ!.. Это превосходно... Вы, что же, учитесь гдѣ нибудь?

— Въ медицинской академіи, но мнѣ хотѣлось бы перейти въ университетъ по историко-филологическому факультету...

— Напрасно! Кого вы будете тамъ слушать! Все это бездарность страшная... Ужъ если вы пишете такіе прелестные очерки, то вы умнѣ всякаго профессора... Какой вы губерніи?

— Тульской...

— Ну, вотъ еще однимъ дарованіемъ больше... Въ „Современникѣ“ участвуютъ ваши земляки: Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ... Тургеневъ обѣщался, проѣз-

домъ изъ Парижа, скоро побывать въ Питерѣ. Вы не нуждаетесь-ли въ деньгахъ? Я могу съ вами подѣлиться... Вотъ не угодно ли вамъ пока 50 рублей... Если что нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мнѣ. А эти очерки будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ...

— Вы, Николай Алексѣичъ, сказали, что мнѣ не слѣдуетъ поступать въ университетъ... Что же мнѣ дѣлать?

— Да просто плывите по теченію... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите...

Въ скоромъ времени Некрасовъ извѣстилъ меня, что на Невскомъ, въ залѣ Бенардаки, устраивается Е. П. Ковалевскимъ литературный вечеръ, въ которомъ мое участіе было бы весьма желательно. Я согласился, и въ назначенный часъ пришелъ къ Некрасову, который былъ не въ духѣ и говорилъ, роясь въ бумагахъ:

— Терпѣть не могу этихъ вечеровъ,

гдѣ нужно выставлѣть на показъ свою фizioномію...

— Карета подана! возвѣстилъ лакей, и мы отправились.

Вечеръ прошелъ удачно. На другой день часовъ около 12 мы поѣхали съ Н. А. къ Ковалевскому, къ Красному мосту. Некрасовъ былъ очень веселъ и, расхаживая въ кабинетѣ Евграфа Петровича изъ угла въ уголъ, рассказывалъ изъ своей прошлой жизни:

„Нанималъ я квартиру на Васильевскомъ острову, въ нижнемъ этажѣ. Денегъ у меня не было ни копейки. Пошелъ я въ мелочную лавочку попросить въ долгъ чайку.“ Купецъ оказался моимъ землякомъ.—Ярославцемъ и большимъ любителемъ чтенія газетъ.—„Дивное дѣло, говорилъ онъ: какъ это умудрились печатать газеты... Пишетъ человѣкъ, къ примѣру, перомъ, а выходитъ совсѣмъ другое“. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло и такъ ему

понравился, что онъ съ удовольствіемъ отпустилъ мнѣ чаю и сахару. Но положеніе мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу, на своей шинели, я сдѣлался предметомъ празднаго любопытства уличныхъ зѣвакъ, которые съ утра до ночи толпились у моихъ оконъ. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и онъ приказалъ закрыть окна ставнями. При свѣтѣ сальнаго огарка, я рѣшился описать одного помѣщика съ женою, у которыхъ я былъ учителемъ. Такъ-какъ хозяинъ отказалъ мнѣ въ чернилахъ, и соскоблилъ съ своихъ сапоговъ ваксу, написалъ очеркъ и отнесъ его въ ближайшую редакцію. Это спасло меня отъ голодной смерти... Въ одно утро къ моей квартирѣ подъѣзжаетъ щегольская коляска, изъ которой выходитъ бывшій издатель „Современника“ Ив. Ив. Панаевъ и спрашиваетъ дворника:—„Здѣсь живетъ Н. А. Некрасовъ?“ Съ этого роковаго

момента судьба сдѣлалась ко мнѣ поблаго-
склоннѣе“...

Дѣйствительно, не прошло 5—6 лѣтъ,
какъ Некрасовъ сдѣлался полнымъ и свое-
властнымъ хозяиномъ „Современника“, у
котораго было около 18,000 подписчиковъ.
Какъ это случилось, я не берусь рѣшить,
хотя и слышалъ многое множество вариан-
товъ на эту въ высшей степени назида-
тельную тему...

Однажды, въ трескучій зимній морозъ,
я пришелъ къ Некрасову, чтобы передать
ему одинъ изъ своихъ очерковъ. Съ зна-
менитымъ поэтомъ сидѣлъ извѣстный ве-
теранъ-беллетристъ Д. В. Григоровичъ.

— Знаете, что я вамъ посовѣтую, Ус-
пенскій, началъ Николай Алексѣевичъ:
поѣзжайте-ка за границу.

— Да на какія же средства?

— У васъ есть прекрасныя средства...

— Правда, правда, произнесъ бархат-
нымъ баритономъ Дмитрій Васильевичъ.

— Средства эти, продолжалъ Некрасовъ—ваши рассказы... Ихъ въ „Современникѣ“ напечатано такъ много, что изъ нихъ выйдетъ довольно солидный томикъ. Я издамъ ихъ въ свѣтъ, а вамъ дамъ денегъ на путешествіе, которое для васъ будетъ очень полезно... Въ Парижѣ теперь живетъ Тургеневъ, въ Ниццѣ Добролюбовъ, во Флоренціи Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“. Если хотите, мы васъ снабдимъ письмами къ нимъ.

Я отправился за границу, гдѣ пробылъ около года. Между тѣмъ, мои очерки вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой и раскупались на расхватъ. Возвратившись въ Петербургъ, я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Некрасовъ, вмѣсто одного завода, какъ обѣщалъ, напечаталъ мои рассказы въ количествѣ 6,000 экземпляровъ, цѣною по 1 р. за каждый; а я ограничился поѣздкой за границу, которая стоила мнѣ только 1000 рублей. Слѣдуя

— примѣру Тургенева, Толстаго, Гончарова и Достоевскаго, я прекратилъ всякія сношенія съ незабвеннымъ поэтомъ и издателемъ „Современника“.



II.

А. И. Левитовъ.

ынъ тамбовскаго дьякона — Александръ Ивановичъ, по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ число студентовъ Петербургской медицинской академіи и былъ бѣденъ до такой степени, что за неимѣніемъ одежды, ни разу не посѣтилъ ни одной лекціи, питаясь однимъ чернымъ хлѣбомъ. Однажды онъ, вслѣдствіе сухояденія, сильно занемогъ, и казеннокоштные студенты рѣшились, не смотря на строгій надзоръ дежурныхъ офицеровъ, провести его въ академическую столовую, чтобы подкрѣпить

его силы питательной пищей. Его облачили въ длиннѣйшій казенный сюртукъ и благополучно провели въ столовую. Но въ другой разъ одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ замѣтилъ „контрафакцію“ и строго запретилъ будущему литератору посѣщать казенную столовую. Не прошло и года послѣ поступленія А. Ив. въ академію, какъ онъ, по причинѣ разстройства здоровья, сначала долго лѣчился въ больницѣ, а потомъ уѣхалъ на родину, откуда въ скоромъ времени отправился пѣшкомъ въ Москву. „Около с. Молодей, рассказывалъ онъ, я до того ослабѣлъ, что почти цѣлыя сутки пролежалъ въ канавѣ и отъ голода буквально ѣлъ землю“... Въ Москвѣ ему удалось сблизиться съ издателемъ „Зрителя“, Колошинимъ, который, замѣтивъ блестящій талантъ Левитова, поддержалъ его матерьяльно, и съ этого времени началась литературная дѣятельность покойнаго. Изъ Москвы онъ

переехалъ въ Сѣверную Пальмиру, гдѣ принималъ участіе во многихъ журналахъ, и прославился своими „Степными очерками“. Но слабое здоровье и пристрастіе къ алкоголю не дали вполнѣ развернуть его творческимъ силамъ. Часто претерпѣвая суровую нужду, А. Ив. былъ озлобленъ на весь міръ, особенно на издателей и редакторовъ, которыхъ называлъ эксплуататорами. Энергія его къ труду и литературная производительность, замѣтно, слабѣли съ каждымъ днемъ, хотя имя его пользовалось такою громкою извѣстностью, что каждый новый издатель журнала считалъ долгомъ пригласить автора „Степныхъ очерковъ“ къ себѣ въ сотрудники; въ свою очередь Левитовъ считалъ необходимымъ „заполучить аванс у, какъ онъ выражался, съ новаго эксплуататора“...

— Да съ ними иначе и нельзя, пояснялъ А. Ив. Ив. Ив.: они строятъ себѣ

дома, ѣздить въ каретахъ, а нашъ братъ ходитъ чуть не на голенищахъ... Вонъ Некрасовъ купилъ себѣ огромное имѣніе и соорудилъ винокуренный заводъ,—это поэтъ-то, оплакивающій меньшихъ братьевъ!.. а сколько онъ выигрываетъ въ карты въ англійскомъ клубѣ!.. Однажды я пришелъ къ Некрасову часовъ около 11 утра. Онъ еще спалъ. Смотрю, въ передней на столикѣ передъ зеркаломъ стоитъ шляпа, биткомъ набитая радужными, изъ которыхъ многіе даже устилали полъ. Я просто остоленѣлъ при видѣ этой картины, и когда въ передней очутился лакей, сказалъ ему: — „Послушай, Василій: я, братъ, того... ты, пожалуйста, не подумай, что я взялъ что нибудь... Сочти, ради Бога, всё ли деньги цѣлы...

— Ну, что ихъ считать! У барина такая привычка: какъ пріѣхалъ изъ клуба, такъ сейчасъ въ постель... извѣстное дѣло, по дорогѣ-то въ спальню и теряетъ

деньги, а ими у него набиты даже все карманы. Впрочем, не беспокойтесь, баринъ тоже не промахъ: у него все денежки сосчитаны...

— И вотъ эти-то богачи, продолжалъ Левитовъ, трясутся надъ каждой копейкой. Однажды меня застигла такая нужда, что я принужденъ былъ обратиться къ Некрасову за „авансомъ“ (хотя, сказать правду, мнѣ эти авансы неоднократно выдавались изъ конторы). Некрасовъ наотрѣзъ отказался выдать мнѣ 25 цѣлковыхъ. Въ такомъ случаѣ, вспылилъ я: знаете, что я сдѣлаю сейчасъ? выброшусь изъ вашего окна на мостовую...

— Сдѣлайте милость, бросайтесь! захрипѣлъ Некрасовъ и растворилъ окно настежь...

На склонѣ своей литературной дѣятельности, Левитовъ навсегда переѣхалъ въ Москву, гдѣ даже, по временамъ, пробивался уроками въ частныхъ пансіонахъ.

Издатель „Будильника“, Суховъ, предложилъ ему просматривать поступающія въ редакцію статьи. Проѣздомъ чрезъ Москву, и завернулъ въ сказанную редакцію и увидалъ Левитова. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ рукописи, съ ожесточеніемъ бросая въ корзинку бездарныя вещи и приговаривая:

— Всякая безграмотная тварь то-же лѣзетъ на Парнасъ.

— Это стихотвореніе то-же не пойдетъ, вдругъ отнесся къ Левитову лакей, стоявшій за спинкой редакторскаго кресла: потому г. Бабиновъ сдѣлалъ вотъ эту пометку карандашемъ...

— Каковъ скотъ! мигнувъ по направленію къ лакею, шепнулъ мнѣ Левитовъ... Вотъ тутъ и работай!

Онъ бросилъ на столъ какую-то объемистую рукопись, быстро всталъ изъ-за стола и обратился ко мнѣ:

— Пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ...

Ужъ и надоѣла эта каторжная жизнь...
Теперь я, знаешь ли, уѣхалъ бы въ какую-нибудь глухую, глухую деревушку, легъ бы на травѣ подъ лозиною и безпробудно спалъ бы цѣлыхъ три года!

О послѣднихъ дняхъ жизни Левитова я не имѣю никакихъ свѣдѣній. Знаю только, что онъ умеръ отъ чахотки въ больницѣ и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.



III.

И. С. Тургеневъ.

Однажды Некрасовъ, весь обложенный журналами и газетами, лежалъ въ цвѣтномъ халатѣ и туфляхъ на низенькомъ, широкомъ диванѣ и просматривалъ какіе-то корректурные листы; а я сидѣлъ за круглымъ столикомъ и читалъ помѣщенное въ „Свисткѣ“ стихотвореніе Добролюбова:

У воротъ двора сѣвзного

Бѣдный Ванька плачетъ...

— А я забылъ вамъ сказать, Успенскій, прервалъ молчаніе Николай Алексѣичъ: съ вами желаетъ познакомиться Турге-

Н. С. Тургеневъ

невъ... Онъ прѣхалъ изъ Парижа третьяго дня... Если хотите, отправляйтесь къ нему сейчасъ-же... попадете какъ разъ къ обѣду. Онъ остановился въ гостинницѣ „Демуть“, въ Большой Конюшенной, рядомъ съ знаменитой булочной Вебера... Тамъ вы увидите, около самага подъѣзда гостинницы, висить исполинскихъ размѣровъ вызолоченный крендель...

Я немедленно нанялъ извозчика и отправился въ Большую Конюшенную, стараясь запомнить существенный признакъ временнаго жилища Тургенева — вызолоченный крендель.

— Какъ объ васъ прикажете доложить? вѣжливо и почти робко спросилъ меня Захаръ, бѣлокурый и симпатичный лакей Ив. Сергѣича, служившій ему около 30 лѣтъ.

Я сказалъ свою фамилію.

— Проси, услыхалъ я мягкій голосъ знаменитаго литературнаго корифея, тя-

желые шаги котораго раздавались въ сосѣдней комнатѣ.

Вошедши въ залъ, я увидалъ необычайно величественную и богатырскую фигуру нашего неподражаемаго беллетриста, который внезапно заключилъ въ свои мощныя длани мою руку. Хотя я и не былъ изъ числа малорослыхъ, но долженъ былъ, поднявъ голову вверхъ, смотрѣть на привѣтливое и въ высшей степени привлекательное лицо Ивана Сергѣича, при чемъ меня не мало поразило его тихій голосокъ, который вовсе не шелъ къ его исполинскому организму.

— Мнѣ очень хотѣлось съ вами познакомиться, началъ Тургеневъ, опускаясь въ кресло, хотя заочно я знаю васъ давно, по вашимъ рассказамъ, которыми всегда запасаясь на дорогу, чтобы не скучать... Мы съ вами, кажется, земляки?

— Я уроженецъ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда.

— Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, близъ с. Каднова, у меня есть имѣнье, гдѣ я, впрочемъ, почти никогда не бываю... Я люблю свою родину—с. Спасское, на границѣ Чернскаго и Мценскаго уѣздовъ. У васъ, я слышалъ, есть кто-то изъ родныхъ въ Чернскомъ уѣздѣ?

— Мой дѣдушка, сельскій дьяконъ...

— Представьте, вѣдь я его знаю... такой маленькій, лысенькій старичекъ... Разъ какъ-то, по пути изъ с. Тургенева, гдѣ живетъ мой братъ Николай, я съ своимъ охотникомъ, Афонасьемъ, зашелъ къ вашему дѣдушкѣ, и онъ мнѣ много интереснаго сообщилъ объ одномъ однодворцѣ, котораго я въ своемъ разсказѣ назвалъ „Овсянниковымъ“. Однако, соловья баснями не кормятъ... Не хотите ли со мной обѣдать?

— Съ удовольствіемъ.

Захаръ принялся готовить намъ трапезу,

украшая ее бутылками съ виномъ и хрустальными вазами съ фруктами.

— Вы, пожалуй, года ужъ три работаете у Некрасова, наливая мнѣ тарелку супу, замѣтилъ Тургеневъ.

— Да.

— А хорошо онъ вамъ платить?

— Не знаю, сколько онъ назначить за листъ... Мы съ нимъ не считались...

— Будьте осторожны!.. Это человѣкъ, которому, какъ говорится, пальца въ ротъ не клади... Однажды онъ какую штуку со мной сдѣлалъ? Проѣздомъ черезъ Парижъ, я встрѣтилъ его на rue de Rivoli и спрашиваю: вы изъ Парижа куда думаете? Въ Питеръ?— „Нѣтъ, заверну въ Лондонъ“.— „А скоро туда отправитесь?“— „Да хотѣлъ было завтра...“— „Пу вотъ и прекрасно! Пожалуйста, передайте моему пріятелю N... 18,000 франковъ... а мнѣ необходимо на дняхъ быть во Флоренціи“... Некрасовъ взялъ деньги, и мы разстались.

Недѣли черезъ двѣ я прїѣзжаю въ Лондонъ и спрашиваю прїятеля: „Получилъ деньги?“—„Какія?“—„Отъ Некрасова“.— „Никакого Некрасова и никакихъ денегъ я и въ глаза не видалъ“... А этотъ скорбный поэтъ „мести и печали“, какъ оказалось, вмѣсто Лондона-то, укатилъ въ Петербургъ, гдѣ и пустилъ мои денежки въ оборотъ...

— Это ужасно! воскликнулъ я: неужели это правда?

Тургеневъ только добродушно усмѣхался и счелъ за лишнее отвѣчать на мой вопросъ.

— И вотъ теперь Некрасовъ чуть не со слезами просить у меня прощенія, что такъ коварно поступилъ со мной...

— Но деньги, разумѣется, возвратилъ вамъ?

— Незначительную часть...

— Почему же не всѣ?

— Ну, ужъ, видно, такова натура рус-

скаго дѣльца... Теперь я ему ни одной строки своей не дамъ...

Послѣ обѣда Иванъ Сергѣичъ прилегъ на диванъ, въ кабинетѣ, гдѣ ярко пылалъ каминъ; подкладывая себѣ подъ голову подушку, онъ сказалъ:

— Ну, Успенскій, расскажите чтонибудь...

— Иванъ Сергѣичъ, началъ я, согрѣтый обѣдомъ, виномъ, каминомъ и радушіемъ великаго поэта: отчего вы все пишете про любовь?

— А что же, что же, вдругъ, приподнимаясь съ дивана, возразилъ Тургеневъ: что же, скажите мнѣ, интереснѣе любви?...

— Но почему вы оставили свои безсмертныя „Записки охотника“, которыя васъ такъ прославили...

— Не могу, не могу! возразилъ Ив. Сергѣичъ: не удовлетворяютъ меня болѣе эти рассказы... вотъ въ чемъ дѣло... А вы лучше мнѣ скажите: гдѣ это вы спи-

сали такую чудесную картину „Ночь подъ Свѣтлый день?...“

— Мой отецъ, объяснилъ я, былъ сельскій священникъ, и къ нему всѣ прихожане, въ ожиданіи заутрени подъ Свѣтлый день, сходились со всѣхъ деревень... Въ залѣ, обыкновенно, помѣщались мелкопомѣстные дворяне, прикащики, дворники, въ средней комнатѣ—лакеи, сапожники, зажиточные крестьяне, а кухню наполняли мужики, разряженные парни, бабы и дѣвки...

— У васъ одинъ недостатокъ, подхватилъ Тургеневъ: вы пишете очень мало... Гдѣ вы больше работаете? Въ Питерѣ или въ деревнѣ?

— Гдѣ придется...

— Развѣ у васъ нѣтъ никакой осѣдлости, любимого уголка, гдѣ бы вамъ весело и легко работалось?

— Нѣтъ...

— Это очень жаль... Вамъ бы слѣдо-

вало обзавестись недвижимою собственностью... Хотите я продамъ вамъ въ своемъ Спасскомъ десятинъ 20—30?... Вы себѣ выстроите домикъ и будете писать...

— Все это прекрасно, но у меня нѣтъ денегъ на покупку земли...

— Вздоръ! Мы съ вами какъ нибудъ сочтемся...

Иванъ Сергѣичъ всталъ съ дивана и началъ размѣшивать въ каминѣ уголья...



IV.

**Покупка земли у И. С. Тур-
генева.**



у, новый Чернскій помѣщикъ, до свиданія! говорилъ мнѣ Иванъ Сергѣичъ. Дядѣ своему я написалъ, что слѣдуетъ... Вы отправляйтесь прямо къ нему, такъ-какъ онъ завѣдуетъ всѣми моими имѣніями... Онъ живетъ въ с. Спасскомъ, Лутовиновѣ то-жъ... Человѣкъ онъ, вообще говоря, такъ себѣ... но, не дай Богъ съ нимъ куда нибудь ѣздить... Безумолку пристаётъ къ кучеру. „Что это у тебя коренная голову-то высоко загнула? Ты почему распорядился — не подвязать ей хвостъ? А отчего пристяжная

у тебя прихрамываетъ? подстегни-ко ее хорошенько кнутомъ!...“ и т. д.

Къ сожалѣнію, ни Иванъ Сергѣичъ, ни я не могли предвидѣть, что эта покупка земли—вела меня къ неизбежной гибели. Заручившись письмомъ Тургенева, я долженъ былъ устраивать фести-валь среди моихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые, всѣ безъ исключенія, восторгались моимъ умѣньемъ: „обдѣлывать дѣла!“

— Вотъ такъ молодецъ! привѣтствовали они меня: отхватилъ себѣ 30 десятинъ въ долгъ и сдѣлался помѣщикомъ! Мой отецъ, при встрѣчѣ съ каждымъ, возвѣщалъ громогласно:

— Дьяконъ! ты слышалъ, мой Николай сдѣлался помѣщикомъ! Эй, дьячекъ! ты знаешь новость?

— Какую?

— Про моего Николая? Онъ, братъ, теперь сдѣлался помѣщикомъ Чернскаго уѣзда... его голой рукой не хватай... а я

думалъ, что изъ него ничего путнаго не выйдетъ!.. Зайди, выпей рюмочку!..

— Ну, Николай, говорилъ мнѣ отецъ при моемъ отъѣздѣ въ Спасское для совершенія купчей крѣпости, выбирай себѣ землю съ лугомъ и, если можно, съ рѣкою... Потому, что для скотины это хорошо...

— Да и для домашней птицы, напр. для гусей и утокъ, подхватила мать, тоже полезно...

— Лугъ для гусей не идетъ, возразилъ отецъ, расчесывая деревянной гребенкой свою сѣдую бороду: гусь самая вредная птица для луговъ... Отчего-жъ имъ, гдѣ ни посмотришь, заламываютъ крылья?

— Пожалуй, ты скажешь, и свиней и поросятъ водить нельзя?

— Нѣтъ, можно! ихъ надо въ стадо гонять... Есть по близости деревушка, ну, и гоняй туда вмѣстѣ съ мужицкой скотиной... Прощай голубчикъ!... Помни, что дядя Тургенева, Николай Николаичъ, по-

литиканъ страшный,—будь съ нимъ остороженъ...

Даже моего подводчика, сосѣда, Якова, прельстила моя земля...

— Какъ хочешь, Николай Василичъ, а я къ тебѣ, стало быть, въ твоё имѣніе, со всей своей семьей переберусь — въ вѣчные работники... потому, у насъ приволья для скота никакого нѣтъ... Усадьба вся выпажана, земля неудобрена...

Мало того, волей неволей, я долженъ былъ переносить величайшую скуку въ домѣ Ивана Сергѣича, гдѣ ютилось семейство его дяди, заправлявшаго всѣми имѣніями своего безсмертнаго племянника.

— Левонъ! говорилъ онъ своему управляющему: съѣзди съ Успенскимъ на Кресты, пусть онъ посмотритъ тамъ домъ и землю...

— Но вѣдь этотъ домъ весь развалился. Николай Николаичъ, возражалъ Левонъ: тамъ окромѣ галокъ да крысъ никого нѣтъ...

А земля? Чтожъ земля? Она почестъ никакого доходу не приноситъ... Вотъ ежели бы, Николай Васильичъ, открыли питейное заведеніе... тогда можно было бы кормиться... Опять этотъ домъ стоитъ особнякомъ въ полѣ... Чего добраго, какъ бы грѣха не было...

— Какого грѣха?

— Примѣромъ сказать, не убили бы...

— Кого?

— Да Николая Васильича... Опять же они люди одинокіе,—долго ли до бѣды? Пойдетъ нѣпогодъ, а тамъ зима,—вьюги, метели... да они тамъ сами не согласятся жить... Скука одна одолѣетъ....

Дѣйствительно, скука одолѣла меня. Купивъ землю, я выстроилъ себѣ, среди поля, избенку и нанялъ караульнаго, который ходилъ ко мнѣ ночевать... А была осень... Вокругъ моей хижины бушевалъ порывистый вѣтеръ и завывали волки...

Я написалъ Ивану Сергѣичу письмо,

что болѣе не въ силахъ выполнять роль
чернскаго помѣщика, и просилъ взять
обратно купленную мною землю... Недѣли
черезъ двѣ, послѣдовала резолюція Турге-
нева, въ силу которой я вновь очутился
на свободѣ...



V.

Гр. Л. Н. Толстой.

Въ первый разъ я увидалъ нашего гениальнаго беллетриста въ Москвѣ, гдѣ получилъ отъ него самое радушное приглашеніе посѣтить пресловутую „Ясную поляну“—этотъ разсадникъ не менѣе пресловутыхъ „народныхъ школъ“.

Маленькіе сѣрые глазки на широкой, мускулистой фізіономіи графа произвели на меня непріятное впечатлѣніе, немедленно вызвавшее, какъ рѣзкій контрастъ, въ высшей степени симпатичное лицо И. С. Тургенева, о которомъ однажды И. И.

Панаевъ выразился такъ: „Если Тургенева поставить на подоконникъ противъ солнца, то онъ будетъ свѣтиться насквозь *).

Въ „Ясной полянѣ“, окруженной казенной засѣкой и потонувшей въ зелени, мы съ графомъ вели нескончаемыя бесѣды о литературѣ, задачахъ искусства и о томъ наконецъ, что человѣчество обладаетъ только произвольными движеніями, подобно обезглавленной лягушкѣ, подвергнутой дѣйствію гальваническаго тока. Эту идею графъ и провелъ въ своемъ прелестномъ романѣ „Война и миръ“, но, какъ говорится, заднимъ числомъ, такъ-какъ русская читающая публика давнымъ давно уже успѣла познакомиться съ извѣстной брошюрой нашего знаменитаго физиолога Сѣченова, подъ заглавіемъ: „Центры,

*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что Панаевъ нѣкогда владѣвшій „Современником“, вслѣдствіе какого-то фатума, вручилъ его Некрасову.

задерживающіе рефлексъ и произвольныя движенія“. Между прочимъ, Л. Н. сообщилъ мнѣ весьма любопытный отзывъ о столицахъ и деревенской жизни:

— Боже мой, Боже мой! говорилъ графъ, сжимая руки: изъ этихъ центровъ мнимой цивилизаціи, наполненныхъ всевозможными бездарностями и шалопаями, не чаешь, какъ и выдраться... Когда я прибѣгаю изъ Петербурга или изъ Москвы въ „Ясную поляну“, то первымъ долгомъ спрашиваю своего скотника:

— Что буренка? отелилась?

— Такъ точно, ваше с — тво... Бычекъ-съ... вылитый въ мать.

Я иду на скотный дворъ и долго, долго люблюсь теленкомъ, чтобы изгладить столичные впечатлѣнія...

— Николай Васильичъ, однажды обратился ко мнѣ графъ: не подарите ли вы нашему дѣтскому журналу какойнибудь рассказецъ?... Вы такъ глубоко изучили

народный бытъ и такъ мастерски владѣете народнымъ языкомъ... Вы меня этимъ очень обязали бы...

Когда разсказъ былъ написанъ и просмотрѣнъ графомъ, онъ спросилъ меня:

— Сколько же вы возьмете за этотъ чудесный разсказъ?

— Помилуйте, это такіе пустяки...

— Нѣтъ, я назначилъ вамъ 60 рублей.

— Это ужасно много Левъ Николаичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не отказывайтесь...

— Извольте, сказалъ я: только и вы, въ свою очередь, не откажитесь и отъ моего предложенія: продайте мнѣ вашего забракованнаго коня, которому кличка „Сумасшедшій“.

— Да помилуйте, Успенскій, онъ васъ лишитъ жизни...

— Вотъ это-то мнѣ въ немъ и нравится.

— Ну, чтожъ? Я отдаю его вамъ, въ

качествѣ литературнаго гонорара, лишь бы только онъ вамъ не сломилъ шею...

И я, за ничтожный рассказъ изъ народнаго быта, воспользовался конемъ, у котораго была „дугою шея, хвостъ трубой“...

— Почитайте-ко, отъ скуки, сочиненія моихъ учениковъ, предложилъ мнѣ графъ въ одинъ осенній вечеръ, и скажите ваше мнѣніе...

Передо мной очутилась кipa дѣтскихъ тетрадей, изъ которыхъ въ одной я вычиталъ слѣдующее:

„Однажды, Левъ Николаичъ вызвалъ Савоскина къ доскѣ и приказалъ ему рѣшить задачу изъ арихметики: если я тебѣ дамъ пять калачей, и ты одинъ изъ нихъ съѣлъ, то сколько у тебя осталось калачей?...”

Савоскинъ никакъ не могъ рѣшить этой задачи, и графъ за это выдралъ его за виски...

Ни мало не сомнѣваясь въ справедли-

вести сообщенія ученика гр. Толстаго, и до глубины души возмущенный этимъ поступкомъ великаго художника, я, не медля ни минуты, сѣлъ верхомъ на вырученнаго мною коня и отправился въ Тулу, къ брату Льва Николаича, которому и передалъ новость...

— Это невообразимо!.. это чудовищно... Не даромъ мнѣ опротивѣла „Ясная Поляна“ съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ ней народныя школы, говорилъ Сергѣй Николаичъ, расхаживая по комнатѣ... Поѣдьте сейчасъ къ Луэрбахъ и вы повторите вашъ рассказъ о деревенскомъ мальчикѣ

Поздно вечеромъ я вернулся въ „Ясную Поляну“.

— Ну, что новаго въ Тулѣ? спросилъ меня графъ.

Я подробно рассказалъ о случившемся.

— Тяжело жить на свѣтѣ! скрестивъ руки и глубоко вздохнувъ, проговорилъ Левъ Николаевичъ.



VI.

Гр. Л. Н. Толстой.

Въ свободное отъ педагогическихъ и литературныхъ занятій время, графъ, обыкновенно, обращался ко мнѣ съ просьбой рассказать ему что нибудь „о мужикахъ“. „Вы ихъ такъ хорошо знаете, замѣчалъ онъ. Я люблю васъ слушать. Вы чрезвычайно мастерски владѣете народнымъ языкомъ и въ вашихъ разсказахъ столько неподдѣльнаго юмору, что я вполнѣ соглашаюсь съ Анненковымъ, который назвалъ васъ русскимъ Теньеромъ.“...

— Да вотъ, говорилъ я, не угодно ли

вамъ послушать небольшой разговоръ отца съ сыномъ, достаточно подгулявшихъ...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе...

„— Ванька! помнишь, какъ ты меня угостишь?... Вѣдь у тебя рука-то не отболѣла... Дуракъ, я тебя вспоилъ, вскормилъ... Что же? Это, къ примѣру, ты оплатилъ мнѣ за мою хлѣбъ-соль?...

„— Ты, батька, самъ непорядки дѣлаешь...

„— Какіе же непорядки?

„— Матери волю далъ... обижаетъ мою бабу...

„— Да чѣмъ же я-то виновать?...

„— Острастку ей не даешь... ты бы хоть однова ей дулю поднесъ, чтобы помнила, а замѣсто того, ты самъ огорчаешь мою бабу... Ну, вотъ, я тебѣ и засвѣтилъ, какъ слѣдуетъ...

„— Дуракъ, вѣдь я опосля того цѣлыхъ два дня кривой ходилъ...

„— Что-жъ, батька, я на тебя не обиждаюсь!!! Пойдемъ-ко, выпьемъ...

— Ужасные нравы!... со вздохомъ произнесъ Левъ Николаевичъ. Расскажите еще что нибудь.

— А вотъ вамъ болѣе свѣтлая картинка: два сосѣда изъ-за чего-то между собою такъ разсорились, что порѣшили судиться въ волостномъ правленіи, которое находилось отъ нихъ въ далекомъ разстояніи... Когда наступилъ день отъѣзда въ деревенскій синедріонъ, одинъ изъ сосѣдей обратился къ своему врагу съ вопросомъ:

„— Ты, что-жъ, Ермолай, ужъ запрягаешь лошадь?

„— Запрягаю... На дворѣ-то, вишь ты, не рано...

„— Вотъ какое дѣло, братецъ ты мой: чѣмъ намъ гонять двухъ лошадей — поѣдемъ на одной... Моя, примѣромъ скажемъ, будетъ телега, а твоя лошадь, али

такъ повернемъ: моя будетъ лошадь, а твоя телега... авось, самъ знаешь: не подь разчетъ намъ съ тобою трепать двѣ телеги и гонять пару лошадей... Кабы, значитъ, мы съ тобой въ разныя мѣста ѣхали...

„— Что-жъ? Это ты вздумалъ правильно... она вѣдь, лошадь-то, хоть и скоть. а все понимаетъ и чувствуетъ, ежели ее безъ толку гоняють...

„— Вся причина, она дома пригодится...

„— Про что-жъ я-то говорю?... Чудакъ!... То же надо Бога бояться“...

Тяжущіеся усѣлись въ одной телегѣ и отправились въ „волостную“... Дорогой они покурили изъ одной трубочки, а при первомъ на пути кабацѣ остановились.

„— Аль намъ выпить? замѣтилъ одинъ.

„— Что-жъ? Коли такое дѣло, у меня гривенникъ-денегъ наберется...

„— Да вѣдь и я тоже захватилъ съ собою про запасъ... неровень случай... дорога дальняя.

„— Вѣстимо дѣло, путь тоже не близкій...
Зашли мужики въ кабакъ, выпили и почувствовали себя въ самомъ праздничномъ расположеніи духа.

„— А что я тебѣ скажу, Аверьянъ, начали они бесѣду: пзъ-за чего мы съ тобой затѣяли эти самыя дразгп?

„— Изъ-за чего? Самъ знаешь, пзъ-за бабъ...

„— А ты понимаешь ли, что такое баба? Она, я тебѣ скажу, самая что ни на есть первая смутьянка въ семьѣ... Сколько изъ-за ней нашего брата погибаетъ!

„— Постой! а мы-то съ тобой кто-жъ такіе? Мужья, аль нѣтъ? Имѣемъ мы полную праву командовать надъ бабой, аль нѣтъ? Говори по истинной правдѣ!... А вотъ что я тебѣ скажу, милый человѣкъ: лучше бросимъ эту канитель до поѣдемъ домой... Что намъ съ тобой дѣлать? У тебя свое хозяйство, у меня свое... Стало быть, что-жъ тутъ толковать? А то, зна-

ешъ, какое дѣло: прїѣдемъ мы, положимъ, въ Курносово... Сейчасъ, первымъ дѣломъ, старшину надо ублаготворить, ппсая — тоже... а тамъ судьи привяжутся... Да прахъ ихъ возьми совсѣмъ!... Скажи. значить, по душѣ: ну, на что они намъ нужны? Мы съ тобой легче сами выпьемъ, нежели поштвовать будемъ всякую араву... И мужики съ миромъ возвратились домой“.

— Экая прелесть, экая прелесть! сжимая руками свою голову и въ ажитациі расхаживая по комнатѣ, восклицалъ графъ: не можете ли вы эту вещь слегка обработать и набросить на бумагу... Я бы съ удовольствіемъ купилъ у васъ этотъ рассказъ для „Ясной Поляны“ (журналъ для дѣтей); здѣсь поражаетъ не бытовая, или жанровая картина, а сама жизненная правда, воплощенная въ типическіе образы... Вѣдь вся суть дѣла не въ томъ, что поссорившіеся мужики поѣхали на одной телегѣ и завернули въ кабакъ, а въ той

вѣчной и несокрушимой морали, что жить на свѣтѣ надо по-христіански... „Аще кто тебя ударитъ по ланитѣ, подставь ему другую“.

Въ продолженіе цѣлыхъ 27 лѣтъ графъ не могъ забыть этого разсказа, и при послѣднемъ моемъ свиданіи съ нимъ, въ Москвѣ, когда я его встрѣтилъ въ скромной блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, онъ спросилъ меня:

— Что же, вашъ безподобный разсказъ о поссорившихся мужикахъ нигдѣ не былъ напечатанъ?

— Нигдѣ... Признаться сказать, я со-
всѣмъ и забылъ о немъ...

— А вѣдь я уже самъ хотѣлъ обрабо-
тать его... для народа...

— Вы этимъ сдѣлали бы мнѣ великую
честь, Левъ Николаичъ...

Безцѣльно проживая въ „Ясной полянѣ“, я однажды получилъ отъ своихъ родителей письмо такого содержанія: „Любезный сынъ! поспѣши прїѣздомъ къ намъ, дабы, можетъ быть, въ послѣдній разъ проститься съ твоимъ старшимъ братомъ, а равно и съ его семействомъ, поелику они, попросухѣ весенней дороги, уѣзжаютъ на Кавказъ, за Кубань, въ станицу Передовую“... Я прочиталъ это письмо Толстому, который энергически воскликнулъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло? Вамъ надо немедленно ѣхать... У васъ есть купленная у меня лошадь „Сумасшедшій“, на ней и отправляйтесь...

— Но вѣдь теперь, Левъ Николаичъ, страшная грязь, распутица... Чего добраго „Сумасшедшій“, при своемъ пылкомъ характерѣ, оставить меня среди поля, какъ рака на мели.—Затѣмъ, я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой одолжить мнѣ вашъ фотографическій аппаратъ для снятія портретовъ съ уѣзжающихъ на „погибельный Кавказъ“ моихъ родственниковъ... Очень можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, что я съ ними никогда не увижусь..

— Съ удовольствіемъ... Возьмите... Онь мнѣ почти совсѣмъ не нуженъ...

— Благодарю васъ... Теперь, какъ мнѣ быть съ вашимъ неукротимымъ „Сумасшедшимъ?“ Аппаратъ составить для него тяжесть непосильную по грязной дорогѣ...

— Да я прикажу кучеру подпречь къ вашей повозкѣ спящую лошадь „Чалого“, и вы благополучно доправитесь до мѣста.

— А если съ этимъ „Чалымъ“ что нибудь случится въ дорогѣ? Что мнѣ тогда дѣлать?...

— Ну, да вѣдь и съ каждымъ изъ насъ всегда можетъ что нибудь случиться... Эй! кто тамъ? Позовите ко мнѣ кучера.

Толстый кучеръ съ окладистой бородой немедленно явился къ графу.

— Что прикажете, ваше с—ство?

— Слушай, Алексѣй: къ завтрашнему утру приготовь прочную телегу и уложи въ нее мой фотографическій аппаратъ, а лошадямъ „Чалому“ и „Сумасшедшему“ дай на ночь побольше овса...

— Слушаю... А мнѣ прикажете ѣхать?

— Нѣтъ! Николай Васильичъ отправляется на свою родину и неизвестно, сколько времени тамъ пробудетъ... Стало быть, въ тебѣ нужды нѣтъ...

— Это точно...потому Миколоай Васильевичъ сами умѣютъ управлять лошадьми не хуже первѣющаго кучера... Имъ лю-

бой баринъ положилъ бы не меньше 15 рублей на мѣсяцъ...

— Можешь идти...

— Слушаю-съ...

Рано утромъ я отправился въ путь, украсивъ „Сумасшедшаго“ новой збруей и щегольской дугой, купленными мною, не задолго до поѣздки, въ Тулѣ.

Было прелестное, весеннее утро Солнце такъ ласково и привѣтливо свѣтило, жаворонки такъ задорно и весело распѣвали подъ голубымъ небомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на невылазную грязь на большой дорогѣ, по которой я совершалъ рискованное путешествіе, въ сообществѣ съ фотографическимъ аппаратомъ. Въ виду почти неодолимыхъ препятствій для ѣзды, бѣдный „Сумасшедшій“, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ вонъ, напрягая всѣ свои силы на то, чтобы поминутно вытаскивать повозку изъ разныхъ рытвинъ, зажоровъ, канавъ и колдобинъ...

Не проѣхавъ и десятка верстъ, я убѣдился, что лошадямъ нужно отдохнуть въ ближайшей деревушкѣ, гдѣ я сдѣлался предметомъ самаго упорнаго и безсмысленнаго любопытства всѣхъ обывателей, не исключая еле-движущихся стариковъ съ старухами и малолѣтнихъ дѣтей. Какъ бы то ни было, но поздно вечеромъ я сталъ приближаться къ большому селу, отстоявшему отъ „Ясной Поляны“ въ 25 верстахъ. Морослъ частый и холодный дождь. Не доѣхавъ до постоялаго двора саженей 15, я вдругъ погрузился въ глубокую канаву и услышалъ трескъ, похожій на выстрѣлъ изъ ружья... Оказалось, что „Сумасшедшій“, собравъ всѣ свои силы, хотѣлъ выпрыгнуть изъ канавы, какъ заяцъ, вслѣдствіе чего новая, красная дуга лопнула пополамъ. Дворникъ, у котораго я остановился ночевать, какъ и слѣдовало ожидать, заломилъ съ меня чудовищную цѣну за свою некрашеную и грязную ду-

гу, которая у него валялась гдѣ-то на дворѣ. Но что было дѣлать? Я принужденъ былъ покориться своей участи и заплатить требуемыя деньги. Въ родномъ моемъ городѣ, Ефремовѣ, на нѣсколько часовъ меня задержала „Красивая мечь“, которая, послѣ половодья, не могла еще войти въ берега, почему и убогій мостъ былъ покрытъ водою. Одинъ изъ отважныхъ мѣщанъ вызвался переправить меня на противоположный берегъ и распорядился привязать постромки „Чалаго“ чуть не къ самой мордѣ „Сумасшедшаго“, а самъ, засѣвши верхомъ на лошадь, принялся ее стегать кнутомъ, приговаривая: „сѣ Господомъ! трогай“ и т. д. Лишь только мы перебрались черезъ мостъ, я съ ужасомъ увидалъ, что у обѣихъ лошадей изъ заднихъ ногъ ручьями льется кровь...

— Что это значитъ? спросилъ я мѣщанина.

— Развѣ не видите? Лошади засѣклись, хладнокровно отвѣчалъ провожатый: ихъ теперь надо недѣльки на двѣ поставить на навозъ, а то копыта всѣ вчистую сойдутъ... Пажалуйте, сударь, за труды на чаекъ...

— Боже мой, Боже мой! думалъ я въ отчаяніи: что, если въ самомъ дѣлѣ, порученный мнѣ графомъ „Чалый“ очутится безъ копытъ?.. Придется, впрочемъ утѣшалъ я себя, написать новый рассказъ для „Ясной Поляны“... По волѣ неисповѣдимаго Промысла, я наконецъ окончилъ свое дальнее и трудное путешествіе и прибылъ въ свое родное село, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми моими родными. Отецъ первый спросилъ меня:

— Чьи-жъ это у тебя лошади?

— Графа Л. Н. Толстаго...

— Понимаю... Чтожъ, онъ тебѣ далъ ихъ на время или какъ?

— Одну, вотъ, „Чалаго“, далъ на время, а другую онъ мнѣ продалъ...

— Гдѣ-жъ ты взялъ деньги?

— Заработалъ перомъ...

— Дивны дѣла твои, Господи!.. Ну, ужъ времена настали, нечего сказать... Стали ужъ нынче лошадей на перо поддѣвать...



VII.

Тріумфальный въѣздъ графскихъ лошадей въ мое село.

Только графская повозка очутилась на дворѣ, ее моментально окружила толпа народа, во главѣ котораго находились всѣ мои родственники и въ полномъ составѣ сельскій причтъ, со включеніемъ церковнаго сторожа и хромой просвирни. Всѣхъ изумило не столько мое прпбытіе во время весенней „распутицы“, сколько телега, запряженная красивыми графскими лошадьми.

— Вотъ такъ кони! удивлялся пономарь: вы замѣтьте, отецъ дьяконъ, какіе лады!...

— Что говорить, породистыя лошадки...

— Сирѣчь, кровныя... заводскія, надо прямо говорить...

— Ну, да! не нашимъ одрамъ чета... Одеръ навсегда одромъ останется,—хоть ты корми его, хоть нѣть...

— А телега-то?... извольте посмотрѣть... Что—шины, что—спицы, что—ободи...

— Да все, на что ни посмотри, глаза разбѣгаются...

— Вотъ горе, пожаловался я: лошади-то у меня засѣклись...

— Это ничего не значить, Николай Василичъ, подхватилъ псеномарь: сейчасъ взять жженныхъ квасцовъ...

— Нѣть, березовка будетъ пользителнѣй, возразилъ сѣдой, какъ лунь, дьячекъ...

— Ничего вы не понимаете! рѣшилъ отецъ дьяконъ: отъ засѣчекъ первое средство мѣдный купоросъ... онъ сейчасъ разѣсть рану-то... она и того...

— Нѣть, ужъ лучше глины съ солью

ничего не может быть, замѣтилъ въ свою очередь церковный сторожъ, побѣдоносно оглядывая толпу, которая вдругъ въ испугъ попятилась назадъ, увидавъ вытащенный изъ телеги фотографическій аппаратъ Льва Николаича.

— Это что-жъ за штука такая, Николай Василичъ? спрашивали меня изумленные зрители.

— Машина для сниманія портретовъ.

— Ай, ай, ай! Вотъ аказія-то... И что же, напримѣръ, эта самая проскомидія можетъ со всякаго снять патретъ?

— Съ кого угодно... хоть съ лошади или собаки...

— А не опасно къ ней близко подходить?

— Нисколько...

— Мы къ тому спрашиваемъ, что у этой машины мѣдная труба, словно бы похожа на пушку... какъ бы, молъ, грѣха какого не было...

— А я слышала, замѣтила сутулая

дьяконица, отъ добрыхъ людей: кто ежели сниметъ съ себя патреть, тотъ ужъ не жалецъ на этомъ свѣтѣ...

— Города больше! возразилъ отецъ дьяконъ. Вѣдь съ насъ съ тобой, когда мы были молодыми, тоже художникъ писалъ портреты.

— То дѣло другое, потому тамъ были нарисованы какіе-то чучела гороховыя... оттого мы съ тобой живы и остались...

— Однако, пойдѣте чай пить, извѣститъ мой отецъ, и я, окруженный родными и знакомыми, вступилъ въ горницу, гдѣ уже на столѣ кипѣлъ самоваръ и красовался объемистый графинъ съ водкой.

— Ахъ, мой милый! слезливо говорила мнѣ мать: какъ тебя Господь донесъ въ такую нѣпогоду?..

— У меня Николай не трусь, подхватилъ отецъ: ему, какъ говорится, самое море—по колѣно... За одно не хвалю его: отъ Тургеневской земли отказался...

— Да иначе поступить было невозможно, возразилъ я, наливая рюмку водки: я жилъ въ полѣ одинъ какъ куликъ... меня просто-на-просто волки съѣли-бы.

— Ну, вздоръ какой! Завелъ бы ружье, а главное помнилъ бы слова Спасителя: „безъ воли Моей и власть съ главы вашей не погибнетъ“. А то тамъ какіе-то волки... Его святая воля! Получалъ бы себѣ доходецъ съ имѣнья да папироски покури-валъ...

— Но вы забываете, папаша, что надо было обзавестись полнымъ хозяйствомъ: нанять работниковъ, закупить лошадей, разныхъ сохъ, боронъ, телегъ... На все это нужны были деньги, а ихъ у меня не было...

— Ну, да ужъ что толковать... не умѣлъ пользоваться случаемъ, теперь и сиди на бобахъ... А, вѣдь, случай-то какой былъ! Что для Тургенева значили 30 десятинъ? Тьфу! А ты бы на нихъ жилъ баринкомъ...

женился бы тамъ на какойнибудь барышнѣ, за ней прихватилъ бы малую толику... Эхъ, братъ Николай, огорчилъ ты меня своимъ необдуманнѣмъ поступкомъ!

— Я же вамъ говорю: до смерти волковъ боялся... ихъ такая пропасть въ Чаплыгинскомъ лѣсу Ивана Сергѣича... а къ самому этому лѣсу подпирала моя земля...

— Наладилъ одно: волки да волки...

— Ну, что же мнѣ было дѣлать, когда они однажды ночью окружили мою избу и хѣромъ выли до самаго утра... Если бы вы были на моемъ мѣстѣ, что бы вы сказали?

— Вѣдь съ тобой былъ караульный.

— Нѣтъ, онъ въ эту „варфоломеевскую“ ночь шляется по деревнѣ и пьянствовалъ.

— Вишь, замѣтила дьяконица моей матери, держа въ одной рукѣ блюдечко съ чаемъ, а въ другой ложечку съ вареньемъ: волки-то словно знали, что Николай Васильчъ сидитъ въ избѣ одинъ и окружили его сердечнаго...

— Ну, говорю, ружье купилъ-бы наконецъ!.. вспылилъ отецъ, наливая водки: трахнулъ-бы хорошенько... что-бъ не забывались...

— Именно, подхватилъ пономарь: всыпалъ бы имъ горячаго на память, чтобъ знали кто сидитъ въ избѣ...

— Нѣтъ, Назаръ Ивановичъ, возразила дьяконица: ружьемъ хуже ихъ остервѣнишь... одного убьешь, а все остальные бросятся...

— Куда-жъ они бросятся? На избу, что-ль? вѣдь Николай Василичъ изъ избы стрѣляли-бы...

— Что-жъ? и избѣ могли бы сдѣлать какое либо поврежденіе... плетень, напримеръ, лапами оторвать, стекла разбить...

— Нѣтъ, Анна Ивановна, отстаивалъ пономарь: надежнѣе всякаго ружья—молитва... недаромъ сказано: „на аспида и василиска наступиши, на льва и змія, и попереша я“...

— По моему мнѣнію, замѣтилъ отецъ дьяконъ, прожевывая закуску, слѣдовало завести хорошую дубину, или вообще орысину длиною въ оглоблю и сидѣть въ плетневыхъ сѣнцахъ, гдѣ надо проконать нѣсколько отверстій... какъ только волки набросятся на плетень, такъ сейчасъ по зубамъ, то того, то другаго...

— Будетъ ерунду-то размазывать, прервалъ отецъ. Скажи-ко мнѣ, Николай, лучше вотъ что: давно былъ въ Тулѣ?

— Недавно... сбрую и дугу покупалъ...

— Видѣлся съ дядей, Иваномъ Яковлевичемъ?

— Да! Онъ вамъ кланяется...

— Ну, что мой милый племянничекъ, Глѣбушка, какъ поживаетъ? Ужъ и разутѣшный же мальчикъ, сообщилъ отецъ дьякону, наливая себѣ и ему водки: вотъ какой диковинный мальчикъ: ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать... красавецъ неописанный, а ужъ умница-то, умница-то

какой!.. (рѣчь шла о современномъ писателѣ, который въ описываемое время оканчивалъ курсъ гимназіи). Онъ вдругъ примется поднимать тебя на смѣхъ, а ты вмѣсто того, чтобы обижаться, будешь самъ умирать со смѣху... Я тебѣ что, дьяконъ, скажу? Онъ на своемъ дядѣ (дуракъ у меня есть другой братъ, по имени Семень, верхомъ ѣздилъ! Передъ Богомъ, не лгу...

— Ну, это, какъ хотите, о. Василій, по моему разумѣнію, грѣшно на родномъ дядѣ ѣздить верхомъ...

— Тамъ толкуй, какъ знаешь!.. а вотъ какія чудеса творилъ мой милый Глѣбушка... Да вѣдь ты самъ посуди: что же иначе со скотами прикажешь дѣлать? съ этими олухами царя небеснаго... Жаль одно, что Николай сбиваетъ Глѣбушку съ пути истиннаго: помилуй! братъ Иванъ приуговаривалъ заранѣе своему сыну, т. е. Глѣбушкѣ, мѣсто секретаря въ палатѣ (мѣсто самое доходное) съ отличнымъ

жалованьемъ, такъ-нѣтъ! надо молодого человека сбивать съ толку, поджигать въ какой-то университетъ... Да на что онъ нуженъ, этотъ университетъ, скажи ради Бога? Сытъ себѣ—и слава Богу! Николай, какъ самъ бездомовникъ, сбилъ спонтанку одну барышню въ нашемъ приходѣ... ты знаешь Завадовскую? вѣдь она, по милости Николая, бросила свое родовое имѣніе и уѣхала въ Питеръ на какіе-то курсы?! А то ли дѣло? жила бы себѣ барышня въ своемъ имѣніи и не знала бы „ни печали, ни воздыханія“...

— И волковъ бы слушала, замѣтилъ я.

— У тебя, братъ, все волки на умѣ... Эхъ, Николай, доселѣ еще вѣтеръ у тебя въ головѣ!... Ну, вотъ теперь, будемъ говорить, хотъ бы про графа Толстаго... Отчего бы какимъ ни на есть манеромъ не поддѣлаться къ нему и не отхватить у него этакъ десятины хотъ 20 земли, какъ у Тургенева...

— Но за то, вставилъ о. дьяконъ, Николай Василичъ приобрѣли себѣ отъ графа лошадку...

— Экой ты, чудакъ! Во-первыхъ, онъ заработалъ ее перомъ: во-вторыхъ, лошадь какая-то, дѣйствительно, сумасшедшая... Николай мнѣ писалъ про нее, (хоть онъ и забылъ, должно быть, про это): сѣлъ на нее верхомъ, она сейчасъ на дыбы... Запрегъ въ повозку, какъ полоумная, несется, не останавливаясь, отъ станціи до станціи... Ежели ты, напримѣръ, потерялъ шляпу, или какъ нибудь вывалился изъ телеги, чего избави Богъ, ребенокъ,—она ни за что не дастъ тебѣ поднять ихъ... Ежели теперь встрѣтишься съ роднымъ, или знакомымъ, хотя бы съ самимъ о. благочиннымъ—таже исторія!.. Только и дастъ проговорить: здравствуйте да прощайте!.. Вотъ къ кабаку еще можно ее направить, потому она считаетъ его за постоянный дворъ... да и то больше ска-

лика не дастъ выпить, анафема... въ противномъ случаѣ,—сейчасъ на дыбы, брыкаться и ломать оглобли...

— Она, должно полагать, пояснилъ мой братъ, принадлежитъ къ обществу трезвости...

— Ну, да! подхватилъ мой отецъ: ты, Ваяюшка, знаешь изрѣченіе Гоголя: хотя Александръ Македонскій былъ и великій человѣкъ, но зачѣмъ-же стулья-то ломать?..

Веселый смѣхъ завершилъ нашу родственную бесѣду.



VIII.

Вѣсти о гр. Л. Н. Толстомъ.

Милый сынокъ! говорила мнѣ мать:
отдай одну графскую лошадку
Ванюшкѣ, а то у него только
парочка, и онъ на ней не доѣдетъ до
Кавказа: тарантасъ тяжелый, дѣтей куча.

— Что-жъ, пускай Ваня возьметъ „Сумасшедшаго“, котораго я заработалъ перомъ...

— Да „Сумасшедшій“ не годится для такой дальней дороги... на первой же верстѣ онъ всѣхъ растреплетъ, либо завезетъ куда нибудь въ канаву.

— Нѣтъ! возразилъ мой отецъ: „Сума-

ешедшій“ просто жидокъ... на немъ только ѣздить верхомъ...

— Какъ верховая лошадь, онъ никуда не годится, замѣтилъ я: отъѣдетъ версты двѣ—и сейчасъ на дыбы, а если затянешь поводья—опрокинется на спину и сѣдока придавитъ... Словомъ, вамъ угодно „Чалаго?“ Но вѣдь онъ не мой... графскій...

— Ты его послѣ тожъ какъ нибудь заработаешь перомъ, для тебя это ничего не стоитъ, зажужилаи все мои родные...

— Ну, хорошо, хорошо! воскликнулъ я: позвольте мнѣ нѣсколько подумать...

— Думай, сколько хочешь... потому, до отъѣзда осталось еще цѣлыхъ двѣ недѣли...

Пока я обдумывалъ, какимъ бы манеромъ „поддѣть на перо“, какъ выразился отецъ, другую лошадь Льва Николаича, судьба готовилась нанести моимъ роднымъ тяжкій ударъ... „Чалый“, какъ будто съ горя — что ему предстоятъ далекій путь,

началъ хирѣть, пересталъ ѣсть кормъ и, повѣспвъ голову, въ глубокой задумчивости стоялъ передъ яслями... Въ одно прекрасное утро, онъ заснулъ—мертвымъ сномъ...

„Сумасшедшій, благодаря своей взбалмошности, такъ-таки и отдѣлался отъ своей обязанности тащить обремененный многочисленнымъ семействомъ тарантасъ за тысячу слишкомъ верстъ...

Въ концѣ мая я возвратился въ Ясную Поляну.

— Левъ Николаичъ дома? спросилъ я кучера.

— Никакъ нѣтъ... Они въ Самарской губерніи кумысъ пьютъ.. Проговскіе пріѣзжали, сказывали, что графъ купилъ тамъ вотъ какую область земли — и не выразишь: больше десяти тысячъ десятинъ... А что же это вы пріѣхали на одной лошади?

— Да „Чалый-то“ издохъ...

— Тэ-экь-сь .. Значить, приказалъ долго жить. Ужъ я въ тѣ поры, какъ вы поѣхали отсюда, подумалъ: безпремѣнно что нибудь случится съ вами: либо гдѣ нибудь въ загорѣ искупаетесь, либо лошадей отобьютъ... Ну, слава Богу, хоть сами-то вживѣ остались...

— Ты, Алексѣй, вотъ что сдѣлай: взаменъ „Чалаго“, поставь въ конюшню „Сумасшедшаго“ и скажи графу, что я отъ него отказываюсь...

— Напрасно вы эти слова говорите, Николай Васильичъ: первое дѣло, вы ни въ чемъ не причинны, что у васъ пала лошадь... сами знаете: въ животѣ и смерти Богъ воленъ... второе дѣло, Левъ Николаичъ терпѣть не можетъ „Сумасшедшаго“... за его ухватку... Наконецъ того, я долженъ этому идолу отпустить сѣно и овесъ, а безъ графскаго разрѣшенія я не могу этого сдѣлать. . Сами посудите... А вотъ лучше всего: не угодно ли

вамъ, съ дорожки, чайку попить со мною да водочкой заняться... Пожалуйте въ анжерю... Я теперь наибольшую часть тамъ живу, потому садовникъ, Михей, съ кругу сиплея и получилъ расчетъ...

Я не отказался отъ гостепріимнаго предложенія кучера и отправился въ знакомую оранжерею, гдѣ мы не разъ по долгу бесѣдовали со Львомъ Николаичемъ о литературѣ, о городахъ, какъ разсадникахъ разврата, о „Происхожденіи видовъ“, о любви, а больше всего — о кратчайшихъ путяхъ, ведущихъ человѣчество къ счастью ..

— Не правда ли, хорошо здѣсь? внося въ оранжерею самоваръ, съ веселой усмѣшкой, спросилъ меня кучеръ: главная причина, здѣсь много кпеловроту...

— Откуда ты взялъ это мудреное слово?

— А какъ же! развѣ вы не помните: жилъ у насъ химикъ-швейцаръ... Это я отъ него занялся... Ну, да и то сказать:

пользительная эта наука — химія... дай Богъ помереть!.. Прежде, бывало, чистишь, чистишь конюшню-то съ утра до вечера, и самъ не знаешь, какое теперь дѣйствіе отражаетъ на человѣка этотъ самый конюшенный запахъ?.. А въ настоящій, къ примѣру, моментъ я и близко-то подойти боюсь къ навозной кучѣ... Сейчасъ зажимаю носъ, чтобы, значитъ, ядъ не пропитался въ дыхательное легкое... Очень просто: можетъ случиться кровяное зарожденіе... Ну. и человѣкъ, стало быть, погибъ... Я ужъ за себя мужиковъ заставляю чистить конюшню...

— Прекрасно! гдѣ-жъ теперь этотъ химикъ? Здѣсь, или куда уѣхалъ?

— Давно укатилъ за границу... Да, вѣдь, послушайте, Николай Василичъ: развѣ возможно человѣку, будемъ говорить, полированному и который въ своемъ видѣ, какъ слѣдствуетъ, настоящій учитель, обтесывать, производить въ порядокъ му-

жицкихъ ребятъ? Вѣдь, съ ними съума сойдешь: ты ему говоришь „алтерія“, а онъ крпчнтъ „бугалтерія“, учитель толкуетъ ему, что такое „кисловротъ“, а онъ долдонитъ „букивротъ“... Да съ этимъ народомъ, я вамъ скажу, и святой-то согрѣшитъ... Вотъ отъ этого, отъ самаго, швейцаръ-то и сбѣжалъ... Да и все учителя разбѣхались.... потому, графъ объявилъ имъ, что Яснополянскіе школы закрываются навсегда... амнь!..

Прошло около 27 лѣтъ со дня моего отбѣда на родину изъ Ясной Поляны. Въ этотъ долгій промежутокъ времени Левъ Николаичъ успѣлъ обзавестись семействомъ, а свою литературную дѣятельность ознаменовать двумя капитальными произведеніями, подъ названіемъ: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Какими-то судьбами мнѣ пришлось проѣзжать черезъ г. Крапивну, гдѣ я узналъ, что братъ гр. Толстаго — Сергѣй Нико-

лаичъ, съ которымъ мы нѣкогда находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, состоитъ въ должности крапивинскаго предводителя дворянства. Я на время отложилъ свое путешествіе, рѣшившись во что бы то ни стало, повидаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что его пріѣзда въ Крапивну ожидали со дня-на-день. Получивъ извѣстіе, что Сергѣй Николаичъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ (предсѣдателемъ земской управы), ближайшимъ сосѣдомъ Льва Николаича, прибылъ въ городъ, я немедленно отправился въ квартиру, которую они занимали... Дѣло было вечеромъ.

— Что вамъ угодно? вѣжливо и съ неподдѣльнымъ участіемъ спросилъ меня графъ.

— Сергѣй Николаичъ, вы не узнаете меня... Помните вы Н. В. Успенскаго?..

— Боже мой! отступая назадъ, съ распростертыми руками, воскликнулъ графъ,

да неужели это вы, Николай Васильич?... что же это такое? Какъ мы съ вами измѣнились... Ай, ай, ай!... Впрочемъ, я не мудрено: цѣлая четверть вѣка пронеслась съ тѣхъ поръ, какъ вы жили въ Ясной Полянѣ и гостили иногда въ моемъ Пироговѣ... Садитесь, пожалуйста, давайте съ нами обѣдать... Позвольте васъ познакомить: Бибиковъ, Успенскій.

— Да мы давно знакомы съ Николаемъ Васильичемъ, замѣтилъ Бибиковъ: помните, вы однажды, весной, пріѣзжали ко мнѣ со Львомъ Николаичемъ...

— Очень хорошо помню, сказалъ я: не забыть даже, какъ вы со Львомъ Николаичемъ играли въ бильярдъ...

— А вы слышали, братъ—Левъ-то? съ тревожнымъ видомъ обратился ко мнѣ Сергѣй Николаичъ.

— Что такое?

— Исповѣдуетъ вегетаризмъ, пишетъ для народа книжки, ходитъ по святымъ

мѣстамъ въ лаптяхъ... Самъ себѣ готовить пищу, ѣздить по воду съ бочкой, а разъ одной Яснополянской вдовѣ-крестьянкѣ вспахалъ цѣлый осминникъ земли... Да вы. Успенскій, хорошо знакомы съ тенденціями, которыми онъ проводитъ въ своихъ книжкахъ?

— Еще-бы! Недавно я былъ сельскимъ учителемъ и мнѣ нарочно присылали изъ училищнаго Совѣта цѣлый ворохъ позднѣйшихъ произведеній Льва Николаича, въ которыхъ онъ проповѣдуетъ, что богатство—зло, деньги—пагуба, что мужику нуженъ не надѣлъ, который бы обезпечивалъ его существованіе, а всего только три аршина земли что не слѣдуетъ сопротивлять злу и „еще хочешь совершенъ быть, раздай свое имѣніе нищимъ“..

— Ну, да! что вы на это скажете?

— Мнѣ кажется, что Левъ Николаичъ долженъ былъ бы своимъ примѣромъ санк-

ционировать тѣ принципы, которые онъ проводитъ въ своихъ книжкахъ. Отчего бы, на примѣръ, ему не подарить нищимъ свою Ясную Поляну?

— Онъ говорить, что она ему не принадлежитъ и что онъ самъ живетъ въ ней, въ качествѣ нищаго, „изъ милости...“

— Ну, вотъ Самарскую землю роздалъ бы бѣднымъ крестьянамъ...

— „Эта земля тоже, говорить, не моя... кромѣ лаптей на ногахъ у меня ничего нѣтъ... Когда мнѣ нужно идти въ баню, я и то обращаюсь съ просьбой къ своимъ — дать мнѣ пятачекъ...“

При послѣдней фразѣ, мы разразились дружнымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Дивны дѣла Твои Господи! скрестивъ руки, съ усмѣшкой проговорилъ Сергѣй Николаичъ: вы теперь, Успенскій, куда же направляете свой путь?

— Въ Питеръ, если Богъ донесетъ...

— Къ брату заѣдете? Онъ теперь жи-

ветъ въ Москвѣ, въ Хамовникахъ... я дамъ вамъ адресъ...

— А не сердится на меня Левъ Николаичъ?

— За что же? Богъ съ вами!..

— Помните, я по вашему настоянію, сообщилъ въ семействѣ Ауэрбахъ о неласковомъ обращеніи вашего брата съ однимъ изъ его учениковъ...

— Охъ, батенька! да онъ забылъ объ этомъ и думать: „въ дѣтскомъ возрастѣ, говорить, я не такія дѣла раздѣлывалъ...“ Пустяки! непременно заѣзжайте...

На другой день я отправился въ Москву, заручившись подробнымъ адресомъ Льва Николаича.



IX.

Л. Н. Толстой.

Около десяти часовъ вечера, я сѣлъ въ вагонъ третьяго класса, и лишь только поѣздъ тронулся отъ станціи „Ясенки“, какъ одинъ изъ пассажировъ, протирая, занесенное снѣгомъ стекло, воскликнулъ:

— А вотъ сейчасъ будетъ и Яснѣя Поляна, гдѣ живетъ нашъ знаменитый балетристъ и философъ, Левъ Николаевичъ Толстой...

— Какъ жаль, что ничего не видать!

замѣтилъ другой пассажиръ, стараясь раз-
смотрѣть историческую достопримѣчатель-
ность.

— Однимъ словомъ, райское мѣстечко,
пояснилъ пожилой мужчина съ длинными
волосами, одѣтый въ засаленный подряс-
никъ: мнѣ неоднократно случалось бывать
у графа.. У него два каменныхъ дома—
что твои дворцы!... Прекрасный садъ,
анжерей, разныя службы и надворныя по-
стройки...

— А вотъ подите, возразилъ первый
пассажиръ: самъ обладатель этого райска-
го мѣстечка ходить въ лаптяхъ...

— Я такъ понимаю, смиренно отвѣчалъ
подрясникъ: на нихъ нашло какое либо
затмѣніе... Такъ какъ и съ небесными
свѣтилами случается затмѣніе, то почему
же ему индѣ не помрачать умы и земныхъ
свѣтилъ, съ каковыми достойно есть со-
причислить Льва Николаича...

Вскорѣ между пассажирами возникъ

ожесточенный споръ по поводу возврѣній и міросозерцаній графа Толстого; по всѣмъ угламъ вагона раздавались слова: политейзмъ, деизмъ, дарвинизмъ, социализмъ, коммунизмъ и даже буддизмъ...

— Но вѣдь позвольте, возражалъ одинъ изъ оппонентовъ: у самого Будды не было, какъ говорится, ни кола, ни двора, ни куриного пера, и онъ проповѣдывалъ: „блаженъ мужъ, не имѣющій собственности, и его же стези не вѣдаютъ ни люди, ни духи“... А у графа есть имѣніе и всѣмъ извѣстно, куда онъ въ лаптяхъ пошелъ... въ Оптину ли пустынь, въ село ли Спасское къ Тургеневу, или изъ Москвы въ Ясную Поляну.

— Я объ этомъ не спорю... я хочу только сказать, густымъ басомъ провозглашалъ на весь вагонъ другой диспутантъ:— Толстой въ своихъ книжкахъ для народа намѣчаетъ тѣ пункты или, такъ сказать,

вехи, которыя ведутъ человѣчество къ земному счастью...

— Какіе же это пункты?

— Во-первыхъ: не сопротивляйся злу — р-ра-азъ!..

— Другими словами: сиди сложа ручки, когда тебя будутъ колотить по затылку?... Еще, позвольте васъ спросить, какой пунктъ ведетъ людей къ счастью?...

— „Давай больше, бери меньше“...

— Ахъ, да! Это значить: корми другихъ, насыщай, а самъ живи впроголодь...

— Не токмо впроголодь, подхватилъ полурысникъ, а по писанію, каждый изъ насъ, могій вмѣстити, обязанъ питаться акридами... и дивіемъ медомъ...

— Ну, что-жъ, если всѣ мы, господинъ поломникъ, будемъ питаться акридами, какое значеніе придадите вы тогда ржи, пшеницѣ, вину и елею?

— Да, вѣдь, я говорю: могій вмѣстити... да вмѣстить!!.. А что, конечно, мы по сла-

бости человѣческой, засѣваемъ рожь, ячмень, горохъ и всякіе злаки...

— По слабости!.. вдругъ разразился громовымъ голосомъ одинъ изъ пассажировъ: мы ѣдимъ хлѣбъ по слабости человѣческой... Ахъ, ты, ханжа! Ужъ не переодѣтый ли ты графъ Толстой?.. Самъ ты пьешь водку?

— Не брезгую мірскимъ подаваніемъ...

— А если тебѣ предложить жаренаго поросенка или утку съ капустой—тоже не откажешься?..

— Паки глаголю: не побрезгую...

— Не только не побрезгуешь, а будешь пожирать сію свѣдь, аки левъ или акула... Какъ же ты проповѣдуешь, что не слѣдуетъ употреблять въ пищу хлѣбъ?.. Признавайся, хватая за руку поломника, продолжалъ ораторъ: ты не графъ Толстой?!

Всѣ пассажиры разразились громкимъ смѣхомъ.

— Отвѣчай. кто ты?

— Даю вамъ честное слово, что я не графъ Толстой... Я.Владимірской, губерніи крестьянинъ... былъ живописцемъ, потомъ звонаремъ при Христовоздвиженской церкви, овдовѣлъ, а послѣ того началъ странствовать...

— То-то же! Смотри у меня, въ другой разъ не проповѣдуй, что люди рождаются на свѣтъ для того только, чтобы умереть голодной смертію, или отъ „изможденія плоти“..

Въ восемь часовъ утра нашъ поѣздъ благополучно прибылъ въ Москву.

Эй, баринъ, баринъ, пожалуйста! нестройнымъ хоромъ кричали извозчики, съ изумительной удалю, одинъ передъ другимъ, наѣзжая на пассажировъ, близъ вокзала Московско-Курской желѣзной дороги.

— Въ Хамовники! сказалъ я.

— Одинъ билетикъ, сударь... Ужъ и прокачу, за первый номеръ... Останетесь довольны...

Я сѣлъ въ пролетку, и въ скоромъ времени очутился чуть не на самой окраинѣ Москвы.

Домъ, въ которомъ обиталъ нашъ „безсмертный и геніальный“ беллетристъ, былъ въ полномъ смыслѣ „дореформенный“, барскій домъ или, какъ выражаются наши крестьяне, „барскія хоромы“. Онъ примы-

каль къ обширному саду, и окруженъ былъ 3соотвѣтствующими барскому помѣщенію надворными постройками, въ числѣ которыхъ была дворницкая куда я счелъ необходимымъ зайти, чтобы узнать: „принимаетъ ли графъ?“

— По утрамъ они никого не принимаютъ, слышался голосъ изъ-за печки: вечеромъ приходите...

Но мнѣ такъ хотѣлось повидаться со Львомъ Николаичемъ, что я рѣшился войти въ самыя „хоромы“.

Въ просторной передней я не встрѣтилъ ни швейцара, ни „слуги“, и долгое время принужденъ былъ осматривать стѣны, мебель, большое зеркало и ведущую вверхъ лѣстницу, устланную коврами и украшенную тропическими растеніями.

Но вотъ слышались чьи-то шаги... я вдругъ увидалъ съ апатичной наружностью лакея въ крахмаленной рубашкѣ и во фракѣ.

— Что вамъ угодно? небрежно отнесся онъ ко мнѣ.

— Могу я видѣть графа?

— Они утромъ никого къ себѣ не принимаютъ...

— Скажите имъ мою фамилію...

Апатичный лакей поднялся на-верхъ, и вскорѣ вынесъ слѣдующую, отрадную для меня, резолюцію:

— Пожалуйте!

Поднявшись по лѣстницѣ, я пропелъ залъ, увѣшанный картинами въ золоченыхъ рамахъ, затѣмъ длинный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго сопровождали меня двери, напоминавшія меблированные комнаты. Но вотъ въ самомъ концѣ корридора, показалась коренастая фигура самого гр. Л. Н. Толстаго, одѣтаго въ широкую блузу, подпоясанную ремнемъ ..

— По утрамъ я никого не принимаю, пожимая мнѣ руку, сказалъ графъ, но васъ безъ чаю не отпущу... Садитесь, раз-

сказывайте, гдѣ были и что видѣли? мы съ вамп давненько не видались... У брата Сергѣя не были?

— Я видѣлся съ нимъ въ Крапивнѣ... Онъ мнѣ и сообщилъ вашъ адресъ.

— Ну, о чемъ съ нимъ толковали? сядя въ кресло, спросилъ Левъ Николаичъ.

— Все объ васъ... Вы для всего русскаго народа представляете какой-то неразгаданный сфинксъ...

— Ха-ха-ха!.. Это превосходно! Ну, скажите, пожалуйста, за что нарекли меня сфинксомъ, когда я проповѣдую одни только евангельскія истины? „Не сопротивляйся злу“—напримѣръ...

— Но въ Евангеліи, Левъ Николаичъ, этого не сказано, возразилъ я: да и фізіологія вамъ докажетъ, что даже обезглавленная лягушка старается лапой устранить отъ себя уколъ булавкой, въ силу рефлекса...

— Все это я знаю, и все это читалъ...

Скажите мнѣ лучше вотъ что: отчего вы бросили должность сельскаго учителя?

— Отъ того, что не хотѣлось пропагандировать или, лучше сказать, заражать молодое поколѣніе вашими тенденціями...

— Вотъ какъ! Заражать?.. Какія же бактеріи вы въ нихъ усматриваете?

— Во-первыхъ, вы въ своихъ твореніяхъ отстаиваете только свое личное счастье, а во-вторыхъ,—вы обставили свое гнѣздышко такими нарѣзными орудіями, передъ которыми спасовалъ бы нашъ неустрашимый генералъ Скобелевъ... Возмутительнѣй же всего то, что вы свое „личное“ счастье прикрываете общественнымъ благомъ.



X.

Гр. Л. Н. Толстой въ Москвѣ.

Кабинетъ графа представлялъ собою уютное и до нѣкоторой степени поэтическое гнѣздышко, всецѣло располагавшее къ творческой дѣятельности. Два большія окна проливали обильный свѣтъ на письменный столъ, обрамленный красивой, деревянной рѣшеткой; другія два окна смотрѣли въ обширный садъ, въ глубинѣ котораго виднѣлась горка, имѣвшая неоспоримое право считаться излюбленнымъ мѣстопребываніемъ оленей и газелей. Мебель въ кабинетѣ

маститого беллетриста была, въ полномъ смыслѣ, барская.

— Вы, я слышалъ, были сельскимъ учителемъ? спросилъ меня Левъ Николаичъ.

— Къ счастію, имѣлъ возможность ознакомиться съ этой профессіей, благодаря содѣйствію вашего брата Сергія Николаича.

— И что-же?...

— Грѣшный человѣкъ, уклонился отъ этого рода подвижничества...

— Жаль! очень жаль! вы бы много пользы могли принести народу...

— Повѣрьте, Левъ Николаевичъ: требовалось сверхъестественныя, нечеловѣческія усилія, чтобы продержаться на этомъ тернистомъ пути хоть два или три мѣсяца. Представьте себѣ грязное, лишенное воздуха помѣщеніе, бискомъ набитое юными слушателями; затѣмъ, буквально искалѣченный шкафъ, наполненный какими-то рваными книжками, которыя были такъ

между собою перетасованы, что въ таблицѣ умноженія, на примѣръ, я находилъ картину жертвоприношенія Авраама, воздѣвающаго непомянутой величны ножъ надъ вытянутой шеей Авеля; вашего замерзающаго у часовни странника встрѣчалъ, какъ бы въ качествѣ нѣкоей иллюстраціи, среди описанія дикарей папуасовъ и т. п...

— Отчего бы вамъ не постараться привести школу въ порядокъ?

— Видите, въ чемъ дѣло, Левъ Николаичъ; препорученное мнѣ училище играло роль церковной сторожки, куда въ антрактахъ, между заутреней и обѣдней, стекались прихожане, которые, пользуясь отсутствіемъ замка у шкафа и безпомощно висѣвшими, какъ крылья у подстрѣленной птицы, аляповатыми дверцами, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти рвали учебныя пособія, дѣлали изъ нихъ, такъ называемыя „носогрѣйки“ и, такимъ обра-

зомъ, въ самомъ коряѣ подрывали дѣло народнаго образованія...

— Ну, вы бы купили на свой счетъ замокъ и петли для дверцевъ! возразилъ графъ.

— Не на что было купить и этой бездѣлицы, потому-что, во все время моего служенія въ должности сельскаго учителя, вопросъ о моемъ жалованьи служилъ „яблокомъ раздора“ между училищнымъ совѣтомъ и волостнымъ правленіемъ, во главѣ котораго былъ старшина закадычный другъ нашего училищнаго сторожа. А послѣдній служилъ совершеннымъ „камнемъ преткновенія“ для моей педагогической дѣятельности. Представьте себѣ лежащаго на печи вѣчно-пьянаго отставнаго солдата, который, во время моихъ лекцій, преподавалъ моимъ ученикамъ съ своей патріархальной трибуны такого рода сен-тенціи:

— Вы слышите, ребята, что вамъ учи-

тель-то говорить? .. „Чти отца твоего и мать твою...“ А нынче развѣ почитаютъ дѣти своихъ родителей?..“ Ни въ жисть!.. Теперь какое время настало? Братъ на брата, а сынъ на отца... Вотъ и разбирай, кого хочешь...

Толстой весело смѣялся.

— Скажите, пожалуйста, возразилъ онъ: отчего вы не пишете рассказы для народа? Помните вашихъ посорившихся мужиковъ?.. Вотъ хоть бы въ такомъ родѣ вы намъ дали чтонибудь...

— Мнѣ хотѣлось, Левъ Николаичъ, написать для народа что нибудь изъ естественныхъ наукъ...

— Э-э! вздоръ! И не думайте!... Всякая популяризація—мерзость...

— Но вы сами хорошо знаете, что наши мужички не имѣютъ даже понятія о кислородѣ...

— Повѣрьте, имѣютъ! сдѣлавъ недо-

пускающей противорѣчія жестъ рукой, воскликнулъ графъ... Имѣютъ!..

— Но отчего же, по увѣренію статистиковъ, крестьянскія дѣти умираютъ въ ужасающемъ количествѣ?..

— Пускай ихъ мрутъ! совершенно неожиданно для меня, высказался Левъ Николаичъ, и не замедлилъ пояснить свою мысль: вмѣсто завядшей травки — выростетъ другая...

Я сталъ въ тупикъ и не зналъ, что отвѣчать... Авторитетъ, которымъ пользуется Левъ Николаичъ до сихъ дней, какъ психологъ и философъ совершенно сковалъ мнѣ уста...

— Я слышалъ, перемѣнилъ разговоръ графъ: вы были женаты?

— Увы!..

— Почему же такъ?

— Отвѣчу словами Соломона: *vanitas vanitatum*...

— Что за вздоръ? стало быть, не было взаимности?..

Напротивъ, этого добра была черезчуръ много... Вотъ, поэтому-то я больше не признаю такъ называемаго личнаго счастья, которое вы проповѣдуете въ своемъ романѣ „Анна Каренина“.

— Я въ немъ ничего не проповѣдую... я только констатирую факты...

— Неправда! сказалъ я, поднимаясь съ барскихъ креселъ, и приготовляясь произнести грозную филиппику нашему незабвенному беллетристу, который въ свою очередь всталъ съ мягкаго дивана...

— Чтó же я проповѣдую въ своемъ романѣ? сказалъ графъ.

— Истину, которую давнымъ давно пропагандировалъ блаженной памяти попъ Сильверстъ, отвѣчалъ я.

— А именно?

— „Жена да боится своего мужа“...

— Да развѣ это худо?

— Напротивъ, очень похвально, только, къ сожалѣнію, не ново... Сильверстъ рекомендовалъ для семейнаго счастья „плетку“, а вы сочинили цѣлый романъ, который лучше всякой плетки можетъ скрепить узы Гименея... Вамъ, какъ изобрѣтателю этой творческой плетки, лучше знать, въ чемъ тутъ вся суть заключается... Въ вашемъ романѣ всѣ супруги-мужья, сколько ихъ ‘въ наличности не оказывается, невинныя какъ агнцы и ни одинъ изъ нихъ, влекомый угрызениями совѣсти, не рѣшается броситься подъ паровозъ... Но... Анна Каренина неминуемо должна была экспонировать своей бѣлоснѣжной шейкой на рельсахъ... Какъ ни упрашивали почитатели вашего таланта не производить съ Карениной такую звѣрскую расправу, вы все-таки, съ ловкостью мясника, свое дѣло сдѣлали...

Графъ поблѣднѣлъ. Я продолжалъ:

— Безобразіе всего то, Левъ Нико-

лаичъ, что вы послѣ этого роковаго поѣзда, подъ которымъ погибла ваша „любящая“ героиня, ни-мало не постѣснились раздѣлять ученіе нашего Небеснаго Стратотѣрнца, который однимъ своимъ словомъ спасъ блудницу отъ избіенія ее камнями...

— Давно вы не были въ Питерѣ? спросилъ меня графъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Не далѣе, какъ прошлую зиму.

— И въ литературныхъ кружкахъ тамъ резонерствуютъ обо мнѣ въ такомъ же родѣ!

— Всѣ, исключая газеты „Новое время“. Васъ просто на-просто величаютъ пигмеемъ, сидящимъ на исполинскомъ конѣ, съ которымъ вы никакъ не можете справиться. Правда, вашъ творческій талантъ всѣ признають, но... вотъ, подите!.. вашъ умъ сравниваютъ съ пигмеемъ, который никоимъ образомъ не можетъ

справиться съ присущимъ вамъ могучимъ талантомъ—въ живыхъ и неподражаемыхъ краскахъ воспроизводить дѣйствительность... но въ способности обобщать факты и дѣлать изъ нихъ философскіе выводы—всѣ вамъ отказываютъ, за исключеніемъ, повторяю, газеты „Новое время“, которая почему-то вамъ очень симпатизируетъ... и дѣлаетъ глазки...



XI.

Д. В. Григоровичъ.

Мое знакомство съ Дмитріемъ Васильичемъ началось самымъ оригинальнымъ образомъ, благодаря обязательной рекомендаціи А. В. Старчевскаго — издателя газеты „Сынъ Отечества“, въ которой напечатанъ былъ одинъ изъ моихъ рассказовъ.

Подавая мнѣ аляповатое изображеніе какого-то господина съ бакенбардами, г. Старчевскій внушительно произнесъ:

— Вотъ это нашъ знаменитый народный писатель, Григоровичъ... Возьмите себѣ на память... Мы въ видѣ бесплатной преміи,

разсылаемъ этотъ портретъ всѣмъ своимъ подписчикамъ...

Получивъ столь цѣнный подарокъ, я не замедлилъ оповѣстить о немъ всѣхъ своихъ товарищей, вслѣдствіе чего портретъ Дмитрія Васильевича, переходя изъ рукъ въ руки, началъ странствовать по всѣмъ номерамъ медицинской академіи, и такимъ образомъ, не мало способствовалъ популярности знаменитаго беллетриста и возбужденію интереса къ его произведеніямъ.

Какъ извѣстно, беспощадная сила времени ступала пня этого литературнаго корифея, занимавшаго вполне законное мѣсто на ряду съ Тургеневымъ, Толстымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ и Гончаровымъ. Дмитрій Васильичъ на долгое время прекратилъ свою творческую дѣятельность, въ виду появленія цѣлой плеяды новыхъ литературныхъ свѣтилъ, большая часть которыхъ была одержима „граждан-

скою скорбію“ и провозглашала, что „сапоги—выше Пушкина“. Это смутное время даже самого И. С. Тургенева заставило положить перо и сказать: „Довольно!“ Какъ бы то ни было, но мнѣ, какъ сотруднику „Современника“, еще не успѣвшему облачиться въ „ризу спасенія“ захудалаго журнала: „Отеч. Записки“ посчастливилось лично познакомиться съ Дмитріемъ Васильичемъ. Однажды, я получилъ отъ Некрасова приглашеніе къ нему на обѣдъ, за которымъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ г. Григоровичемъ. Наружность знаменитаго писателя, его манеры, даже самый голосъ, сразу очаровали меня. Онъ сидѣлъ со мною рядомъ и громко спрашивалъ автора „Записокъ охотника:“

— Помнишь, Тургеневъ, въ твоёмъ Спасскомъ бѣлаго быка?...

— Какъ не помнить! съ добродушной усмѣшкой, отвѣчалъ Иванъ Сергѣичъ.

— Совершенный египетскій аписъ... Я

ужасно любилъ его... А помнишь, съ какою жадностію ты истреблялъ сливочное масло?

Тургеневъ на это ничего не отвѣчалъ, а лишь снисходительно улыбнулся. Но вотъ, наконецъ, Дмитрій Васильичъ удостоилъ и меня вопросомъ:

— Что вы теперь работаете, Успенскій?

— Пишу очеркъ, подъ названіемъ „Обозъ“.

— Что-жъ тутъ интереснаго! Вы хотите описать мужиковъ, которые ѣдутъ съ рядой въ городъ?

— Да, робко отвѣчалъ я.

— Но у васъ, мнѣ кажется, ничего не выйдетъ... Что это за сюжетъ!.. Ну, ѣдутъ себѣ мужики и ѣдутъ... Я тутъ ничего не понимаю...

Время показало, однако, какъ глубоко заблуждался Дмитрій Васильичъ. Мой „Обозъ“ стяжалъ мнѣ неувядаемую славу „знатока народнаго быта“, неоднократно

удостоивался чести быть прочитаннымъ на сценѣ Малаго театра Садовскимъ, а въ Александринкѣ ему пришлось даже фигурировать, въ качествѣ драматической пьески, въ бенефисъ Васильева 2-го. Даровитый бенефициантъ, съ присущимъ ему неподражаемымъ комизмомъ, въ такомъ совершенствѣ исполнялъ роль лакея съ отмороженнымъ носомъ, что привелъ публику въ восторгъ. Обутый въ бѣлыя валенки, онъ торопливо бѣгалъ по сценѣ, и кротко говорилъ, держась за свой носъ:

— Хозяюшка, нѣтъ ли у васъ, родная, гусянаго сальца?

— Да что ты развѣ нехристь какой? зычнымъ голосомъ отвѣчала дворничиха: грѣховодникъ этакой!.. развѣ не знаешь, что теперь постъ?

— Да вѣдь мнѣ сало-то не ѣсть, красавица моя, а только помазать носъ! произнесъ Павелъ Васильичъ такимъ тономъ, что вся публика разразилась громкимъ

хохотомъ и наградила бенефицианта долго несмолкавшими рукоплесканіями. Къ сожалѣнію, остальные актеры въ весьма значительной степени ослабили успѣхъ моего миньютюрнаго произведенія, обувшись въ новенькія лапти, напяливъ на себя какіе-то снѣжной бѣлизны балахоны и поставивъ своей непремѣнной обязанностію завалиться на колыхавшуюся во всѣ стороны печку, чѣмъ и привели публику въ крайнее безпокойство и смущеніе...

По окончаніи Некрасовскаго обѣда, всѣ литературныя свѣтила со своими спутниками, подъ вліяніемъ Бахуса, сочли нужнымъ возлечь на мягкихъ, широкихъ диванахъ и потолковать „по душѣ“... Дмитрій Васильичъ подходилъ то къ одной группѣ своихъ собратьевъ, то къ другой, желая, повидимому, тоже произвести *causerie* „по душѣ“, но, замѣтивъ къ себѣ общіе равнодушіе, поторопился оставить гостепріимный

и блиставшій огнями кровь поэта „мести и печали...“ Вслѣдъ удалявшемуся литературному корифею, раздавались чуть не вопли о злосчастной судьбѣ, такъ называемой, „меньшей братіи“, о которой Григоровичъ былъ не совсѣмъ лестнаго мнѣнія. Такъ, на одномъ вечерѣ, окруженный тѣсной толпой слушателей, половину которыхъ составляли дамы, онъ мастерски рассказывалъ о безобразной антигигіенической обстановкѣ, среди которой влачить свое существованіе „меньшая братія“, благодаря своей косности и невѣжеству, не поддающимся никакимъ радикальнымъ мѣрамъ.

— Представьте себѣ, говорилъ Дмитрій Васильичъ: ѣду я зимой въ саняхъ, закутанный въ теплую енотовую шубу... А было уже около 9 часовъ вечера... Вдругъ лошади остановились, и кучеръ, почесывая у себя въ затылкѣ, обращается ко мнѣ съ извѣстіемъ:

— Дѣло-то наше съ вами неладно, Митрій Василичъ...

— Что такое? въ испугѣ спросилъ я.

— Мы сбились съ дороги...

— Чего-жъ ты прежде-то смотрѣлъ?

— Господь вѣдаетъ, какъ это случилось... и самъ не знаю...

— Ахъ, ты, Селифанъ, Селифанъ!.. Ну, поѣзжай „на-удалую“... цѣликомъ... авось, куда нибудь да приѣдемъ...

Кучеръ осенилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и мы, „на власть Божію“, понеслись невѣдомо-куда... Я ужъ началъ про себя декламировать пзвѣстные стихи Пушкина: „Вижу, духи собралися средь невѣдомыхъ равнинъ“, какъ вдругъ услыхалъ собачій лай... Мы въѣхали въ какую-то деревушку и отыскиали избу, гдѣ можно было переночевать... Но вы, господа, представить себѣ не можете болѣе отвратительную картину, чѣмъ какую я увидалъ, войдя въ курную пзбу съ грязнымъ поломъ,

зѣвающими во всю глотку дѣтьми, мычащими телятами, какими-то хрюкающими жпвотными и тускло освѣщенную горѣвшей лучиной, воткнутую въ, такъ называемый, „свѣтецъ“...

— А что такое свѣтецъ, Дмитрій Васильичъ? спросила одна барышня.

— Это такъ себѣ... нѣчто вертикально поставленное среди избы, въ родѣ толстой оглобли...

Зала огласилась громкимъ смѣхомъ...

— Ну, что же, что же далѣе? Разсказывайте, пожалуйста, упрасивали дамы.

— Само собой разумѣется, закуривая папиросу, продолжалъ Дмитрій Васильичъ: ужъ мнѣ было не до сна, тѣмъ болѣе, что и лечь-то было негдѣ... нары, печка, палаты и всѣ лавки были заняты, не исключая и подпечника, въ которомъ помѣщались какіе-то птицы. Поднявъ воротникъ своей енотовой шубы, я усѣлся въ переднемъ углу на конникѣ, съ твердой

рѣшимостью не спать до утра... Но увы! я такъ былъ утомленъ, что невольно задремалъ... Вдругъ пробуждаюсь, и чувствую, что умираю... Огонь въ избѣ былъ ужъ потушенъ; среди кромѣшной тьмы раздавалось дружное храпѣніе... Благодаря невообразимой атмосферѣ, я ощущалъ приступы асфикціи и, по чувству самосохраненія, началъ искать дверь... Но ея не оказывалось... либо я натыкался на нары, либо на какую нибудь пряху, либо на спящаго теленка... Наконецъ, я впалъ въ обморокъ и безпомощно упалъ на грязный полъ...

— Поже мой! хоромъ воскликнули дамы: это ужасъ. *C'est incroyable...* какъ же вы остались живы?..

— Благодаря простой случайности: я угодилъ головой прямо въ дверь, которая отворилась и пропустила струю свѣжаго воздуха... Не будь этого, заключилъ Дмитрій Васильичъ: вы бы не услышали отъ меня этого разсказа .

Самые громкіе и восторженные аплодисменты раздались въ залѣ.

Въ послѣдній разъ я увидалъ Дмитрія Васильича въ ресторанѣ Доминика, на Невскомъ. Вошедши въ залъ, онъ приказалъ лакею подать себѣ „телячьи ножки“ и затѣмъ, осматривая посѣтителей, вдругъ остановилъ свой взглядъ на мнѣ.

— Успенскій! это вы? подходя ко мнѣ, спросилъ Дмитрій Васильичъ.

Мы пожали другъ другу руку.

— Давно, давно мы съ вами не видались, продолжалъ маститый беллетристъ: сядемте-ко за однимъ столомъ и вспомнимъ старину...

— Откройте намъ секретъ, Дмитрій Васильичъ, сказалъ я: отчего вы бросили литературу? вѣдь вы знаете, какъ много на Святой Руси почитателей вашего таланта...

— Да некуда стало писать... Во всѣхъ теперешнихъ журналахъ требуется тенденція, гражданская скорбь и развѣнчи-

ваніе авторитетовъ, а я просто люблю изображать картины, которыя мнѣ по сердцу...

— Ну, вотъ въ своемъ „Гуттаперчивомъ мальчикѣ“ вы провели же тенденцію и прекрасно сдѣлали...

— Это совсѣмъ другое дѣло... тутъ идея органически совпадала съ формой, а вы должны знать, что это рѣдко встрѣчается въ области искусства...

Въ это время слуга принесъ телячьи ножки, которыми и занялся Дмитрій Васильичъ.

— Отчего вы, спросилъ я, оставилъ свое Каширское имѣніе, живописные берега Оки, которые съ такимъ мастерствомъ изображали въ своихъ произведеніяхъ?..

— Просто, не было никакой возможности тамъ жить... Вообразите себѣ такого рода сцену: вваливается въ мой домъ пономарь, окруженный цѣлымъ, или лучше сказать, несмѣтнымъ полчищемъ своихъ золотуш-

ныхъ дѣтей, падаетъ передо мною на-колѣни и начинаетъ умолять:

— Батюшка-благодѣтель, Митрій Василчъ: спасите отъ неминуемой гибели... Заставьте за себя вѣчно Бога молить!

— Въ чемъ, въ чемъ дѣло? Расскажи, пожалуйста, съ неподдѣльнымъ участіемъ спрашиваю я.

— Кормить семью не чѣмъ... А вы извольте посмотрѣть на мое потомство: аки песокъ морской... Чортъ укормить такую араву...

— Чѣмъ же я вамъ могу услужить?

— Да у васъ, будемъ говорить, за вашимъ садикомъ, пустоеть осьминникъ землицы... Пожертвуйте его мнѣ...

— Съ удовольствіемъ, но меня удивляетъ, какимъ образомъ такая скрупулезная частица земли можетъ прокормить ваше многочисленное семейство...

— Ужъ я знаю свое дѣло... не безпокойтесь... Мы съ женой все обдумали...

Я приказалъ своему управляющему совершить у нотаріуса дарственную запись, и такимъ образомъ сдѣлать причетника полнымъ обладателемъ сказаннаго осьминника. Чѣмъ же, вы думаете, кончилось дѣло? Пономарь, на вновь пріобрѣтенномъ клочкѣ земли, выстроилъ себѣ... кабакъ, который не замедлилъ сдѣлаться не только вмѣстилищемъ невообразимаго, безшабашнаго пьянства, но и притономъ лошеводовъ, которые въ самое короткое время успѣли украсть у меня тройку лошадей...

Ну, вотъ и живите послѣ этого въ деревнѣ...



XIII.

Встрѣча съ Н. Г. Помяловскимъ.

Мордная, широкоплечая фигура молодого человѣка, лѣтъ 30, съ сѣрыми, нѣсколько воспаленными глазами, густыми волосами, зачесанными вверхъ и съ характеристичнымъ шрамомъ на щекѣ, вслѣдствіи золотухи, дастъ читателю приблизительное понятіе о внѣшнемъ видѣ нашего даровитаго и преждевременно угасшаго автора „Мѣщанскаго счастья“, „Молотова“, „Бурсы“, „Брата и Сестры“ и пр.

Однажды, я услыхалъ порывистый звонъ колокольчика въ передней своей квартиры и разговоръ со служанкой:

— Здѣсь живетъ Н. В. Успенскій?

— Здѣсь, сударь... а вамъ что угодно?

— Прежде всего, позвольте мнѣ снять съ своихъ сапоговъ „водохлебы“, т. е. калоши, а потомъ познакомиться съ вашимъ жильцемъ... Николай Васильичъ! рекомендую: Помяловскій... входя въ мою комнату, густымъ басомъ возвѣстилъ посѣтитель.

Я горячо обнялъ нашего незабвеннаго писателя.

— Посылай за тминной, сказалъ онъ, садясь на диванъ: тебѣ, братъ, посчастливилось... ты знаешь народъ... а мнѣ, кроме кладбищенства, да столичной суматохи, ничего не пришлось извѣдать...

— Да, вѣдь, и это хорошо, Николай Герасимычъ, сказалъ я, отдавая кухаркѣ приказаніе относительно „тминной“.

— Да, братъ! продолжалъ Николай Герасимычъ. Бурса наложила на меня такія вериги приниженія человѣческой лично-

сти, что я никакъ не могу ориентироваться среди непроглядной и грозной тучи „вопросовъ жизни...“ а въ концѣ концовъ, по примѣру многихъ своихъ собратій, я сталъ искать veritas in vino... тѣмъ болѣе, что такой авторитетъ, какъ Н. А. Некрасовъ увѣряетъ каждаго изъ своихъ сотрудниковъ, что на Руси жить хорошо одному только пьяному... Вотъ пьянство и сдѣлалось мнѣ широковыщательнымъ знаменемъ, подъ которымъ я считаю своею обязанностію стоять и даже этимъ знаменемъ гордиться...

Николай Герасимычъ прошелся по комнатамъ и прогремѣлъ замѣчательнымъ басомъ: „а жена да боится своего му-у-у-жа!“

— Слушай, Успенскій, вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ Помяловскій: вѣдь мы съ тобой сила... не правда-ли? Давай, бросимъ литературу!.. Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что ея судьбами

заправляютъ эксплуататоры, которые высасываютъ изъ насъ кровь...

— Ну, а чѣмъ же мы съ вами будемъ заниматься?

— Во первыхъ, откроемъ булочную... Это, я тебѣ скажу, очень выгодно... потому, тутъ главную роль играетъ припекъ... затѣмъ, сами будемъ издавать какой нибудь дневникъ, или газету...

Въ одинъ ненастный осенній вечеръ, я получилъ извѣстіе, что Николай Герасимычъ скончался въ клиникѣ, на Выборгской сторонѣ. Я поторопился „отдать послѣднее цѣлованіе“ незабвенному собрату, трупъ котораго покоился на красномъ столѣ, въ ожиданіи „вскрытія“, которое производилъ знаменитый анатомъ Груберъ, окруженный многочисленной толпой студентовъ.

Какіе результаты обнаружило „вскрытіе“ мнѣ неизвѣстно...



XIV.

В. А. Слѣпцовъ.

Былъ ненастный ноябрьскій вечеръ. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ; вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и я увидалъ дробную фигуру въ очкахъ, съ клинообразной бородой.

Выйдя изъ за стола, я поспѣшилъ навстрѣчу нежданному гостю, въ которомъ узналъ А. И. Левитова.

— Я тебѣ не помѣшалъ? тихо спросилъ онъ, снимая съ себя верхнее платье.

— Напротивъ, ты очень обрадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Кажется, ты что-то писалъ?

— Началъ разсказъ изъ народнаго быта, подъ названіемъ „Змѣй“.

— Эта какой же такой „змѣй“, ужь не „огненный“ ли?..

— Видишь ли, въ чемъ дѣло: нѣкій сельскій огородникъ вздумалъ по ночамъ дѣлать визиты одной придураковатой дѣвкѣ въ то время, когда она находилась въ объятіяхъ Морфея... Мужики рѣшили, что къ ней прилетаетъ змѣй...

— Понимаю, понимаю!.. Я тоже обдумываю недурную вещицу, только сперва надо у кого нибудь заполучить авансу... А что-же, садясь на диванъ, умаленно проговорилъ Александръ Ивановичъ: не угостишь водочкой?

— Непремѣнно!..

Мы выпили по стаканчику; бесѣда наша оживилась.

— Знаешь, какую новость я тебѣ сообщу? торжественно возвѣстилъ мой собратъ „по перу“.

— А именно?

— На Знаменской улицѣ, въ великолѣпнѣйшемъ домѣ открылась коммуна...

— Это что такое? Я тебя не понимаю...

— Коммуна происходитъ отъ слова communis—общій... Другими словами, открылось общежитіе, благодаря почину, авторитету и энергіи Слѣпцова... Ты не знакомъ съ нимъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— „О-о! познакомься непременно!“ скажу я словами Репетилова. Но что особенно прискорбно: Василій Алексѣичъ послѣ своей повѣсти: „Трудное время“ не пишетъ ничего.

„Вотъ такихъ людей-то съчь,

Да приговаривать: писать, писать, писать!..“

— Однако, расскажи мнѣ что нибудь про эту коммуны.

— Дѣло въ томъ, что въ ней живутъ образованные молодые люди и дѣвушки вмѣстѣ, ежемѣсячно взнося въ общую кассу известную сумму денегъ, которыми завѣдуетъ Слѣпцовъ... Что-жъ? мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная... Ты вотъ, напримѣръ, платишь за свою комнату 12 р. и за свои же деньги подвергаешься оскорбленіямъ со стороны невѣжественной квартирной хозяйки, умираешь съ тоски въ одиночествѣ, среди четырехъ облупленныхъ стѣнъ, не имѣя и сотой доли тѣхъ удобствъ, которыми пользуются обитатели коммуны: а тамъ ты, сидя передъ каминомъ, можешь улаждать свой слухъ звуками піанино или арфы, отводить душу бесѣдой съ интеллигентными людьми, имѣешь подъ рукой всѣ газеты и журналы... да, наконецъ, прими во вниманіе женскій персоналъ, который, что ни говори, не мало способствуетъ подъему духа... Давай-ка выпьемъ...

— Ну, скажи, отчего-бы намъ съ тобой не жить въ такомъ раю?.. Для меня и для тебя совершенно безразлично, кому не платить 12 р. въ мѣсяцъ...

— Нѣтъ! насъ съ тобой туда не примутъ...

— Это почему?

— А вотъ на какомъ основаніи: сегодня у насъ имѣются деньжонки, а завтра и даже послѣ завтра—ни гроша... Въ коммунѣ же требуется аккуратный взносъ... тамъ, братъ, свой уставъ, составленный *Слѣпцовымъ*... Я разъ говорилъ ему, дескать, нельзя ли мнѣ, въ качествѣ хоть парія, какъ нибудь пріютиться у васъ, хоть, примѣромъ будемъ говорить, въ кухнѣ...

— Ну, нѣтъ! сказалъ Василій Алексѣичъ: это немыслимо, во-первыхъ потому, что у насъ въ кухнѣ соблюдается самый строгій, педантическій порядокъ, а ты любишь, вслѣдствіе катарра, чуть не

черезъ двѣ-три минуты плевать... Во-вторыхъ, ты любишь выпить и изъ кухни можешь какъ нибудь ворваться въ самую коммуну и бушевать... А главное, всѣ вы, народные писатели, страдаете безденежемъ, а у насъ живутъ люди болѣе или менѣе обеспеченные: тутъ есть и дочка графа, и сыночекъ Титъ Титыча... Нѣтъ, Левитовъ, ты эту кухню выбрось изъ головы... Я лучше буду, по временамъ, оказывать тебѣ пособіе въ формѣ какого нибудь пиджака, трехъ рублей, стеариновыхъ свѣчей и т. д. Такъ поѣдемъ, если хочешь? возгласилъ Левитовъ, допивая послѣдній стаканъ водки: объ извозчикѣ не заботься... Слѣпцовъ ему заплатить.

Мы отправились. Я былъ не мало изумленъ, когда Левитовъ, по прїѣздѣ на Знаменскую улицу, приказалъ извознику остановиться у ярко освѣщеннаго подъѣзда громаднаго дома, напоминавшаго своей внушительной наружностью совершенный

дворецъ. Съ необычайной развязностью, Александръ Ивановичъ миновалъ солиднаго швейцара съ булавой, и началъ подниматься по лѣстницѣ, украшенной статуями греческихъ боговъ и экзотическими растеніями. Слѣдуя за своимъ собратомъ, я ужъ началъ подозрѣвать его въ сильномъ куражѣ, когда онъ вдругъ остановился на первой площадкѣ и съ необыкновенной силой нажалъ пуговку электрическаго звонка...

— Вотъ, братъ, гдѣ помѣщается коммуна-то, многозначительно проговорилъ Левитовъ... а ты думалъ, гдѣ нибудь подъ крышей?.. Нѣтъ! что ни говори, а Слѣпцовъ философъ... онъ знаетъ свое дѣло...

Мы очутились въ роскошной квартирѣ съ необозримой амфиладой комнатъ, освѣщенныхъ люстрами, лампами съ затѣйливыми обажурами и бра на стѣнахъ. Повсюду слышался веселый, шумный говоръ,

смѣхъ, споры, а гдѣ-то вдали раздавались мелодичные звуки фортепьяно. Но вотъ и самъ Слѣпцовъ.

— А-а! Александръ Ивановичъ! раздался привѣтливый голосъ. Съ кѣмъ это ты?...

— Ты не знакомъ съ Н. В. Успенскимъ? таинственно возвѣстилъ Левитовъ.

— Очень, очень пріятно...

Передо мной стояла стройная фигура красиваго молодаго человѣка съ черными, какъ смоль, волосами и бородой. Это и былъ даровитый и преждевременно угасшій писатель Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. На немъ была щегольская куртка, а на головѣ красовалась шапочка съ золотой кисточкой.

Слѣпцова окружалъ цѣлый сонмъ красивыхъ дѣвушекъ, которымъ я и былъ представленъ любезнымъ заправителемъ коммуны...

Мы усѣлись „чинно въ рядъ“, и въ первыя минуты не знали, съ чего начать раз-

говоръ. Спасибо, Левитовъ вывелъ насъ изъ затруднительнаго положенія.

— Что же, Василій Алексѣичъ, смиренно началъ онъ, водочкой попотчуете?..

— Ахъ, да! вставая съ креселъ, воскликнулъ Стѣпцовъ: вы, Николай Васильичъ, пьете водку?

— Потребляю...

— А то не хотите-ли, у меня есть шартрезъ, шато д'икемъ, шато-марго, лафить...

— Нѣтъ, начнемъ лучше съ водки...

— Ну, и прекрасно и я выпью...

— Василій Алексѣичъ! вдругъ воскликнула одна дѣвушка, держа въ рукахъ какую-то увѣсистую книгу: скажите мнѣ, что значить „Спланхнологія...“

— А чортъ ее знаетъ! отвѣчалъ Стѣпцовъ: вотъ у Левитаго надо спросить... онъ учился въ семинаріи и знаетъ древніе языки...

— Спланхнологія, задумчиво произнесъ Левитовъ, тыкая вилкой въ селедку...

Это... это... я вамъ скажу, такая забористая наука... Николай! обратился онъ ко мнѣ: вѣдь ты учился въ медицинской академіи и долженъ знать, что это за штука такая?..

— Сплонхнологія, сказалъ я, ученіе, о внутренностяхъ...

— А патологія? спросила дѣвушка.

— Наука о болѣзняхъ...

— А синдесмологія?

— Ученіе о связкахъ...

— Да, ну васъ совсѣмъ, Скрипицына! гнѣвно воскликнулъ Слѣпцовъ: уйдите, пожалуйста, отсюда... Нашли время толковать о какихъ-то синдесмологіяхъ...

Дѣвушка покорно вышла изъ комнаты, въ которой мы сидѣли.

— Давно не былъ у Некрасова? спросилъ у Слѣпцова Левитовъ.

— Вчера обѣдалъ у него...

— Ну, обо мнѣ не заходила рѣчь?

— Какъ-же! Все, какъ быть слѣдуетъ...

Все соболѣзнуютъ, что ты много пьешь...
Вредно, братъ, я тебѣ по душѣ скажу...

— А имъ, этимъ литературнымъ плантаторамъ, не вредно каждый вечеръ пьянствовать въ клубѣ, да объѣдаться. Я удивляюсь, какъ у нихъ не произойдетъ заворота *intestini recti*...

— Ну, да тамъ, Александръ Ивановичъ, пьютъ не сивуху, а шампанское... Это большая разница...

Въ это время вошла другая дѣвушка, и объявила Слѣпцову:

— Василій Алексѣичъ! Что вы мнѣ посоветуете читать?

— Разумѣется, начните съ классиковъ: читайте Гомера, Ксенофонта, Фукидида, „Параллели великихъ мужей“, Плутарха, Тацита... а послѣ я вамъ скажу, что дѣлать, только, пожалуйста, умоляю васъ, оставьте насъ въ покоѣ...

Дѣвушка не замедлила удалиться...

— Однако, братъ, ты навьючилъ ба-

рышню-то, какъ верблюда какого, своими совѣтами... замѣтилъ Левитовъ, безпомощно раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Я шепнулъ ему, что пора ѣхать. Онъ вдругъ встрепенулся, и подавая руку Слѣпцову, проговорилъ:

— Ну, до свиданья!

Затѣмъ, пошептавъ ему что-то на ухо, Слѣпцовъ досталъ изъ кармана, какую-то незамѣтную вещь, вручилъ ее Левитову и мы отправились во свояси...

— Ну, что, какъ нравится тебѣ Слѣпцовская коммуна?

— Признаюсь, Александръ Ивановичъ, она пришлась мнѣ не совсѣмъ по душѣ...

— А-а! Вотъ-то-то и есть... а ты говоришь, какъ бы намъ тутъ основать свою резиденцію... Да чортъ тутъ не жилъ!.. громко возвѣщалъ Левитовъ, проѣзжая по Невскому. Представь себѣ такое безобразіе: съ утра до ночи Слѣпцовъ окруженъ

барышнями, которыя безъ всякаго милосердія осаждаютъ его вопросами: „что имъ дѣлать? какую стезю жизни избрать?..“ А онъ надуется какого нибудь шартрезу и возвѣщаетъ:

— Надо всѣмъ идти въ народъ!!!

— Что-жъ тамъ дѣлать? спрашиваютъ его поклонницы...

— Отвяжитесь отъ меня, Христа ради... Что хотите, то и дѣлайте... можете быть учительницами, акушерками... мало ли дѣла въ деревняхъ?..

— А вы съ нами пойдете?

— Благодарю покорно! Я пѣшкомъ выходилъ весь Осташковскій уѣздъ и меня мужики однажды чуть не убили до смерти...

— За что же?

— За то, что я во время одного крестнаго хода не снялъ шапки передъ иконами...

Не долго процвѣтать суждено было коммуѣ... Не просуществовавъ двухъ-трехъ

мѣсяцевъ, она, по распоряженію начальства, была закрыта, вслѣдствіе какихъ причинъ, мнѣ неизвѣстно. Левитовъ увѣрялъ меня, что въ этомъ „раѣ Магомета“ между гуріями, которыя всѣ поголовно пылали неукротимой страстью къ красивому литератору, возникли такіе конфликты, которые грозили превратиться въ рукопашныя схватки и даже побоища... Съ своей стороны я мало придаю вѣроятію такому сообщенію.

По слухамъ, Василій Алексѣичъ, во цвѣтѣ лѣтъ, скончался отъ изнурительной болѣзни, которая въ патологiи, носитъ названіе: „irritotio brinalis“... Она является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ эротическихъ эксцессовъ, какъ гласитъ медицина, къ которой я всегда относился скептически...



XV.



Дѣтство Гл. И. Успенскаго.

БЫЛО бы крайней несправедливостью, сообщая хотя бы и летучія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, не упомянуть о такомъ крупномъ и выдающемся литературномъ дѣятелѣ, какъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ разнаго рода корифеевъ, онъ и гр. Толстой украшаютъ своими сильными фигурами опустѣвшій Парнасъ, къ вершинѣ котораго, какъ извѣстно, ведетъ „дорога негладкая...“ Къ сожалѣнію, оба названные писатели, пови-

димому, находятся не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ между собою.

Между воззрѣніями Гл. Успенскаго и гр. Толстого заключается цѣлая бездна, и въ литературной дѣятельности того и другаго усматривается самый напряженный антагонизмъ, производящій удручающее впечатлѣніе на читающую публику.

Я зналъ Глѣба Ивановича съ самаго ранняго его возраста, благодаря тому простому обстоятельству, что „привожусь“ ему двоюроднымъ братомъ. Я былъ смиренный бурсакъ, воспитывавшійся на „мѣдныхъ деньгахъ“ и содержавшійся въ „черномъ тѣлѣ“, а онъ проходилъ гимназическій курсъ и пользовался всѣми земными благами отъ трапезы „богатаго Лазаря“—своего отца, который занималъ должность секретаря въ палатѣ государственныхъ имуществъ и имѣлъ возможность не только жить на барскую ногу, но и благодѣтельствовать своимъ „приснымъ“ (а ихъ было

цѣлый легіонъ), выдавая замужъ какую нибудь родственницу за сельскаго учителя, дьякона или „палатскаго“ чиновника, снабжая совѣтами и деньгами сомнительнаго вида „погорѣвшаго“ пономаря, который являлся къ нему въ качествѣ „земляка“, односельца или товарища по семинаріи, изъ которой онъ, яко-бы по недостатку средствъ, возвратился вспять... На дворѣ Ивана Яковлича (отца Глѣба Иваныча) ежедневно толпилась масса народу, въ которой можно было встрѣтить и цыгана, продающаго лошадь, и сельскаго „голову“, увѣшаннаго медалями и державшаго въ рукахъ обширную лохань съ живыми карпіями и баснословной величинны налимками, равно какъ и цѣлое полчище дьячихъ, пономарей, семинаристовъ и даже спившихся съ круга профессоровъ семинаріи, преподавателей „герминеутики и обличительнаго богословія“, невѣрными шагами пробравшихся сквозь толпу на-

рода, въ прелестный садъ съ клумбами цвѣтовъ, бесѣдкой, на куполѣ которой, эффектно оттъняемая голубымъ фономъ, мерпали яркія звѣзды, и наконецъ скромно ютившейся у забора баней, гдѣ, обыкновенно, находили себѣ безмятежный покой всѣ полупьяные родственники Ивана Яковлича, не исключая лицъ „сладкой породы“ въ образѣ какого нибудь геркулесовскаго тѣлосложенія протодіакона, напоминавшаго своей ужасающей персоной мифическаго Полифема, который нѣкогда хотѣлъ съ аппетитомъ поуживать Одиссею и его спутниками.

Преобладающій составъ контингента посѣтителей отца Гл. Иванаicha составляли крестьяне—„одно-дворцы“, стоявшіе на очереди „отбыванія воинской повинности“ и сгравшіе непреодолимымъ желаніемъ, чтобы имъ „выстригли затылокъ“, а не „лобъ“,—причемъ каждый изъ нихъ запасался извѣстнымъ приношеніемъ. Почти

всѣ они сплошной массой толпились въ длинномъ и просторномъ корридорѣ, который представлялъ изъ себя подобіе вокзала желѣзной дороги...

При такой обстановкѣ провелъ свое дѣтство и отрочество нашъ талантливый, современный писатель, Глѣбъ Ив. Успенскій. Нельзя сказать, чтобы эта обстановка не благопріятствовала развитію его творческихъ силъ. Съ юнаго возраста онъ былъ уже знакомъ съ типомъ какого нибудь сельскаго „головы“ или старосты, съ сельскимъ духовенствомъ и печально доживающимъ свой вѣкъ мужичкомъ, по милости „забритаго лба“ его кормильца-сына...

Считаю не лишнимъ замѣтить, что мой отецъ весьма ловко пользовался вліяніемъ своего брата на судьбу „однородцевъ.“
расхаживая по приходу, онъ положительно терроризировалъ цѣлыя деревни, оповѣщая всѣхъ и каждого, что ему стоитъ толь-

ко написать двѣ строки б р а т у, чтобы низвергнуть чуть не въ область Аида любую крестьянскую семью...

А между тѣмъ, даровитый и впечатлительный мальчикъ (будущій знаменитый русскій писатель) жадно всматривался въ ужасающую дѣйствительность и съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ рассказы о народномъ бытѣ...

Мое отрочество и дѣтство Глѣба Ивановича Успенскаго представляли собою два радіуса, центромъ которыхъ служилъ намъ общій дѣдушка, пономарь Чернскаго уѣзда, имѣвшій счастье принимать въ своей скромной хижинѣ И. С. Тургенева. Направленія упомянутыхъ радіусовъ выразалось въ томъ, что я, несмотря ни на какія метеорологическія пертурбаціи, совершалъ путешествіе въ семинарію пѣшкомъ, а юный Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ въ гимназію на щегольской пролеткѣ и прилежно учился, ежедневно отдавая строгій

отчетъ въ своихъ успѣхахъ родителю; я всячески старался уклониться отъ слушанія лекцій семинарскихъ профессоровъ и возвращался изъ расадника благочестія въ свою квартиру, встрѣчаемый извѣстіемъ кухарки, что руководители моего умственного и нравственного развитія всѣ, безъ исключенія, разошлись по трактирамъ. Глѣбъ Ивановичъ, какъ ученикъ, былъ образцомъ трудолюбія и прилежанія, а мое имя было синонимомъ упорной лѣности, не поддающейся никакимъ мѣрамъ, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто занимала экзекуція...

Какъ городской житель и сынъ „дѣлопроизводителя“ палаты государственныхъ имуществъ, Глѣбъ Ивановичъ долженъ былъ *volens-nolens* ежедневно выслушивать бесѣды „палатскихъ“ чиновниковъ о „повышеніи, пониженіи, награжденіи, перемѣщеніи, о годовыхъ отчетахъ и прибавкѣ жалованья, о забрѣтыхъ лбахъ и затылкахъ,

не имѣя ни малѣйшей возможности составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о томъ, какой эффектъ производятъ эти „забритые лбы и затылки“ въ дѣйствительной жизни и какими потрясающими душу сценами они сопровождаются при своемъ появленіи въ крестьянскихъ избахъ. Онъ не зналъ, на примѣръ, что „забритый“ лобъ наполнялъ цѣлыя тысячи крестьянскихъ избъ плачущими бабами и съ горя пьянствующими мужиками, а „выбритый“ затылокъ служилъ законнымъ мотивомъ къ безшабашному разгулу и веселію.

Юный Глѣбъ Ивановичъ, прогуливаясь въ лѣтнее время въ „Кремлевскомъ“ саду и слушая тошнотворную „духовую“ музыку представить себѣ не могъ, что въ жизни обрѣтаются другія, ни съ чѣмъ не сравнимыя радости, которыми даритъ человека наша мать—природа... Онъ никакъ бы не повѣрилъ, еслибы ему сказали, что де-

ревенскій мальчикъ, ѣдущій лѣтнимъ вечеромъ съ поля вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и держащій въ рукахъ охапку молодого гороха, не въ примѣръ счастливѣе маленькаго гимназиста, присматривающагося къ разряженнымъ кухаркамъ, горничнымъ и разнымъ „барышнямъ“ сомнительнаго поведенія, своими фигурами въ конецъ отравляющимъ прогулку свѣжаго человѣка въ „Кремлевскомъ“ саду...



XVI.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УСПѢХИ

Г. И. Успенскаго.

Отецъ Глѣба Ивановича ревностно оберегалъ будущаго даровитаго писателя отъ знакомства съ бытомъ простаго народа, воспитывая его, какъ настоящаго барича, которому строго настрого внушалось не заводить знакомства съ семинаристами, мѣщанами, туземскими оружейниками, а пуще всего съ мужиками. Ему предназначалась блестящая карьера „палатскаго“ садовника, который, по сущей правдѣ, могъ бы сказать своей душѣ: „яждь, пій и веселись!“ Но вышло на-оборотъ: барство во всѣхъ его

видахъ и формахъ не пришлось Глѣбу Иванычу по душѣ. Лишь только онъ достигъ юношескаго возраста, всѣ его симпатіи стали неудержимо клониться на сторону простой деревенской жизни, изученію и художественному воспроизведенію которой онъ посвятилъ все свое оригинальное дарованіе, достигшее своего апогея въ произведеніяхъ: „Нравы Растерлевской улицы“ и „Власть земли“.

Однажды, лѣтомъ, Глѣбъ Иванычъ посѣтилъ мою деревенскую квартиру, близъ г. Черни, Тульской губерніи. Переступивъ порогъ, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ воскликнулъ:

— Боже мой, какъ у тебя хорошо!... Экая прелесть!... Ну, братъ, ты, по истинѣ, можешь назваться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Вонъ гуси плывутъ по рѣкѣ... Я какъ-то видѣлъ гусей въ Петербургѣ на дворѣ, гдѣ ни единой капли воды не было... Ты не можешь себѣ представить

этихъ, покрытыхъ какою-то сажей, несчастныхъ птицъ. Я ужъ думалъ, глядя въ окно, не пингвины ли это какіе, — о которыхъ такъ подробно повѣствуетъ Дарвинъ... А это, скажи пожалуйста, кто идетъ по лугу? внезапно обратился ко мнѣ съ вопросомъ дорогой гость, глядя въ растворенное окно.

— Нашъ причетникъ.

— Нельзя ли, зазвать его сюда да побесѣдовать... Небойсь, водки нужно?

— Устроимъ все, какъ слѣдуетъ... Эй! Софронычъ! Заходи сюда...

— Это кто-жъ такіе будутъ? входя въ мою комнату и указывая на Глѣба Иваныча, спросилъ меня причетникъ.

— Рекомендую: мой двоюродный братъ, сынъ извѣстнаго вамъ дѣлопроизводителя палаты государственныхъ имуществъ.

— Боже праведный! да неужели это сыночекъ Ивана Яковлпча, моего незабвеннаго благодѣтеля, который помогъ

мнѣ выдать старшую дочь за волостнаго писаря..

— Ну, будетъ объ этомъ толковать!.. Вы лучше расскажите, куда ходили, что видѣли, слышали?.. Не угодноли водочки?..

— Спасивася Царица Небесная!.. ходилъ я въ волостную насчетъ загону... Никакого толку не вышло... Было одно только перекобыльство... съ позволенія вашего, сказать...

Глѣбъ Иванычъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, отозвавъ меня въ сосѣдную комнату, сказалъ:

— Уступи мнѣ это слово...

— Какое? изумился я.

— „Перекобыльство“. Мнѣ хочется вставить его въ діалогъ своихъ героевъ...

— Пользуйся имъ, сколько угодно, тѣмъ болѣе, что оно мнѣ не нравится...

Въ это время причетникъ съ тревожнымъ видомъ извѣстилъ насъ:

— Господа! ради самого Бога, спряч-

тесъ куда нѣбудь... Сюда идетъ самъ атаманъ-разбойникъ!.. Онъ вамъ покою не дастъ...

— Какой такой атаманъ?

— Зарѣшенный дьяконъ... изъ села Голенищей... пьяница—не накажи Господь! Онъ всѣхъ своихъ родныхъ погловно въ смятеніе прпвелъ...

Вдругъ въ передней раздался могучій басъ:

— Хозяину дома сего—здравія, душевнаго спокойствія и во всемъ благаго поспѣшенія...

— Пойдемъ, пожалуста, посмотримъ, что за личность, радостно проговорилъ Глѣбъ Ивановичъ, какъ ребенокъ, которому предстояла возможность увидать живаго льва или тигра.

Едва мы вступили въ залъ (широкая комната съ скрипучимъ поломъ), какъ передъ нашими глазами предстала колоссальныхъ размѣровъ высокая фигура, съ вклю-

кочеными волосами и опухшими глазами, одѣтая въ засаленный, темный подрясникъ.

— Считаю долгомъ аттестовать себя благороднымъ лицамъ, продолжалъ незнакомецъ: отрѣшенный отъ должности сельского діакона, вслѣдствіе злокозненныхъ ухищреній мѣстнаго благочиннаго, Іоаннъ Златоверховниковъ; нѣкогда получалъ за чтеніе апостола на свадьбахъ по 25 р... одѣвался въ порфиру и виссонъ и, какъ евангельскій богачъ, говорилъ самому себѣ: раззорю житницы моя и большія созижду... Но между прочимъ, провидѣнію угодно было допустить, чтобы злоухищренія благочиннаго села Голеницей превозобладали надъ моею судьбой...

— Вотъ типъ-то!... шепнулъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ: Послушай... отдай мнѣ его...

— Сдѣлай милость!.. только я недоумѣваю, какимъ образомъ я преподнесу тебѣ этотъ презентъ!...

— А вотъ какимъ образомъ: ты отправляйся на охоту... (вѣдь у тебя есть ружье) или куда нибудь гулять... хоть въ Чернь... а я займусь этимъ индивидуумомъ...

— Какъ бы тебя этотъ индивидуумъ не уколошилъ въ пьяномъ видѣ?..

— Волковъ бояться---въ лѣсъ не ходить...

— Bravo! сказалъ я и, вскинувъ ружье на плечо, вышелъ изъ своей квартиры, оставивъ съ глазу — на глазъ русскаго Брема съ хищнымъ животнымъ, которое предназначалось быть возведеннымъ „въ перлъ созданія...“

Возвратившись съ охоты, я увидалъ моего гостя сидѣвшимъ за некрашенымъ столомъ, въ переднемъ углу, и занятымъ письменной работой.

— Не помѣшалъ я тебѣ, Глѣбъ?

— Напротивъ, я тебя жду-не-дождусь... Отъ скуки заказалъ хозяйкѣ самоваръ и принялся рыться въ твоихъ бумагахъ...

Ты ужъ извини... Мнѣ ужасно понравилось начало твоего разсказа подъ названіемъ: „Сцены на постояломъ дворѣ...“ Я никакъ не могъ удержаться, чтобы не продолжать его... Вотъ прочти, что́ я написалъ...

Я просмотрѣлъ сценку, начерченную мастерскимъ перомъ Глѣба Иваныча и дружески пожалъ ему руку.

— Теперь и ты помоги мнѣ, сказалъ онъ: у меня въ одной повѣсти должны разговаривать мѣщане... Что ты будешь дѣлать?.. Никакъ не могу справиться съ жаргономъ этихъ господъ...

Я немедленно исполнилъ желаніе Глѣба Иваныча, и мы приступили къ чаепитію...

Власть земли и Власть тьмы.

(Соч. Гл. Успенскаго и гр. Л. Н. Толстаго).

I.



Станція Валдай! поѣздъ стоитъ
пять минутъ. возвѣстилъ кондук-
торъ, зажигая свѣчи въ вагонѣ
3-го класса.

— Занято? спросилъ меня господинъ въ
мѣховой, занесенной снѣгомъ, шубѣ.

— Нѣтъ.

— Вы куда?

— Въ Москву.

— Значить, мы съ вами попутчики...

Зазвенѣлъ колокольчикъ и поѣздъ тро-
нулся...

— Глѣбъ! это ты?

Мы обнялись съ кузеномъ и горячо расцѣловались...

— Будемъ говорить потише... Здѣсь сидитъ графъ...

— Знаю... Я нарочно сѣлъ къ нему спиной... Ты знаешь, мои „Воспоминанія...“

— Э, вздоръ какой! Чѣмъ ты открывеннѣе будешь писать, тѣмъ лучше... Я сейчасъ пойду къ автору „Власти тьмы...“

— Что-то будетъ!.. подумалъ я, провожая взглядомъ автора „Власти земли...“

Не прошло и двухъ минутъ, какъ я услышалъ слѣдующій діалогъ двухъ знаменитыхъ писателей:

— Признаюсь, Успенскій, мнѣ ваша „Власть земли“ не понравилась...

— Точно также, какъ и мнѣ ваша „Власть тьмы...“ Конечно, *de gustibus non est...* Но въ свое оправданіе я долженъ сказать, что въ памяти читателя мнѣ хотѣлось возстановить безсмертное изреченіе Микү-

лы Селяниновича: „меня любить мать сыра земля...“

— Да! подхватилъ графъ съ усмѣшкой: вы дальше прибавляете, что двухсотлѣтняя татарщина и трехсотлѣтнее крѣпостничество могли быть перенесены народомъ только благодаря власти любящей земли...

— Я это писалъ...

— Но вѣдь это дикій абсурдъ: по вашему выходитъ, что благодаря власти земли русскій народъ въ продолженіи 500 лѣтъ былъ гнуснымъ рабомъ...

— Совсѣмъ нѣтъ! Въ концѣ моего разсказа я прямо говорю: „земля—главное не только по отношенію къ народному брюху, но и по отношенію къ народному духу... Земля нужна народу не только для того, чтобы быть сытымъ, но и сохранить свое міросозерцаніе...“

— Котораго нѣтъ!.. Я вамъ скажу, Успенскій, все міросозерцаніе мужика заключается въ томъ, какъ-бы забраться въ

барскій лѣсъ или конюшню, напиться пьянымъ и ни за что, ни про что исколотить свою жену. Вы же сами пишете: „лѣсная мораль мужика заключается въ томъ, чтобы колотить невинную жену и себя въ тоже время считать невиннымъ.“ Въ другомъ мѣстѣ той же „Власти земли“ вы удостовѣряете, что „мужикъ вносить въ людскую жизнь слишкомъ много тенденцій дремучаго лѣса...“ Я вѣдь не лгу, не правда-ли?

— Правда... я писалъ и это...

— Далѣе, вы проповѣдуете, что мужикъ вносить въ людскую жизнь много лѣснаго звѣрства и волчьей жадности... Писали вы это въ своей „Власти земли?“

— Писалъ...

— Такъ... Не согласитесь ли теперь со мною, что всѣ эти прискорбныя явленія представляютъ собою неизбежный результатъ „Власти тьмы“ т. е. невѣжества?..

— Не отрицаю...

— Я говорю къ тому, что мужика надо прежде всего просвѣтить...

— А накормить?

— У него есть ѣда... повѣрьте!

— Но какая? Если вамъ (какъ вегетарианцу) придетъ охота ѣсть сѣно, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что имъ надо потчивать мужиковъ, какъ лошадей...

— Ваши билеты, господа! раздался зычный голосъ кондуктора.

„Контроль“ прошелъ. Разговоръ двухъ знаменитыхъ писателей возобновился:

— Нѣтъ, весело улыбаясь, продолжалъ графъ: въ вашей „Власти земли“ есть просто неподражаемыя вещи...

— А именно?

— Коснувшись прелестей сельской жизни (въ сравненіи съ столичной), вы естественнымъ образомъ изъявляете желаніе, чтобы и мужикъ, никуда не отлучаясь, наслаждался этими прелестями... Но странное дѣло! въ тоже самое время вы гово-

рите, что въ нѣдрахъ сельской природы „идетъ поѣданіе другъ друга... кто-то кого-то ѣсть... только пискъ идетъ...“

— Во-первыхъ, у меня сказано не „въ нѣдрахъ“, а въ „лѣсу...“

— Да не все ли это равно?

— Во-вторыхъ я не говорилъ: „пискъ идетъ...“

— А какъ-же у васъ сказано?

— Просто „ѣдятъ другъ друга“ и больше ничего...

— Втихомолку, значить? Ну, ладно! Далѣе вы приводите нелодражаемый рассказъ Ивана: „какъ мнѣ въ загривокъ-то наклали на желѣзной дорогѣ, гдѣ я служилъ, я и говорю: слава тебѣ, Царица Небесная! Начальникъ станціи далъ хорошаго леца, да начальникъ эксплуатаціи далъ въ загривокъ, тутъ только я понялъ прелесть деревенской жизни. . И такъ выходитъ, по вашимъ словамъ: прежде чѣмъ впустить мужика въ деревенскій эдемъ,

надо предварительно дать ему хорошаго леща и накласть въ загривокъ... Тогда ему, какъ вы говорите, „все будетъ мило: и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка, и завалившійся сарай и тутъ только, замѣчаете вы устами Ивана, мужикъ примется, какъ слѣдуетъ за хозяйство... Наконецъ, проводя мысль, что у „меньшей братіи,“ мало земли, вы утверждаете (буквально передаю ваши слова:) „разживающійся мужикъ безцеремонно жестокъ...“

— Не будемъ спорить объ этомъ... Я съ вами, графъ, согласенъ, что каждому изъ насъ нужно только три аршина земли... Но позвольте васъ спросить: что вы хотѣли сказать своей „Властью тьмы?“

— Объ этомъ мы съ вами потолкуемъ послѣ... А теперь пойдемте чайку попьемъ...

Поездъ остановился у вокзала.



II.

Во всемъ вокзалѣ, входя въ вагонъ, сказалъ графъ, искалъ все рѣдъки — и не нашелъ... Вотъ что значитъ цивилизація!.. Вы, авторъ „Власти земли,“ здѣсь?..

— Здѣсь... впрочемъ я отлучался съ кузеномъ въ вокзалъ...

— Да развѣ вашъ кузенъ здѣсь? Покажите мнѣ его, пожалуйста...

— Онъ боится своихъ „Воспоминаній...“

— Вздоръ какой! Я ихъ читалъ съ удовольствіемъ... Жалѣю, что они на нѣкоторое время прекратились...

— Николай! Иди... къ графу... шепнулъ мнѣ Глѣбъ...

— Боюсь!..

— Чего?

— „Власти тьмы“...

Однако, захвативъ подъ мышку укутанную въ шарфъ гармонію, я приблизился къ графу, при чемъ услыхалъ нѣчто въ родѣ предостереженія со стороны кузена: „ты, вѣроятно, слышалъ, какъ графъ иронизировалъ надъ моею „Властью земли?..“

— Вы?.. радостно улыбаясь и пожимая мнѣ руку, сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

— Я, графъ.... вашъ старый знакомый...

— Чтó это вы дѣлаете? Я про себя не говорю... но вотъ нѣкоторые обижаются на васъ за Некрасова... хотя, положимъ, человѣкъ-то извѣстный...

— Да вѣдь что же, Левъ Николаевичъ?.. Я писалъ, что онъ у Тургенева отхватилъ, 18,000 франковъ, а „Новое время“ говорить: „нѣтъ! не 18,000 франковъ“, а всего только тысячу рублей, да и то у

другаго лица, о немъ же не леть есть глаголати...

— Вы, я слышалъ, на гормоніи играете?

— Грѣшенъ.

— У васъ дочь украли?

— Такъ точно, ваше с—ство.

— Кто-же?

— „Власть земли“ и „Власть тьмы...“

Но это дѣло, какъ говорится, домашнее...

— Нѣтъ! вы у меня въ Хамовникахъ все расскажете... Собратья по перу! Вы не откажетесь сегодня у меня ночевать?

— Глѣбъ! какъ ты?

— Согласенъ..

— И я тоже.. У васъ, графъ, Матрена-баба, увидавъ своего возлюбленнаго сыночка, который обнимая молодую хозяйку, говорить: „а я что видѣла—не видала, что слышала—не слыхала... Съ бабочкой поигралъ—чтожъ? И теленокъ, вѣдашь, и тотъ играетъ... Отчего-жъ не

поиграть? Дѣло молодое... Отъ овса, вѣ-
дашь, кони не рыщутъ, отъ добра—добра
не ищутъ...”

— Позвольте...

— Нѣтъ, далѣе въ вашей „Власти
тѣмъ“ сказано, что эта самая баба-Ма-
трена принесла сонныхъ порошковъ моло-
дой хозяйкѣ, которую обнималъ ея сынъ...
И чтó же это за порошки?.. Ядъ, чтобы
отравить мужа Анисьи (хозяйки) старика
Петра...

— Далѣе у меня говорить Матрена:
„я 77 увертокъ знаю...”

— Но вы представьте, графъ, карти-
ну, вами нарисованную: даже распутная
Анисья пришла въ ужасъ, при видѣ
узелка, въ которомъ находился ядъ....
„О-о-охъ! простонала она: какъ бы грѣха
не было!...” Гдѣ вы взяли этакое чудо-
вище, этакую вѣдьму-мать (хотя-бы изъ
деревенщины), которая является на сце-
ну, передъ публикой, съ ядомъ, для того,

чтобы ея возлюбленный сынокъ жилъ съ незаконной женой и отъ обильной трапезы кормилъ ее падающими крупичами...

— Между нашимъ 200 милліоннымъ населеніемъ, согласитесь, найдутся такія вѣдьмы, прожевывая какую-то вегетаріальную снѣдь, произнесъ графъ.

— Но вѣдь это исчадія ада, а не типы...

— Пойдемъ выпьемъ, толкнулъ меня кузень.

— У васъ что же это наслѣдственное?

— Такъ точно, ваше с—ство... отцы и дѣды...

— Понимаю... дарвинизмъ...

— Далѣе, графъ, у васъ, въ вашей „Власти тьмы“ есть такія сокровища: Никитка, вашъ главный герой, произноситъ такой монологъ: „боязно, говорятъ, неправдѣ божиться. Все одно — глупость. Ничего! Одна рѣчь!.. Очень просто...“

— Есть такіе...

— Не спорю, только этакіе гады, по

моему, не должны быть вносимы въ сферу искусства и быть проводниками какихъ-либо идей..." Каковъ вашъ герой Никитка. Порадуйтесь, милѣйшій графъ: „люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ, а нагрѣшишь съ ними—бѣда!“ Далѣе хороша сценка: мать-Матрена уговариваетъ сына — Никитку закопать живаго ребенка въ погребъ:

— „На-кося, скребочку-то... да слѣзь, да и справь тамъ... а я посвѣчу... Ямку выкопай...

„Н и к и т а (*беретъ ребенка*). Живой! матушка родимая! шевелится .. живой! Матушка родимая! шевелится... живой!..

Но Никитка не струсилъ, какъ „Гусаръ“ Пушкина, передъ вѣдьмой на Лысой горѣ. Онъ ребеночка упряталъ, по настоящю своей матушки... Кончивъ дѣло, онъ извѣстилъ Матрену:

— „Пищаль какъ! Какъ захруститъ подо мной... И живъ все, право живъ... да

все пицить, все пицить... И какъ захрустятъ подо мной косточки... кр. .кр... кр-р-р...

— „М а т ь. Иди, родной, выпей водочки... *(Сама лизнуть въ погребъ)*.

— „Н и к и т к а. Матушка, а матушка!

— „М а т р е н к а *(высовывается изъ погребѣ)*. Чего сынокъ?..

— „Не зарывай... живой онъ... Развѣ, неслышишь?...

— „М а т р е н к а“. Да гдѣ же пицать-то? Вѣдь ты его въ блинъ расплющилъ... всю головку раздребезжилъ...

— Николай! обратился ко мнѣ кузень: ты въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говорилъ, что „Анна Каренина“ подложила свою бѣлоснѣжную шейку подъ колеса вагона...

— Нѣтъ! вступился графъ: она у меня, отбросивъ въ сторону мѣшечекъ, упала на руки, ее что-то зацѣпило за спину... Ну, а потомъ, я говорю, что свѣтильникъ, при помощи котораго она читала книгу

неправды, лжи, коварства, измѣны — вдругъ вспыхнулъ и погасъ... Ночевать ко мнѣ, господа! заключилъ графъ, когда нашъ поѣздъ приблизился къ Московскому вокзалу...



III.



ванъ! здѣсь? спросилъ графъ.

— Пожалуйте!

— Лейкина видѣли въ Петербургѣ?

— Это вы Ивану говорите?

— Нѣтъ, вамъ, Николай Васильичъ...

— Не только Лейкина, но даже и Суворина...

— А Щедрина?

— Вишь, чего захотѣли...

„Власть земли“ и „Власть тьмы“ усѣлись въ широкихъ, покрытыхъ ковромъ саяхъ, а „Воспоминанія“ приладились на-запяткахъ.

— Да вы садитесь съ кучеромъ-то...

— Пожалуй...

— Я знаю, вы любите лошадей... А гармонія ваша не пропала?..

— Цѣла!..

Я усѣлся съ кучеромъ и сказавъ: „Эй! милоридныя!“ заигралъ „Выду-ль я на рѣченьку“. Кучеръ подхватилъ: „унеси ты мое горе быстра рѣченька съ собой...“

Городовой пронесся мимо, по какимъ-то соображеніямъ не считая мою игру и забористое пѣніе кучера за „нарушеніе общественной тишины и спокойствія.“

— А вѣдь прелестно играетъ вашъ братъ, обратился авторъ „Власти тьмы“ къ автору „Власти земли.“

— Мнѣ больше нравится „Волга рѣченька“, промолвилъ мой кузень, поднимая воротникъ своей шубы.

— Отличная вещь, я съ вами согласенъ... Тамъ есть одно мѣсто, которое, можно сказать, составляетъ неоцѣненный перлъ этой пѣсни: „подъ Самарою дѣвченки...“

— Вотъ, вотъ!..

— Господа! сказалъ я: извините за откровенность, отъ васъ потянуло просто Никиткой, главнымъ героемъ „Власти тьмы“, который обращается къ публикѣ съ такими словами: „люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ...“

— Нѣтъ вотъ чтó скажите мнѣ, Николай Василичъ, прервалъ меня графъ: зачѣмъ вы въ своихъ Воспоминаніяхъ искажаете мои слова? Вы пишете, что Анна Каренина „экспонировала своей бѣлоснѣжной шейкой на рельсахъ...“ Это не правда. У меня написано: „она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго втораго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поравнялась съ нею, она откинула красный мѣшечекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки... и легкимъ движеніемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣна...“

— На колѣни, графъ, надо сказать, замѣтилъ я.

— Почему-же?

— Когда-то были колѣна израильскія, ничего общаго не имѣвшія съ колѣнами красавицы Карениной...

— Можетъ быть... Далѣе я говорю: и въ тоже мгновеніе она ужаснулась тому, что она дѣлала... „Гдѣ я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ?“ Она хотѣла подняться, откинуться...

— Боже праведный! воскликнули мы съ кузеномъ въ одинъ голосъ, вы и тутъ не пощадили ее?..

— Нельзя было, господа!.. Того требовала „Власть тьмы...“ „Что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову...“

— За то, что ваша героиня много любила?.. спросилъ я.

— За это-то ей и не отпустилось, подхватилъ мой кузенъ.

— „И потащило за спину“, продолжалъ

графъ: „Господи! прости мнѣ все!“ говорила она, чувствуя невозможность борьбы...

— И у васъ, тихо сказалъ я, въ это время перо не выпало изъ рукъ?

— Молчи! дернувъ меня за рукавъ, сказалъ авторъ „Власти земли:“ продолжайте, Левъ Николаичъ...

— Я заканчиваю такъ: и свѣча, при которой Анна читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда нибудь свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала...

— Должно-быть шейные и спинные позвонки затрещали?

— Ну, да! „стала меркнуть и навсегда потухла...“ Зачѣмъ же вы говорите въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что я съ ловкостью мясника убилъ Каренину...

— Позвольте мнѣ слѣзть, графъ, сказалъ я.

— Это зачѣмъ?

— Мы подъѣхали къ Воздвиженкѣ... Я тутъ пѣшкомъ пойду черезъ Арбатъ на Смоленскій рынокъ въ „ночлежный домъ...“

— Вотъ фантазія! Да вы знаете ли, что въ „ночлежный домъ“ пускаютъ только отъ 6 ч. вечера и до 10, а теперь скоро 11. Я всѣ порядки „ночлежнаго дома“ знаю, потому что нѣсколько разъ бывалъ тамъ...

— Не ваши ли тамъ изреченія красуются на стѣнахъ?

— А именно - какія?..

— Въ чайной, на стѣнѣ, изображено: *„утѣшайтесь надеждой, въ скорбяхъ будьте тверды, въ молитвѣ постоянны.“*

— Да вы, я вижу, хорошо знакомы съ „ночлежнымъ домомъ“. Ну, а въ первомъ этажѣ спалень какія изреченія?

— *„Богъ есть любовь. Богъ мой, скала моя, уповаю на него“*...

— Bravo! А во второмъ?

— „*Научитесь дѣлать добро. Будь вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни...*“

— Удивительно! Нѣтъ, Николай Васильичъ, я васъ сегодня не отпущу... Завтра вы вольный казакъ... а нынѣшній вечеръ съ вашимъ братцемъ посвятите мнѣ... поговоримъ, потолкуемъ...

— А ночевать?

— Да у меня-же... Правда, кабинетъ мой не особенно просторенъ... ну, да, по-пословицѣ, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ...“

Мы благополучно прибыли въ Хамовники.



Ө. М. Достоевскій на каторгѣ.

кто г. Рожновскій, находившійся въ Сибири въ одной тюрьмѣ съ Достоевскимъ, разсказалъ про нашего знаменитаго писателя слѣдующее:

— Давно это было. Мы были вмѣстѣ тамъ. Впрочемъ, я раньше прибылъ туда. Кажется, черезъ годъ или два послѣ меня привезли и Достоевскаго. Когда пришелъ Достоевскій, то съ перваго раза сильно не понравился „ватагѣ“. Каторга имѣетъ свои законы, и каторжники строго слѣдятъ за точнымъ выполненіемъ ихъ. Иного и сами зарѣжутъ. Тамъ законъ Линча въ ходу. У насъ насчетъ женщинъ было строго, и всѣ ватажники горой стояли

другъ за друга въ этомъ дѣлѣ. Каждый изъ насъ, по-очереди, дежурилъ по вечерамъ, когда проходили прачки изъ прачешной, а Достоевскій отказался отъ дежурства, когда очередь дошла до него. Въ другой разъ, онъ досталъ отъ солдата листокъ махорки. По тамошнимъ правиламъ, если кто достанетъ табаку, то половину беретъ себѣ, а другую половину дѣлятъ на нѣсколько частей, и затѣмъ бросаютъ жребій, кому достанется. Достоевскій же и отъ своей части отказался, и жребій не захотѣлъ бросать: раздѣлилъ пополамъ между двумя цынготными. Вотъ на него и взѣлись „большаки“ наши: „Что, ты порядки сюда новые вводить пришелъ,“ говорятъ: хотѣли „крышку“ *) сдѣлать, но здѣсь Достоевскаго спасло одно обстоятельство. Однаж-

*) „Крышку“ сдѣлать, на арестантскомъ жаргонѣ—убить.

ды, въ пищу одному изъ каторжниковъ попалъ какой-то комокъ; развернули, смотримъ: тряпка, и въ ней кости и еще какая-то гадость. Можетъ быть, нечаянно попало, а можетъ, кто и нарочно бросилъ. Тотъ, къ кому попалъ этотъ комокъ, хотѣлъ бросить его и смолчать — старый былъ арестантъ, зналъ порядки, а Достоевскій говорилъ: „Надо жаловаться; если ты боишься, давай мяѣ“. Хотѣли мы его предупредить, чтобы онъ не жаловался, да „большакъ“ запретилъ. Вотъ, при повѣркѣ, и выходитъ Достоевскій съ тряпкой впередъ. Набросились тутъ на него плацъ-маіоръ и ключникъ. — „Ты это нарочно выдумалъ, чтобы бунтъ поднять. Эй, кто видѣлъ, что это было у него въ чашкѣ, выходи?“ Арестанты молчатъ, „большаковъ“ боятся. Хотѣлъ-было я выйти, да думаю: одинъ въ полѣ не воинъ, если не „большаки“, то начальство заѣстъ. А знаете, гдѣ, своя рубашка ближе къ

тѣлу. Постоялъ плацъ-маіоръ, видитъ — всѣ молчатъ.

— Въ кордегардію! Пятьдесятъ!

Увели Достоевскаго. Прележалъ онъ потомъ недѣли двѣ въ больницѣ, затѣмъ, выписали — выздоровѣлъ. Вотъ этотъ случай и спасъ его отъ „крышки“. Онъ теперь уже сдѣлался свой, „крещенный“, за ватагу пострадалъ.

Прошло около года послѣ этого случая.

Я работалъ съ нимъ въ одной партіи. Нравился онъ мнѣ за свой тихій характеръ. Пальцемъ бывало, никого не тронетъ, не то, что другіе, бывшіе у насъ, хотя то-же изъ привилегированныхъ. Да и совѣсть мучила: почему я не подтвердилъ тогда его словъ передъ плацъ-маіоромъ; онъ (Достоевскій) болѣзнь послѣ той экзекуціи получилъ на всю жизнь *). Иногда, бывало, ночью, какъ начнетъ

*) Здѣсь Рожновскій намекалъ, вѣроятно, на припадки, сведшіе потомъ О. М. въ могилу.

его бить объ нары, такъ мы его сейчасъ свяжемъ куртками, такъ и успокоится.

Пошли мы, однажды, барку ломать и взяли урокъ втроемъ. Третій былъ солдатъ, по фамилии Головачевъ, — въ работы попалъ за нанесеніе удара ротному командиру. Начали работать. Погода была хорошая, на душѣ было какъ-то веселѣе обыкновеннаго, и работа шла скоро. Уже почти оканчивали урокъ, какъ я вдругъ нечаянно уронилъ топоръ въ воду. Что тутъ дѣлать — надо достать во что бы то ни стало: конвойные требуютъ, чтобы топоръ былъ, а не то грозятъ прикладами. Снялъ я куртку и штаны, подвязалъ кандалы покрѣпче, обвязался веревкой и началъ спускаться. Все было бы хорошо, да на бѣду плацъ-маіоръ работы объѣзжалъ. Увидалъ, что меня Достоевскій и Головачевъ держатъ въ водѣ и спрашиваетъ: „Что здѣсь такое?“ Конвойные отвѣтили.

— Не задерживать работъ, пусть самъ лазить, какъ знаетъ, бросьте веревку,— кричитъ онъ на Головачева и Достоевскаго.

Тѣ не слушаютъ.

Поблѣлъ весь отъ злобы плацъ-маіоръ, даже пѣна на губахъ выступила; звѣрь, а не человѣкъ былъ.

— Въ кордегардію послѣ работъ!

Сѣлъ на дрожки и уѣхалъ.

Досталъ я топоръ, вылѣзъ изъ воды. Жутко было оканчивать работу, а надо кончить, не то прибавятъ.

Вернулись мы вечеромъ въ замокъ. Я думалъ, что и меня поведутъ въ кордегардію—нѣтъ, повели только Достоевскаго и Головачева.

Не знаю, какъ ихъ наказывали, только пронесся на другой день слухъ у насъ, что Достоевскій умеръ. Я повѣрилъ этому, зная, что онъ не привыкъ къ подоб-

нымъ пыткамъ, да, при томъ, и боленъ былъ еще.

Слухъ упорно держался, такъ-что мы были вполне увѣрены въ его смерти, а достовѣрно узнать нельзя было—никто за это время изъ больницы не выписался.

Прошло мѣсяца полтора послѣ этой экзекуціи, многіе уже начали забывать о Достоевскомъ. Я только не могъ никакъ забыть его, все онъ какъ-будто стоитъ передъ глазами.

Пришли мы, однажды, съ работъ—камень дробили. Было уже довольно поздно, такъ-что въ отдѣленіи, когда я зашелъ туда, былъ полумракъ. Подхожу къ нарамъ, смотрю: кто-то сидитъ. Я думалъ—новичокъ какой-нибудь, и особеннаго вниманія не обратилъ, вдругъ слышу знакомый голосъ:

— Здравствуй, Рожновскій!

Приглядываюсь—Достоевскій...

Не могу передать вамъ, какъ я испу-

гался въ ту минуту. Мнѣ показалось, что это привидѣніе, выходецъ съ того свѣта. Я такъ и оцѣпенѣлъ на мѣстѣ.

— Что ты такъ смотришь? не узнаешь?

Руку протягиваетъ...

— Достоевскій! Развѣ ты живъ? могъ только я проговорить: смѣхъ и слезы — все смѣшалось въ горлѣ, и я повисъ у него на шеѣ.

Послѣ все объяснилось. Рядомъ съ койкой Достоевскаго, въ госпиталѣ, лежалъ горячечный больной, который и умеръ на другой день послѣ поступленія Достоевскаго въ госпиталь. Фельдшеръ по ошибкѣ записалъ, что умеръ Достоевскій. Все разъяснилось тогда, когда Достоевскій выздоровѣлъ и выписался изъ госпиталя. Послѣ этого случая, ему и дали у насъ въ „ватагѣ“ кличку „покойника“. По фамиліи больше никогда и не называли.

Живо помню еще одинъ случай.

У плацъ-маіора была гувернантка, мо-

лоденькая дѣвушка. Шла упорная молва, что онъ состоитъ съ нею въ любовной связи, и что она, какъ говорится, держитъ его въ рукахъ. Звали ее арестанты Неткой и боялись, какъ огня; настоящая змѣя была, подѣ-стать плацъ-маіору. Про нее рассказывали, что когда, бывало, съ-кутъ въ кордегардіи, то она подходитъ къ замку и слушаетъ крикъ. Впрочемъ, я этому не вѣрю. У Нетки были ручные голуби, которыхъ она привезла изъ Россіи и очень за ними ухаживала. Голуби эти часто залетали къ намъ во дворъ, и многіе изъ нашихъ зарились на нихъ, но надсмотрщики еще зорче слѣдили, чтобы ихъ не ловили. Одинъ молодой голубъ сильно привязался къ Достоевскому. Тотъ кормилъ его хлѣбомъ, и онъ каждый день прилеталъ къ нему за своей порціей. Сначала, сторожа возставали противъ этого, но потомъ, видя, что Достоевскій вредъ голубю не дѣлаетъ, начали смотрѣть

сквозь пальцы. Пришлось намъ, однажды, идти обжигать алебастръ, а путь лежалъ мимо плацъ-маіорскаго дома. Работа эта тяжелая, и потому насъ отпустили въ замокъ раньше обыкновеннаго. Поровнялись мы съ плацъ-маіорскимъ домомъ, вдругъ, смотримъ, Нетка голубей кормитъ. Достоевскому пришла въ голову взбалмошная мысль свистнуть на голубей. Вся стая поднялась на воздухъ, а голубь Достоевскаго, видно, узналъ его, подлетѣлъ къ нему близко и вѣется надъ головой. Нетка выскочила на дорогу и прямо бросилась къ Достоевскому.

— Это ты приманиваешь моихъ голубей, разбойникъ! постой, я тебѣ задамъ!

Не помню, право, что отвѣтилъ ей на это Достоевскій; кажется, сказалъ, что она хуже безсловеснаго животнаго; знаю только, что сказалъ сильную и внушительную фразу. Нетка такъ и замерла на мѣстѣ. Далеко мы уже отошли отъ плацъ-

маіорскаго дома, а она все стоитъ; потомъ, смотрю, закрыла лицо руками и тихо пошла въ домъ.

Мы все ожидали, что эта вспышка дорого обойдется Достоевскому; между тѣмъ, ничего, прошло благополучно. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, узнаемъ, что Нетка уѣхала въ Россію, вмѣстѣ со своими голубями, но, что всего удивительнѣе, голубь Достоевскаго остался и по-прежнему прилеталъ къ нему каждый день. Нарочно-ли оставила его Нетка, или онъ самъ отъ нея улетѣлъ — мы не могли узнать. Послѣ отъѣзда Нетки, въ замкѣ сдѣлалось еще хуже: плацъ-маіоръ до того разсвирѣпѣлъ, что его не разъ удерживали высшія начальствующія лица. Не проходило дня, чтобы въ кордегардію не отправлялось нѣсколько человѣкъ...



М. Ю. Лермонтовъ.

(П. Висковатаго *).

Нейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ офицерскій кругъ котораго вступилъ Лермонтовъ, былъ расположенъ въ Царскомъ селѣ. Бабушка не поскупилась роскошно экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга (всѣ трое крѣпостные изъ дворовыхъ села Тарханъ) были отправлены въ Царское. Нѣсколько лошадей и экипажи стояли на конюшнѣ. Бабушка, кромѣ денегъ, выда-

*) „Русская Мысль“, кн. XI. 1884 г.

ваемыхъ въ разное время, ассигновала ему десять тысячъ рублей въ годъ (по 2,500 р. въ каждые три мѣсяца. Арсеньева изрѣдка, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, ѣздила въ Тарханы, проживая большую часть года въ Петербургѣ, гдѣ часто и по долгу гостилъ у нея Лермонтовъ, охотно покидавшій Царское село для свѣтскихъ удовольствій Петербурга.

Его несказанно радовало, что онъ вырвался изъ стѣнъ училища на свободу. Но что начать съ собою, куда кинуться, куда дѣвать, куда направить избытокъ молодыхъ силъ? Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому растворили тѣсную темницу. Ему хотѣлось на свободу: порасправить могучія крылья, полной грудью дохнуть свѣжимъ воздухомъ; словомъ, хотѣлось жить, дѣйствовать, ощущать; онъ хотѣлъ извѣдать все, „со всею полнотою“. Его манилъ блескъ свѣтскаго общества и удалыя товарищескія пирушки, да вы-

ходки и тревожили прежнія стремленія и идеалы, не загложившіе въ теченіе „двухъ ужасныхъ лѣтъ“, только что пережитыхъ имъ. Любопытно, какъ при самомъ вступленіи въ новую жизнь Лермонтовъ ясно ощущалъ двойственность своихъ стремленій, разладъ души, съ одной стороны, дорожившей воспоминаніями о времени своихъ чистѣйшихъ увлеченій и порывовъ, о годахъ, когда онъ думалъ посвятить всего себя служенію искусству и поэзіи, а съ другой—увлекала его та свѣтская порча, которая уже успѣла коснуться его. Объ этой порчѣ Лермонтовъ писалъ къ другу своему М. А. Лопухиной: „Милый другъ! Что бы ни случилось, я иначе никогда называть васъ не буду, а то это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ; этого бы не хотѣлъ я ни за что на свѣтѣ, потому что будущность моя, блистательная на видъ,—пошлая и пустая. Надо вамъ при-

знаться, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что изъ меня ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными (*mauvais*) опытами на пути жизни... потому что мнѣ не достаетъ либо случая, либо рѣшимости... Мнѣ говорятъ: случай когда-нибудь выйдетъ; время и опытъ дадутъ и рѣшимость... а кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которою Богъ чрезвычайно не кстати одарилъ меня?..."

Ощущаемый поэтомъ разладъ и двойственность выразились и въ жизни его. Съ одной стороны, онъ сожигалъ свои силы въ шумномъ кругу гвардейской молодежи или разсаривалъ душевныя свои качества по паркетамъ гостиныхъ, съ другой — завязывалъ литературныя знакомства, приглядывался къ людямъ, читалъ и мыслилъ. Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ,

Лермонтовъ не легко высказывалъ лучшія свои думы и оставался молчаливымъ въ обществѣ писателей, только въ исключительныхъ случаяхъ и больше въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ изрѣдка позволялъ заглянуть въ святую святыхъ своей души. Но тогда онъ поражалъ и мощью, и глубиной мысли, которую никакъ не могли позрѣвать въ молодомъ гусарскомъ офицерикѣ-кутилѣ.

Великосвѣтское общество того времени жило бѣдными интересами. Въ воспитательныхъ заведеніяхъ запрещалось всякое чтеніе книгъ литературнаго содержанія и молодежь направляла свои силы на различныя шалости, иногда стоившія ей довольно дорого, доводя до временнаго заключенія, солдатской шинели и ссылки. Жизнь сковывалась разными стѣснительными правилами и регламентаціей и противодѣйствіе имъ считалось среди юношей подвигомъ. На этотъ протестъ тратились

силы, въ немъ выступало лихое молодечество, плодъ праздности умственной жизни.

Подвиги эти встрѣчали въ обществѣ отзывъ, о нихъ говорили, герои прославлялись. Наказаніе ихъ вызывало къ нимъ симпатію даже тѣхъ лицъ, которымъ приходилось карать ихъ. Кара выходила какая-то отеческая, семейно-патріархальнаго отѣнка. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много рассказывали о продѣлкахъ Константина Булгакова, офицера преображенскаго, а затѣмъ московскаго полка, товарища Лермонтова по школѣ. Смѣлая, подъ часъ нелипенныя остроумія проказы Булгакова доставили ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подъ арестъ и на гауптвахту *).

Великій князь Михаилъ Павловичъ благоволилъ къ офицеру московскаго полка, Бу л г а к о в у, за остроуміе и находчивость прощалъ ему многія смѣлыя шалости и проступки. Въ то время

Съ этимъ Костькой Булгаковымъ (какъ его называли товарищи) Лермонтовъ „хороводился“ особенно охотно, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выиграть или покутить на славу. Двоюродный братъ и товарищъ Лермонтова, Николай Дмитриевичъ Юрьевъ (лейбъ-драгунъ), раз-

существовалъ приказъ по арміи, чтобы офицеры не носили калошъ. Проѣзжая однажды по улицѣ, Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ Булгакова въ калошахъ.

— Булгаковъ, — вскричалъ великій князь, — калоши... калоши... на гауптвахту!

Булгаковъ молча отдалъ подобающую честь, а великій князь уѣхалъ.

На другой день великій князь послалъ освободить Булгакова, думая, что онъ находится на гауптвахтѣ, но посланный доложилъ, что Булгаковъ былъ тамъ вчера и, по приказанію его высочества, оставилъ дежурному офицеру свои калоши, которыя и приняты новымъ дежурнымъ.

Великій князь вспомнилъ, въ какой формѣ онъ отдалъ приказъ Булгакову, улыбнулся и проговорилъ: „Вотъ я его!“ (Р. С. 1879 г. кн. X).

сказывалъ, какъ однажды, когда Лермонтовъ дольше обыкновеннаго зажилъ въ Царскомъ, соскучившаяся по немъ бабушка послала за нимъ въ Царское Юрьева, съ тѣмъ, что бы онъ непременно притащилъ внука въ Петербургъ. Лихая тройка стояла у крыльца и Юрьевъ собирался спуститься къ ней изъ квартиры, когда со смѣхомъ и звономъ оружія ввалили предводительствуемые Булгаковымъ лейбъегеръ Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и лейбъ-уланъ Меринскій. Бабушка угостила новопривывшихъ завтракомъ и развеселившаяся молодежь порѣшила всѣмъ вмѣстѣ ѣхать за „Мишелемъ“ въ Царское. Явилась еще наемная тройка съ пошевнями (дѣло было на масляной) и молодежь понеслась къ заставѣ, гдѣ дежурнымъ на гауптвахтѣ стоялъ знакомый преображенскій офицеръ Н. Недавній однокашникъ пропустилъ товарищей, потребовавъ при этомъ, чтобы на возвратномъ пути К о с т ѣ к а

Булгаковъ былъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. сильно хмѣльной, что называлось „быть на шестомъ взводѣ“. Друзья обѣщали, что всѣ съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ придутъ въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа. Въ Царскомъ, въ квартирѣ Лермонтова, застали они пиръ горой и, разумѣется, пирующей компаніей были приняты съ распростертыми объятіями. Пирушка кончилась непремѣнною жженкою, причемъ обнаженныя гусарскія сабли своими невинными клинками служили подставками для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффе́кта ради, были вынесены всѣ свѣчи. Булгаковъ сыпалъ французскими стихами собственной фабрикаціи, въ которыхъ воспѣвались красные гусары, голубые уланы, бѣлые кавалергарды, гренадеры и егеря со всякимъ невообразимымъ

вздоромъ въ связи съ Марсомъ, Аполлономъ, Парисомъ, Людовикомъ XV, божественною Наталіей, сладостною Лизой, Георгеттой и т. п. Лермонтовъ изводилъ карандаши, которые Юрьевъ едва успѣвалъ чинить ему, и сооружалъ застольныя пѣсни самаго нескромнаго содержанія. Пѣсни пѣлись при громчайшемъ хохотѣ и звонѣ стакановъ. Гусарщина шла въ полномъ разгарѣ. Шумъ встревожилъ даже коменданта города. Помня приказъ бабушки, пришлось-таки ѣхать въ Петербургъ. Собрались гурьбой, захвативъ съ собою на дорогу корзину съ половиной окорока, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ, дюжиной шампанскаго и запасомъ различныхъ ликеровъ и напитковъ. Лермонтову пришло на умъ дать на заставѣ записку, въ которой каждый долженъ былъ росписаться подъ вымышленной фамиліей иностраннаго характера. Булгаковъ подхватилъ эту мысль и назвалъ

себя французомъ Marquis de Gloupiignon; вслѣдъ за нимъ подписались: испанецъ Don Skotillo, румынскій бояринъ Болванешти, грекъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, итальянецъ синьоръ Глупини, панъ Глупчинскій, малороссъ Дураленко и, наконецъ, россійскій дворянинъ Скотъ-Чурбановъ (имя, которымъ назвалъ себя Лермонтовъ). Много было хохота по случаю этой, по словамъ Лермонтова, „всенародной экспедици.“

Приблизительно на полдорогѣ къ Петербургу упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ (изъ Царскаго къ прежнимъ двумъ присоединилось еще двѣ тройки съ гусарами) и кучеръ объявилъ, что надо распречь сердечнаго, „ибо у него отъ бѣшеной скачки, должно быть, сдѣлался родимчикъ“ и его надо оттереть снѣгомъ. Всѣ рѣшили остановиться, а чтобы времени даромъ не терять, воспользоваться торчавшимъ близъ дороги балаганомъ, лѣ-

томъ служившимъ для торговли, а на зиму заколоченнымъ, и въ немъ соорудить пирешку. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, компанія занялась устройствомъ помѣщенія: размѣстили нашедшіяся доски, наколотивъ ихъ на полѣнья и соорудивъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ стола, зажгли экипажные фонари и распаковали корзину. Ея содержаніемъ занялись всѣ присутствующіе, не исключая и возницъ. Среди выпивки порѣшили увѣковѣчить память проведеннаго въ балаганѣ времени, написавъ углемъ на гладко оштукатуренной и выбѣленной стѣнѣ принятыя присутствующими имена, но только въ стихотворной формѣ. Общими силами была составлена слѣдующая надпись, которой содержаніе рассказчикъ помнилъ лишь приблизительно:

Гостями былъ полонъ балаганъ:
Болвѣншты изъ молдаванъ
Стоялъ съ осанкою воинской;

Болванопѣнуло былъ грекъ,
Чурбановъ—русскій человѣкъ,
Вблизи его—полякъ Глупчинскій и т. д.

Было два часа ночи, когда компанія прибыла къ городскимъ воротамъ. Караульный унтеръ-офицеръ, прочтя записку и глядя на красныя офицерскія фуражки гусаръ, полонъ былъ почтительнаго недоумѣнія.

Караульные офицеры не разъ попадались въ просакъ при неосторожномъ пропускѣ мистифицирующихъ проѣзжихъ. Компанія, ѣхавшая изъ Царскаго, не желала, конечно, ввести въ непріятное положеніе своего однокашника Н. и потому на оборотѣ листа, гдѣ были записаны псевдонимы шалуновъ, они прописали настоящія свои имена. „Но, все-таки,—кричалъ Булгаковъ,—непремѣнно покажи записку караульному офицеру и скажи ему, что французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ!“—„Слушаю, ваше сія-

тельство!“—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ: „Бомвысь!“ Тройка въѣхала въ спавшій городъ.

Это препровожденіе времени и выходки очень занимали гвардейскую молодежь того времени.

За разныя „невинныя“ шалости молодыхъ офицеровъ сажали на гауптвахту. Жили на гауптвахтахъ арестованные за менѣе важныя проступки весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пирושки, а при появленіи начальства бутылки и снадобья куда-то исчезали при помощи услужливыхъ сторожей.

Лермонтовъ особенно часто не во время возвращался изъ Петербурга и за разныя шалости и мелкіе проступки противъ дисциплины и формы саживалъ въ Царскомъ селѣ на гауптвахтѣ. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть-чуть не дѣтскою игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Пав-

ловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотреть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маломъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрно большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, даваемого царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное питье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Точно также не разъ доста-

валось нашему поэту за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу часто носилъ „съ поля,“ что было противно правиламъ и преслѣдовалось.

Въ шалостяхъ и выходкахъ разнаго рода принимали участіе и славились ими молодые люди, считавшіеся образцомъ благородства и свѣтскаго рыцарскаго духа. Таковымъ былъ Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, товарищъ по школѣ и близкій другъ Лермонтова. Онъ приходился ему родственникомъ, собственно двоюроднымъ дядей, но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ называли двоюродными братьями. Столыпинъ былъ красавецъ. Красота его вошла въ поговорку. Всѣ дамы высшаго свѣта были въ него влюблены. Его называли „el beau Столыпинъ“ и „la coqueluche des femmes.“ Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ: „Красота его, мужественная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшаяся какою-то нѣжностью, была бы названа у

французовъ „proverbiale.“ Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ киверомъ нижегородскаго драгуна, и, наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполне, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать „Монго-Столыпина“ значитъ для насъ, людей нашего времени, то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушій и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже немолодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ „Монго,“ и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, несмотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому придти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное.“

Отмѣнная храбрость этого человѣка была внѣ всякаго подозрѣнія. И такъ было велико уваженіе къ этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпину, что, когда онъ однажды отказался отъ дуэли, на которую былъ вызванъ, никто въ офицерскомъ кругу не посмѣлъ сказать укорительнаго слова, и этотъ отказъ, безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній, былъ принятъ и уваженъ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста по отношенію къ другому лицу: такова была репутація этого человѣка. Онъ нѣсколько разъ вступалъ въ военную службу и вновь выходилъ въ отставку. По смерти Лермонтова, которому онъ закрылъ глаза, Столыпинъ вскорѣ вышелъ въ отставку (1842 г.) и поступилъ вновь на службу въ крымскую кампанію въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался затѣмъ въ 1856 году во Флоренціи.

Съ дѣтства Столыпина соединяла съ Лермонтовымъ тѣсная дружба, сохранившаяся ненарушенной до смерти поэта. Не знаемъ, даже сомнѣваемся, что М о н г о понималъ значеніе своего родственника, какъ поэта, чтобы онъ могъ раздѣлять серьезные думы и интересъ его къ литературнымъ идеаламъ. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не касается этой стороны отношеній къ М о н г о. Говорить онъ о немъ только по поводу „гусарской выходки,“ героями которой были оба они, но Столыпинъ, близко знавшій душу своего знаменитаго родственника, по словамъ брата Дмитрія Аркадьевича, всегда защищалъ Михаила Юрьевича отъ всякихъ нападковъ многочисленныхъ враговъ и мало расположенныхъ къ нему людей. Въ двухъ роковыхъ дуэляхъ Столыпинъ былъ секундантомъ Лермонтова, что при безукоризненной репутаціи Столыпина не мало способствовало къ огражденію поэта отъ не-

доброжелательныхъ на него навѣтовъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича отъ опасныхъ въ его положеніи выходовъ.

Почему Столыпина называли „Монго“, неизвѣстно. Кажется, что названіе это, навсегда оставшееся за нимъ, было дано ему Лермонтовымъ, описавшимъ одну изъ гусарскихъ шалостей. Въ этомъ произведеніи поэтъ назвалъ себя Маешкой, именемъ, которое носилъ въ школѣ. Подъ какимъ именемъ назвать Столыпина, онъ затруднялся. Но тутъ ему подвернулось лежавшее давно на столѣ Столыпина сочиненіе на французскомъ языкѣ: Путешествіе Монгопарка. Лермонтовъ воспользовался первыми двумя слогами. Такимъ образомъ, происхожденіе имени чисто случайное. Самая поэма получила названіе Монго. Она пришлась по вкусу молодежи и во множествѣ рукописей и вари-

антовъ ходила по рукамъ. Весь Петербургъ зналъ ее, а за Столыпинымъ осталось прозвище. Самъ онъ назвалъ имъ свою любимую и прекрасную собаку, сопровождавшую хозяина по парку Царскаго села и не разъ прибѣгавшую искать его во время полковаго ученія, чѣмъ вводила въ досаду командира полка, Михаила Григорьевича Хомутова. Похожденіе, описанное Лермонтовымъ въ поэмкѣ его Монго, и успѣхъ ея среди блестящей молодежи тоже представляютъ иллюстрацію тогдашняго общаго ей времяпрепровожденія. Событіе, подавшее поводъ къ поэмѣ-шуткѣ, заключалось въ слѣдующемъ: героиня—Ек. Ег. Пименова, „краса и честь балетной сцены“, пригласилась Столыпину, котораго „внимательный лорнетъ“ легко можно было замѣтить во время представленій въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ Большаго театра. Поразившая его молодая танцовщица любви его сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокить.

Пименова была дочь кузнеца и воспитывалась въ театральной школѣ. Красота ея увлекла богатаго казанскаго помѣщика и откупщика, Моисеева, и дѣвушка не устояла передъ золотымъ Молохомъ. Счастливый побѣдитель поселилъ свою нимфу на лѣто въ одной изъ весьма модныхъ тогда дачъ Петергофской дорогѣ, не далеко отъ славившагося въ то время Краснаго Кабачка, гдѣ окружилъ ее всевозможною роскошью. Ей-то за холодность думалъ отомстить Монго. Вмѣстѣ съ Маешкой задумалъ онъ совершить ночью набѣгъ на жилище балерины. Верхами выѣхали они изъ Краснаго села съ закатомъ солнца, съ тѣмъ, чтобы поспѣть обратно къ 7 часамъ утра на полковое ученье. Вотъ какъ Лермонтовъ характеризуетъ своего друга и самого себя:

Монго — повѣса и корнетъ.
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Быль молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ
Породы англійской онъ былъ,
Флегматикъ съ бурными усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами...
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку.
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Маешка былъ такихъ же правилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ;
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало

Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ.
Порою, трезвый—вралъ безбожно
И молчаливъ былъ—на пирахъ,—
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ?—онъ былъ таковъ!

Съ смѣлою нахальностью порвались
молодые офицеры въ жилище танцовщи-
цы, но внезапно пріѣхалъ Моисеевъ съ
цѣлою свитою. Гусарамъ пришлось бѣ-
жать, уступая поле соперникамъ. „Штат-
скіе взяли верхъ“, что для молодого
войинства казалось весьма обиднымъ. По-
этому Лермонтовъ не входитъ въ описа-
ніе столкновенія, а восклицаетъ:

Но вѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?

.

Осталось средство имъ одно—
Перекрестясь, прыгнуть въ окно
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный
Прыгъ, прыгъ — и были таковы!...

По свидѣтельству гр. Евд. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякаго рода послѣ пребыванія Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ. „Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самага блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы“. До самой высылки на Кавказъ въ 1837 г. Лермонтовъ жилъ въ Царскомъ вмѣстѣ со Столыпинымъ на углу Большой и Манежной улицъ. Столыпинъ невольно

подчинялся уму Лермонтова, который, какъ увидимъ, и среди разсѣяннаго и веселаго образа жизни въ кругу товарищей и петербургскаго свѣта, продолжая жить двойственною жизнью, не оставлялъ серьезныхъ занятій и интересовъ литературныхъ. Оба друга имѣли на офицеровъ своего полка большое вліяніе. „Товарищество (*esprit de corps*) было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ притязаніямъ полковника С., временно командовавшаго полкомъ. Къ Лермонтову, по свидѣтельству г. Лонгинова, дальняго родственника его и часто съ нимъ видавшагося, начальство тогда уже не благоволило и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Что касается успѣховъ Лермонтова въ аристократическомъ обществѣ Петербурга, то оно сначала оставалось для него недостижимымъ, по крайней мѣрѣ, стать интимнымъ посѣтителемъ го-

стинныхъ ему не удалось. Фамилія Лермонтовыхъ не была извѣстна въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ и сама по себѣ ничего не представляла. Родъ Лермонтовыхъ, какъ уже было сказано, захудалъ, и обѣднѣлъ. Молодой, некрасивый, не чрезмѣрно богатый гусарскій корнетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостинныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе легко пріобрѣтали, часто безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтовъ долженъ былъ завоевывать себѣ, борясь съ большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Сознаніе, что онъ некрасивъ, тревожило самолюбиваго юношу.

О душевномъ состояніи при вступленіи въ салоны петербургскаго свѣта Лермонтовъ въ 1835 г. писалъ другу своему Сашенькѣ Верещагиной въ Москву: „Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждого

былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества". Желаніе обратить на себя вниманіе въ гостинныхъ во что бы то ни стало было слабостью, недостойною ума и талантовъ поэта. Онъ это, впрочемъ, сознавалъ, но много времени протекло раньше, нежели сознаніе это побѣдило мелочное самолюбіе 20-ти лѣтняго юноши, желавшаго ни въ чемъ не отставать отъ своихъ товарищей.

При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гёте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предался по

выходѣ изъ лица, довела до тяжелой болѣзни. Кутежи и трата таланта на произведенія весьма скабрзнаго свойства не мѣшали, однако, ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ который прожигалъ онъ силы и молодость, трудился надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостинныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ общества людей съ болѣе серьезными интересами и примыкавшихъ къ литературному кругу. Послѣдуемъ за нимъ туда, въ тишину рабочаго кабинета, гдѣ онъ ввѣрялъ бумагѣ свои вдохновенныя мысли.

М. Ю. Лермонтовъ *).

(Графиня Е. П. Растопчина).

Лермонтовъ родился въ 1814 или въ 1815 году и происходилъ отъ богатаго и почтеннаго семейства; потерявъ еще въ малолѣтствѣ отца и мать, онъ былъ воспитанъ бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала къ своему

*) Замѣтки о М. Ю. Лермонтовѣ, были сообщены графиней Растопчиной, путешествовавшему въ то время (1858 г.) по Россіи, извѣстному романисту А. Дюма, напечатавшему ихъ въ своихъ „Путевыхъ впечатлѣніяхъ по Кавказу.“ Съ французскаго языка „замѣтки“ были переведены В. К. Шульцомъ, и напечатаны въ „Р. С.“ 1882 г., откуда мы и заимствовали ихъ.

внуку самую безграничную любовь, словомъ сказать—любовь бабушки; она ничего не жалѣла для его образованія. Въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ уже сталъ писать стихи, которые далеко еще не предвѣщали будущаго блестящаго и могучаго таланта. Созрѣвъ рано, какъ и все современное ему поколѣніе, онъ уже мечталъ о жизни, не зная о ней ничего, и такимъ образомъ теорія повредила практикѣ. Ему не достались въ удѣлъ ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство, уже съ той поры, повліяло на его характеръ и продолжало имѣть печальное и значительное вліяніе на всю его будущность. Онъ былъ дурень собой, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силѣ выраженія, почти исчезнувшая, когда геніальность преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юношескіе годы.—Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направленіе

молодаго человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможнымъ нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того—его образцомъ; онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впечатлительномъ воображеніи; вслѣдствіе того, что онъ представлялъ изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ. Въ то время, я его два раза видѣла, на дѣтскихъ балахъ, на которыхъ я прыгала и скакала, какъ настоящая дѣвочка, которою я и была, между тѣмъ какъ онъ, однѣхъ со мною лѣтъ, даже нѣсколько моложе, занимался тѣмъ, что старался свернуть голову одной моей кузинѣ *), очень кокетливой; съ ней,

*) Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой, въ замужествѣ Хвостовой.

какъ говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, заgrimированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ. Кузина повѣряла мнѣ свои тайны; она показывала мнѣ стихи, которые Лермонтовъ писалъ ей въ альбомъ; я находила ихъ дурными, особенно потому, что они не были правдивы. Въ то время я была въ полномъ восторгѣ отъ Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзіей и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что въ послѣдствіи ее сожгла. Наконецъ я даже не имѣла желанія познакомиться съ Лермонтовымъ,—такъ онъ мнѣ казался мало симпатичнымъ.

Онъ тогда былъ въ благородномъ пансіонѣ, служившемъ приготовительнымъ пансіономъ при Московскомъ университетѣ.

Впослѣдствіи онъ перешелъ въ школу

гвардейскихъ подпрапорщиковъ; насмѣливый, ѣдкій, ловкій—проказы, шалости, шутки всякаго рода, сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душею общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы.

По выходѣ изъ школы, онъ поступилъ въ гвардейскій егерскій (?) полкъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ, и отлично составленный; тамъ опять живость, умъ и жажда удовольствій поставили Лермонтова во главѣ его товарищей; онъ импровизировалъ для нихъ цѣлыя поэмы, на предметы самые обыденные изъ ихъ казарменной или лагерной жизни. Эти пьесы, которыя я не читала, такъ какъ онѣ написаны не для женщинъ, говорятъ, отличаются жаромъ и блестящей пыл-

костью автора. Онъ давалъ всѣмъ различныя прозвища въ насмѣшку; справедливость требовала, чтобы и онъ получилъ свое; къ намъ дошелъ изъ Парижа, откуда къ намъ приходитъ все, особый типъ, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства,—горбатаго Майе (Maueux), и Лермонтову дали это прозвище, вслѣдствіе его малаго роста и большой головы, которые придавали ему нѣкоторымъ образомъ фамильное сходство съ этимъ уродцемъ. Веселая холостая жизнь, непрепятствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстройство партій, находящихся въ зачаткѣ, и для этого онъ представлялъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіи нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ

его любить, не смотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удерживаться отъ смѣха, даже прямо въ лице, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню одинъ разъ онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родители невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома, и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ уже болѣе въ этотъ домъ не являлся.

Около того же времени умеръ Пушкинъ, Лермонтовъ вознегодовалъ, какъ и все молодое въ Россіи, противъ той не

д о б р о й (mauvaise) партіи нашего общества, которая возстановляла, другъ противъ друга двухъ противниковъ. Лермонтовъ написалъ посредственное (?) стихотвореніе, но жгучее, въ которомъ онъ обращался прямо къ императору, требуя мщенія. При всеобщемъ возбужденіи умовъ, этотъ поступокъ, столь натуральный въ молодомъ человѣкѣ, былъ перетолкованъ. Новый поэтъ, выступившій въ защиту умершаго поэта, былъ посаженъ подъ арестъ на гауптвахту, а *засимъ переведенъ въ полкъ на Кавказъ.* Эта катастрофа, столь оплакиваемая друзьями Лермонтова, обратилась, въ значительной степени, въ его пользу; оторванный отъ пустоты петербургской жизни, поставленный въ присутствіе строгихъ обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театръ вѣчной войны, въ незнакомую страну, прекрасную до великолѣпія, вынужденный наконецъ

сосредоточиться въ самомъ себѣ, поэтъ мгновенно выросъ, и талантъ его мощно развернулся. До того времени, всѣ его опыты, хотя и многочисленные, были какъ будто только ощупыванія, но тутъ онъ сталъ работать, по вдохновенію и изъ самолюбія, чтобы показать 'свѣту что нибудь свое; о немъ знали лишь по ссылкѣ, а произведеній его еще не читали. Здѣсь будетъ у мѣста провести параллель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, собственно въ смыслѣ поэта и писателя.

Пушкинъ весь порывъ, у него все прямо выливается; мысль исходитъ, или скорѣе извергается изъ его души, изъ его мозга, во всеоружіи, съ головы до ногъ; затѣмъ онъ все передѣлываетъ, исправляетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная.

Лермонтовъ ищетъ, сочиняетъ, улаживаетъ; разумъ, вкусъ, искусство указываютъ ему на средство округлить фразу,

усовершенствовать стихъ; но первоначальная мысль постоянно не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется; даже и теперь въ полномъ собраніи его сочиненій, попадаетъ тотъ же стихъ, та же строфа, та же идея, вставленная въ совершенно разныхъ пьесахъ.

Пушкинъ давалъ себѣ тотчасъ отчетъ, въ ходѣ и совокупности даже и самой маленькой изъ его отдѣльныхъ пьесъ.

Лермонтовъ набрасывалъ на бумагу стихъ или два, пришедшіе ему въ голову, не зная самъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ, а потомъ включалъ ихъ въ то или другое стихотвореніе, къ которому, какъ ему казалось, они подходили. Главная его прелесть заключалась преимущественно въ описаніи мѣстностей; онъ, самъ хорошій пейзажистъ, дополнялъ поэта—живописцемъ; очень долго обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ, и только со времени его

вынужденнаго бездѣйствія на Кавказѣ начинается полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство со своими силами и, такъ сказать правильная эксплуатація его различныхъ способностей; по мѣрѣ того, какъ онъ оканчивалъ, пересмотрѣвъ и исправивъ, тетрадку своихъ стихотвореній, онъ отсылалъ ее къ своимъ друзьямъ въ Петербургъ; эти отправки причина того, что мы должны оплакивать утрату нѣсколькихъ изъ лучшихъ его произведеній. Курьеры, отправляемые изъ Тифлиса, бывають часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть въ горные потоки или пропасти, черезъ которыя они переправляются на доскахъ или же переходятъ въ бродъ, гдѣ иногда, чтобы спасти самихъ себя, они бросаютъ довѣренныя имъ пакеты, и такимъ образомъ пропали двѣ-три тетради Лермонтова; это случилось съ послѣдней тетрадью, отправленной Лермонтовымъ къ своему из-

дателю, такъ что отъ нее у насъ остались только первоначальные наброски стихотвореній вполнѣ законченныхъ, которыя въ ней заключались.

На Кавказѣ, юношеская веселость уступила мѣсто у Лермонтова припадкамъ черной меланхоли, которая глубоко проникла въ его мысли, и наложила особый отпечатокъ на его поэтическія произведенія. Въ 1838 году (у Дюма 1833, ясно опечатка или не разобрано въ рукописи) ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ, а такъ какъ талантъ, а равно и ссылка, уже воздвигли ему пьедесталъ, то свѣтъ поспѣшилъ его хорошо принять. Нѣсколько успѣховъ у женщинъ, нѣсколько салонныхъ волокитствъ (*flirtations*) вызвали противъ него вражду мущинъ; споръ о смерти Пушкина былъ причиной столкновенія между нимъ и г. де Барантъ, сыномъ французскаго посланника; послѣдствіемъ спора была дуэль, и въ

очень короткое время вторая между русскимъ и французомъ; нѣкоторыя женщины выболтали и о поединкѣ узнали до его совершенія; чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтовъ былъ вторично сосланъ на Кавказъ.

Со втораго пребыванія въ этой странѣ войны и величественной природы, исходятъ лучшія и самыя зрѣлыя произведенія нашего поэта. Поразительнымъ скачкомъ, онъ вдругъ себя превосходитъ, и его дивныя стихи, его великія и глубокія мысли 1840 года какъ будто не принадлежатъ молодому человѣку, пробовавшему свои силы въ предшествовавшемъ году; тутъ уже находишь болѣе правды, и добросовѣстности въ отношеніи къ самому себѣ; онъ съ собою болѣе ознакомился и себя лучше понимаетъ; маленькое тщеславіе исчезаетъ, и если онъ сожалѣетъ о свѣтѣ, то только въ смыслѣ воспоминаній объ оставленныхъ тамъ привязанностяхъ.

Въ началѣ 1841 года, его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ ней и полученія послѣдняго благословенія, года и слабость понуждали ее спѣшить возложить руки на главу любимаго дѣтища. Лермонтовъ прибылъ въ Петербургъ 7 или 8 февраля, и горькою насмѣшкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая въ отдаленной губерніи, не могла съ нимъ съѣхаться, по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ, происшедшаго отъ преждевременной распутицы.

Именно въ это-то время, я познакомилась лично съ Лермонтовымъ, и двухъ дней было довольно, чтобы связать насъ дружбой; однимъ днемъ болѣе, чѣмъ я съ вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежа къ одному и тому же кругу, мы постоянно встрѣчались и утромъ и вечеромъ; что насъ окончатель-

но облизало, это мой рассказъ объ извѣстныхъ мнѣ его юношескихъ проказахъ; мы вмѣстѣ вдоволь надъ ними посмѣялись, и такимъ образомъ вдругъ сошлись какъ будто были знакомы съ самого того времени. Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ: „Штось,“ при чемъ онъ разчиталъ, что

ему понадобится, по крайней мѣрѣ, четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати; наконецъ Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадью подъ мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе: спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ занималъ насъ первой главой какой-то ужасной исторіи, начатой имъ только наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради— была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился, и никогда не былъ оконченъ.

Отпускъ его приходилъ къ концу, а бабушка не ѣхала. Стали просить объ отсрочкахъ, въ которыхъ было сначала отказано, а потомъ они взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяні-

емъ. Лермонтову очень не хотѣлось ѣхать, у него были всякаго рода дурныя предчувствія. Наконецъ, около конца апрѣля или начала мая, мы собрались на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку.—Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи, Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смѣяться надъ его казавшимися пустыми предчувствіями, но онъ поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце. Черезъ два мѣсяца онъ осуществились, и пистолетный выстрѣлъ, во второй разъ, похитилъ у Россіи драгоцѣнную жизнь, составлявшую національную гордость. Но что было всего ужаснѣе, въ этотъ разъ, ударъ послѣдовалъ отъ дружеской руки.

Прибывъ на Кавказъ, въ ожиданіи экспедиціи, Лермонтовъ поѣхалъ на воды въ Пятигорскъ. Тамъ онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ пріятелей, который часто былъ жертвой его шутокъ. Онъ снова началъ свои продѣлки съ нимъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль Мартыновъ былъ мишенью всѣхъ безумныхъ выдумокъ поэта. Однажды, увидѣвъ на Мартыновѣ кинжалъ, а можетъ и два, по черкесской модѣ, что вовсе не шло къ кавалергардскому мундиру, Лермонтовъ, въ присутствіи дамъ, къ нему подошелъ и, смѣясь, закричалъ:

— Ахъ! какъ ты хорошъ, Мартыновъ! ты похожъ на двухъ горцевъ!

Послѣдствіе этой шутки было то, что уже безъ того полная чаша перелилась черезъ край; послѣдовалъ вызовъ и на другое утро два пріятеля дрались на дуэли. Напрасно секунданты употребляли возможныя усилія къ примиренію, даже

самъ Лермонтовъ вѣрить не хотѣлъ, что онъ будетъ драться съ Мартыновымъ. Но судьба свое взяла!

— Возможно-ли, сказалъ онъ секундантамъ, когда они передавали ему заряженный пистолетъ, чтобы я въ него цѣлилъ?

Цѣлилъ-ли онъ? или не цѣлилъ? Но только то извѣстно, что раздалось два выстрѣла, и что пуля противника смертельно поразила Лермонтова.

Такимъ образомъ, окончилъ жизнь въ 28 лѣтъ, и тою же смертью, поэтъ, который одинъ могъ облегчить утрату, понесенную нами смертью Пушкина.

Странная вещь! Дантесъ и Мартыновъ оба служили въ кавалергардскомъ полку.

Евдокія Ростопчина.

Перевелъ и сообщ. В. К. Шульцъ.



Н. А. Некрасовъ въ с. Спасскомъ.

Ракъ уже извѣстно публикѣ, — юные годы въ жизни Н. А. Некрасова были годами тяжелой борьбы съ нуждой. Самъ поэтъ, впоследствии, не разъ передавалъ своимъ близкимъ печальные факты и случаи изъ своей тяжелой жизни. Теперь и я передамъ одинъ разсказъ, относящійся именно къ этому періоду жизни поэта.

Какъ-то разъ, Некрасовъ, нанявшій для себя жалкую, убогую комнатку въ подвальномъ этажѣ, увидалъ, что и эта, почти конура, дорогá для него, — и вотъ, онъ рѣшился прійскать себѣ сожителя, сотоварища по комнатѣ, почему на окнѣ своей

комнаты онъ и налѣпилъ лаконическую надпись „Отдается квартира...“

Однажды, когда Некрасовъ былъ дома—ему тяжело нездоровилось—и онъ лежалъ на полу своей, почти лишенной мебели, комнаты, отворилась дверь и въ нее вошелъ высокій, худой, бѣдно одѣтый господинъ и обратился съ вопросомъ къ Николаю Алексѣвичу:

„Позвольте узнать: здѣсь сдается квартира?“

— Здѣсь, было отвѣтомъ.

„А какая цѣна?“—Такая-то.—„Хорошо, я согласенъ и нанимаю квартиру“.

— Когда же вы думаете переѣхать?

„Да я уже переѣхалъ...“ засмѣялся вошедшій, бросая въ уголъ небольшой узелокъ съ платьемъ и сбрасывая шинель—составлявшіе все его имущество. Вновь явившійся былъ К. А. Даненбергъ, занимавшійся въ Академіи Художествъ.— Вотъ и зажили эти горемыки вмѣстѣ.

Жизнь была ужасная, тяжелая, голодная жизнь. Даненбергъ оказался въ такомъ же почти положеніи, какъ и Некрасовъ. У обоихъ были богатые родители—и оба они терпѣли тяжелую нужду. Клавдій Андреевичъ Даненбергъ былъ сынъ довольно состоятельныхъ родителей. Отецъ его служилъ прежде, кажется, полковымъ командиромъ одного изъ полковъ, въ Южной Россіи.

Онъ желалъ, чтобы сынъ его пошелъ по медицинскому факультету—и вотъ, молодой человѣкъ былъ имъ опредѣленъ въ Казанскій университетъ и помѣщенъ на квартиру къ моему дѣду—сослуживцу его отца, бывшему прежде полковымъ врачомъ. — (Отъ моей матушки и ея брата, а затѣмъ и отъ одного изъ лицъ, близкихъ къ Н. А. Некрасову по изданію „Современника“ мнѣ и довелось услышать передаваемый здѣсь рассказъ). Но молодого человѣка тянуло совсѣмъ не къ ме-

дицинѣ. Всѣ симпатіи его были устремлены на искусство—и вотъ, вопреки желанію родителей, онъ отправился въ Петербургъ, бросивъ университетъ, и поступилъ въ Академію Художествъ. Зная, что поступокъ его навлечетъ на него гнѣвъ родителей, молодой человѣкъ рѣшился нѣкоторое время вовсе не писать имъ о себѣ — и вотъ онъ дожилъ до страшной крайности, почти ѣсть нечего было... Некрасовъ былъ въ это время не богаче его... Чтобы чѣмъ либо кормиться и платить за квартиру, молодые люди стали продавать свои вещи. Вскорѣ дошло до того, что и продавать-то было нечего. Тогда было рѣшено продать шинель Некрасова, а довольствоваться шинелью Даненберга имъ обоимъ, потому, видите-ли, что Даненбергъ былъ очень высокаго роста, а Некрасовъ былъ скорѣе низкаго—такъ что шинель Некрасова была ужъ очень мала Даненбергу. И вотъ, когда

напр. Некрасову нужно было выходить изъ дому — то Даненбергъ вооружался иглой (онъ былъ мастеръ на всѣ ручныя работы) и подшивалъ шинель для Некрасова, и тотъ выходилъ со двора въ такомъ костюмѣ. Когда же нужно было куда либо отправиться Даненбергу, — то шевъ распускался — и шинель приходила въ прежній видъ — и надѣвалась на плечи ея владѣльца!...

Въ 1846 году Н. А. Некрасовъ, вмѣстѣ съ И. И. Панаевымъ, пріѣхали въ Казанскую губернію, гдѣ у И. И. Панаева было и свое небольшое имѣніе и жили его родные. Тутъ-то моя матушка и познакомилась съ Некрасовымъ. По ея словамъ и по рассказамъ другихъ, познакомившихся тогда съ нимъ въ Казани, это былъ не высокаго роста, съ бѣлокурыми волосами и большими выразительными глазами, робкій, молодой человѣкъ.

Пробывши довольно долго въ самой Казани, Некрасовъ, вмѣстѣ съ Панаевымъ, посѣтили и одинъ изъ уѣздныхъ городковъ нашей губерніи, Спасскъ. И, вотъ, тамъ-то ему довелось принять участіе въ оригинальной охотѣ—охотѣ на дупелей, охотѣ, производившейся на городской площади,—большой, безгранично большой, болотистой площади... Впослѣдствіи Н. А. Некрасовъ, въ своей поэмѣ „Несчастные“, такъ охарактеризовалъ этотъ глухой городокъ:

. Невольно
Припомнилъ бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно.
То правда: городъ не широкъ,
Не длиненъ—лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.
Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый
И площадь... площадь велика!

Крогомъ не видно ей границы,
И слышно, осенью, на ней
Чудакъ, забжій изъ столицы
Успѣшно ищетъ дупелей.

.

Но есть и тамъ свои могилы,
Но тамъ бесплодно гибнуть силы,
Тамъ духота, бездушье, лѣнь...
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.
Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать.
Кудажь идти? къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытать?

Храни Господь того, кто скажетъ:
„Простите, мирныя поля!“
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормъ большого корабля...

Изъ Спасска Н. А. Некрасовъ, съ своимъ
сотоварищемъ, отправился въ село
Новоспасское, Спасскаго уѣзда, принад-

лежавшее тогда Григорію Михайловичу Толстому. Здѣсь прожили они довольно долго...

Гостепріимный, умный, развитой и замѣчательно оригинальный человѣкъ былъ Григорій Михайловичъ! Человѣкъ хорошо образованный, богатый, извѣдившій не разъ Европу, Григорій Михайловичъ, былъ сыномъ своего времени. Это былъ вполне человѣкъ сороковыхъ годовъ, человѣкъ увлекающійся, страстный. По характеру своему, онъ имѣлъ много общаго съ С. Т. Аксаковымъ. Такъ, одна страсть, одно увлеченіе безпрестанно у него смѣняли другую. Онъ—то пристращался къ охотѣ и превращалъ свое жилище въ какой-то военный, охотничій арсеналъ; всѣ комнаты у него тогда увѣшивались и уставлялись ружьями, рогатинами, кинжалами, ягташами и проч. принадлежностями охоты; то онъ пристращался къ растеніямъ—цвѣтамъ и деревьямъ. И вотъ,

онъ жилъ какъ-бы въ оранжереѣ, съ дорогими тропическими растеніями и т. п. — Все это, конечно, требовало большихъ денегъ и онъ до того увлекался, что иногда спускалъ чуть не до гроша свое состояніе, обременялъ себя долгами—но счастье, видимо, ему покровительствовало—и онъ неожиданно, нежданно получалъ откуда нибудь наслѣдство. И это случалось не одинъ разъ въ жизни. Такъ было и до самой кончины Григорія Михайловича, последовавшей въ 1872 году, въ Казани.

Село Новоспасское, гдѣ жилъ Григорій Михайловичъ во время пріѣзда къ нему гостей—Н. А. Некрасова и И. И. Панаева—большое, богатое село, раскинувшееся привольно и широко по оврагу рѣченки Курлянки, съ большимъ густымъ садомъ. Въ то время Григорій Михайловичъ жилъ въ деревянномъ флигелѣ, построенномъ у сада, съ террасой, выходящей въ садъ. Тутъ-то, на этой террасѣ,

въ хорошіе, ведренныя дни, а особенно по вечерамъ, часто сиживали Некрасовъ, Панаевъ и Толстой — и тутъ-то было окончательно рѣшено арендовать „Современникъ“ у Плетнева. Далеко за полночь, на этомъ балконѣ велась живая, увлекательная рѣчь о новомъ журналѣ, обдумывалась его программа, тѣ улучшения, какія предполагалось ввести въ него, и проч. При этомъ, все трое давали другъ другу слово работать для журнала и поддерживать его, кто чѣмъ можетъ. Г. М. Толстой далъ даже тогда, насколько мнѣ припоминается его собственный рассказъ объ этомъ, 5000 руб. (вѣроятно ассигнаціями) на это дѣло. Но этимъ и ограничилась его поддержка журналу. Такъ, кажется, ни одной его статьи тамъ и не было напечатано. Вѣроятно, Григорія Михайловича, вскорѣ по отъѣздѣ гостей, увлекла другая страсть, другое занятіе, чуждое литературѣ...

Въ дождливую же и пасмурную погоду, хозяинъ съ своими гостями перемѣщались съ террасы въ комнату, къ которой прилегала терраса, и садились тамъ въ уголъ, на угловой диванъ, передъ круглымъ столомъ.

Некрасовъ, въ одну изъ бесѣдъ на террасѣ, обратилъ вниманіе хозяина на то, что въ одну изъ щелей террасы пробивается отпрыскъ липки и просилъ его дать просторъ этому деревцу. И вотъ, было прорублено круглое отверстіе въ полу террасы и теперь, среди самой террасы, возвышается могучее, тѣнистое дерево—„дерево Некрасова“... И до сихъ поръ стоитъ этотъ домикъ, растетъ это дерево и сохраняется даже диванъ—бывшіе безмолвными свидѣтелями живыхъ, жаркихъ бесѣдъ—(Н. А. Некрасова, И. И. Панаева и Г. М. Толстаго, — которыхъ уже всѣхъ нѣтъ на свѣтѣ)—бесѣдъ о журналѣ, долго потомъ служившимъ посиль-

но русскому обществу, журналѣ, въ которомъ допѣлъ свои лебединыя пѣсни Бѣлинскій, гдѣ окрѣпъ и возмужалъ талантъ Некрасова, гдѣ Тургеневъ печаталъ свои лучшія произведенія, гдѣ работалъ Добролюбовъ, Щедринъ и другіе дѣятели науки и литературы.



ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

о

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.



Смерть каждаго крупнаго общественнаго дѣятеля на томъ или другомъ поприщѣ вызываетъ въ обществѣ интересъ не только узнать біографію покойнаго, прочесть такъ сказать его формуляръ, а ознакомиться со всѣми мельчайшими деталями его жизни. Это подтверждается тѣмъ, что всегда по смерти такого лица въ обществѣ начинаютъ циркулировать всевозможные анекдоты изъ его жизни, припоминаются его слова, поступки, мелкіе эпизоды изъ его домашняго быта и т. п.

Въ виду этого я счит^{аю} далеко не безъ-интереснымъ и не лишнимъ подѣлиться съ читателями хотя нѣсколькими воспомина^{ніями} о такой выдающейся личности, о такомъ колоссальномъ талантѣ и геніальномъ писателѣ, какимъ былъ покойный Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ *).

Я увѣренъ, что читатели не посѣтуютъ на меня за предлагаемыя отрывочныя воспомина^{нія} о великомъ сатирикѣ...

Чѣмъ богатъ,—тѣмъ и радъ!..

* *

Въ одномъ изъ своихъ очерковъ М. Е. вывелъ типъ государственнаго дѣятеля, который не столько радѣлъ о дѣлѣ, какъ заботился о томъ, чтобы всѣ думали, что

*) Все, повѣствуемое въ настоящемъ очеркѣ, составлено на основаніи словъ и разсказовъ лицъ близко знавшихъ М. Е. Салтыкова и бывшихъ свидѣтелями сообщаемыхъ фактовъ.

онъ дѣлаетъ дѣло. Окна кабинета этого дѣятеля выходили на улицу, по которой то и дѣло ѣздили всевозможные чины различныхъ вѣдомствъ. Для того, чтобы проѣзжающіе думали, что онъ всѣ ночи напролетъ занимается дѣлами, дѣятель никогда не тушилъ по ночамъ въ своемъ кабинетѣ лампы, хотя самъ въ это время даже мысленно не присутствовалъ за письменнымъ столомъ.

Одно изъ высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи лицъ узнало себя въ этомъ очеркѣ. Случай скорѣе свелъ ихъ съ Щедринымъ съ глазу на глазъ.

— А, Михаилъ Евграфовичъ! — обратилось къ Щедрину лицо: очень радъ васъ видѣть! Читалъ, батенька, читалъ вашъ рассказецъ! Подали вы меня подъ краснымъ соусомъ! Ну, а теперь подъ какимъ еще соусомъ намѣреваетесь вы меня подать?

— Ахъ, ваше—ство!—отвѣчалъ Щед-

ринъ: вы и безъ всякаго соуса слишкомъ хороши!..

* * *

Михаилъ Евграфовичъ былъ чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ, хотя почему-то многіе считали его человѣкомъ грубымъ, несправедливымъ и даже эксплуатировавшимъ своихъ сотрудниковъ. Напротивъ, онъ всѣми силами поддерживалъ начинающихъ писателей, разъ только замѣчалъ въ ихъ произведеніяхъ хоть проблески таланта или дарованія. Надъ чужими рукописями онъ работалъ едва-ли не больше, чѣмъ надъ своими собственными. Часто онъ выпускалъ совсѣмъ то или другое дѣйствующее лицо, бывшее по его мнѣнію совершенно лишнимъ въ рассказѣ, и тогда ему приходилось пересмотрѣть и переработать все произведеніе отъ начала до конца. Благодаря этой переработкѣ возникали очень курьезныя

недоразумѣнія. Читатели, находившіе произведенія того или другаго писателя на страницахъ „Отечеств. Зап.“ прекрасными и занимательными, съ удивленіемъ замѣчали, что произведенія того-же писателя на страницахъ другихъ изданій оказывались бездарными и скучными. Писатели, получившіе было имя благодаря передѣлкѣ ихъ произведеній Щедринымъ, съ прекращеніемъ Отеч. Зап. словно въ воду канули.

* *

Съ посѣтителемъ М. Е. обнаруживалъ необыкновенное благодушіе, хотя между ними попадались люди положительно невыносимые.

Однажды въ квартиру къ нему явился какой-то господинъ и отрекомендовался авторомъ одного ученаго изслѣдованія и врачомъ.

Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Что вамъ угодно? спросилъ М. Е.

— Нѣтъ, что вамъ отъ меня угодно?
переспросилъ врачъ.

— Отъ васъ мнѣ ничего не угодно.

— Зачѣмъ-же вы хотите меня описать?
возразилъ тотъ.

— Да объясните, наконецъ, въ чемъ
дѣло?! закричалъ Щедринъ.

Дѣло оказалось въ томъ, что врачъ
бросилъ дѣвушку, съ которою жилъ, а
та пригрозила ему пожаловаться Щедри-
ну, съ которымъ она будто бы знакома
и сказала, что онъ „раздѣляетъ ковар-
наго измѣнника“.

Бѣдный врачъ до того перепугался этой
угрозы, что прибѣжалъ оправдываться
передъ Щедринымъ и просилъ не гу-
бить его.

Разумѣется, М. Е. успокоилъ ученаго
ислѣдователя на этотъ счетъ.

* *
*

Однажды М. Е. добродушно посмѣивался надъ гимназіей, въ которой училась его дочь, директоромъ которой состоялъ покойный А. Я. Гердъ, бесѣдовавшій въ это время съ Щедринымъ.

— Какія у нихъ темы для сочиненій даются! говорилъ М. Е., кивая на Герда: просто уму непостижимо! Не угодно-ли, наприимѣръ, написать сочиненіе „о пустынь и морѣ!“ Да ни одна изъ ученицъ не видѣла отродясь никакой пустыни, а вмѣсто моря видѣла только „Маркизову лужу“ (устье Невы)—вотъ и сочиняй. А то не угодно-ли описать Аничковъ мостъ! Получивъ эту тему, ученицы цѣлаго класса явились на Аничковъ мостъ изучать его для сочиненія и только городскихъ, стоявшихъ на мосту, въ крайнее смущеніе ввели. Я даже самъ попробовалъ написать сочиненіе для вашего учителя, заключилъ М. Е., обращаясь къ Герду,—

и ничего, слава Богу, получилъ за свое сочиненіе тройку!..

* *

Вмѣсто біографіи покойнаго М. Е. *), приведемъ собственныя слова усопшаго внесенныя имъ въ „альбомъ“ „Русской Старины“ въ видѣ краткой автобіографіи:

I. „Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ, родился 15 января 1826 года, воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ, откуда вышелъ въ 1844 году. Началъ службу въ канцеляріи военнаго министерства, продолжалъ въ вятскомъ губернскомъ правленіи съ апрѣля 1848 года, возвратился въ Петербургъ въ январѣ 1856 года. Первая повѣсть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1847 году, № 11, „Противорѣчіе.“ „Умеръ...“

1874 г.

II. „Я родился 15 января 1826 года,

*) М. Е. Салтыковъ - Щедринъ умеръ 29-го апрѣля 1889 г. отъ закупоренія артерій.

Тверской губерніи, Колязинскаго уѣзда, въ с. Спасъ-Уголѣ. Десяти лѣтъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, а оттуда переведенъ въ Царскосельскій лицей. Тамъ я началъ писать стихи, за которые былъ часто наказываемъ; тамъ же началъ и печатать ихъ. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотвореніе „Лира“ было помѣщено въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1841 или 1842 года; затѣмъ я печаталъ стихи въ „Современникѣ“ Плетнева. Послѣ выхода изъ лицея (въ 1844 году) стиховъ больше не писалъ. Затѣмъ служилъ и писалъ, писалъ и служилъ до 1848 года, когда былъ сосланъ на службу въ Вятку за повѣсть „Запутанное дѣло“. Прожилъ тамъ почти 8 лѣтъ и служилъ, но не писалъ.

„Въ 1856 году возобновилъ литературную дѣятельность „Губернскими Очерками“ и вплоть до 1868 года писалъ и служилъ, служилъ и писалъ. Въ 1868 году

совсѣмъ оставилъ службу и окончательно отдался литературѣ. Написалъ 22 названія книгъ. Въ послѣднее время, одержимый тяжкимъ недугомъ, ожидаю смерти.

М. Салтыковъ.“

21 сентября 1887 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Н. А. Некрасовъ	1
II. А. И. Левитовъ	9
III. И. С. Тургеневъ	16
IV. Покупка земли у И. С. Тургенева	25
V. Гр. Л. Н. Толстой	31
VI. Гр. Л. Н. Толстой	37
VII. Триумфальный въездъ графскихъ лошадей въ мое село	52
VIII. Вѣсти о гр. Л. Н. Толстомъ	64
IX. Л. Н. Толстой	76
X. Гр. Л. Н. Толстой въ Москвѣ	87
XI. Д. В. Григоровичъ	97
XIII. Встрѣча съ Н. Г. Помяловскимъ	111
XIV. В. А. Слѣпцовъ	115
XV. Дѣтство Гл. И. Успенскаго	129
XVI. Литературные успѣхи Г. И. Успен- скаго	138
Власть земли и Власть тьмы. (Соч. Гл. Успенскаго и гр. Л. Н. Толстаго).	146
Ө. М. Достоевскій на каторгѣ	168
М. Ю. Лермонтовъ. (П. Висковатаго).	179
М. Ю. Лермонтовъ. (Графиня Е. П. Рас- топчина)	208
Н. А. Некрасовъ въ с. Спаскомъ	227
М. Е. Салтыковъ-Щедринъ	239